

Роберт Асприн

Джоди Л. Най

МИФЫ
МИФОПОДСТАВЫ

МИФология

Джоди Най

МИФЫ. МИФОподставы

«Издательство АСТ»

2006, 2008, 2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Най Д. Л.

МИФЫ. МИФОподставы / Д. Л. Най — «Издательство АСТ»,
2006, 2008, 2016 — (МИФология)

ISBN 978-5-17-136352-9

Злые языки говорят, что члены корпорации М.И.Ф. с места не сойдут, не получив за это хотя бы один грош. Гнусная клевета! То есть, по большей части... Потому что авантюризм и тяга к приключениям рушит самые выгодные, самые денежные проекты. И вот Ааз ввязывается в экспедицию по поиску легендарного Клада – группы волшебных говорящих предметов. И вот Скив с Аазом заключают пари, угрожающее их многолетней дружбе. И вот в тишайшем во всех мирах месте – месте упокоения богатых и знаменитых – разгорается магическая война. И вот...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-136352-9

© Най Д. Л., 2006, 2008, 2016
© Издательство АСТ, 2006, 2008, 2016

Содержание

НеМИФический фарт	6
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Роберт Асприн, Джоди Линн Най

МИФЫ. МИФОподставы (сборник)

Robert Asprin

Jody Lynn Nye

MYTH-GOTTEN GAINS

MYTH-FORTUNES

MYTH-CHIEF

Robert Asprin's Myth-Fits

Публикуется с разрешения BILL FAWCETT & ASSOCIATES и литературных агентов, JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

© Robert Asprin and Jody Lynn Nye, 2006, 2008

© Jody Lynn Nye, 2016

© Перевод. Т. Бушуева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

РОБЕРТ АСПРИН (1946–2008) прославился своим фэнтезийным юмористическим циклом «Мифы» (MYTHs), причем первый же роман, «Еще один великолепный миф» (Another Fine Myth), стал столь успешным, что издатели заключили с ним контракт на 6 книг, а затем продлили еще на столько же. После 12 «классических» асприновских романов сериал продолжила Джоди Линн Най.

Среди других известных работ автора цикл «Шутовская рота» о приключениях бравых космических наемников, а также кропотливая редакция многотомной серии «Мир воров», объединивший десятки писателей – от признанных мастеров жанра до дебютантов, – создавших увлекательную вселенную, населенную авантюристами и разбойниками.

НеМИФический фарт

Глава 1

Мелкая преступность – бич сегодняшнего бизнеса.

Д. Лорин

– Эй, приятель! Да-да, ты, с зеленой чешуей! Купи меня!

Я оглянулся.

Я водил носом по одной из бесчисленных распродаж, до которых страшно охоч, но не на Базаре, где голос, скорее всего, принадлежал бы невинного вида торговцу-деволу за прилавком, а в базарный день на городской площади в измерении под названием Иттшалк, где я просто любопытства ради сделал остановку во время моего тура по провинциям. Здешные жители, наподобие растафарианцев, поросли колтунами длинных спутанных волнистых волос, а бескрайнее небо было зеленоватого оттенка.

Впервые за долгие годы я ни от кого не зависел в моем путешествии в соседнее измерение – спасибо подарку друга. Я наслаждался новизной странствий в обществе себя любимого, задерживаясь сколько угодно и где угодно. Если мне хотелось на недельку уйти в запой в Пукипси с пугами, я так и делал. Если вдруг оказывалось, что ежегодный фестиваль Вскрытия Бочек в Гарве полный отстой, я мог в два счета отменить бронь, не дожидаясь, когда какой-нибудь фокусник взбодрит меня. Свобода дарила больше кайфа, чем любое шампанское, которое я когда-либо пил.

Ежегодная Праунвипская сельская ярмарка являла собой густой лес торговых палаток, установленных на открытой площади среди нескольких зданий, разбросанных по пыльной равнине прерий. Под коническим голубым шатром в середине площади настраивался духовой оркестр. Аппетитный аромат жареных сосисок, пузырящиеся горшки с острым перцем чили привлекли мое внимание к длинноволосым поварам, колдовавшим над печками-каменками под соседним шатром. Умелые пальцы парикмахеров заплетали длинные локоны ребятишек в тоненькие дреды, украшая их разноцветными бусинами, или же наносили из баллончиков переливчатые узоры блесток, которые, как несомненно надеялись их матери, впоследствии не составят большого труда смыть.

На одной стороне площади другие волосатые обитатели испытывали удачу, увертываясь от обстрела кокосовыми орехами, выпускали стрелы по надутым цветным шарам или же набитым тряпками мячом сбивали пирамиду из амфор. На мой изощренный извергский взгляд, довольно примитивные забавы, но местные жители, похоже, веселились от души. Я не такой дурак, чтобы выбрасывать денежки на игры, в которых вас непременно надуют, на каждой ярмарке во всех измерениях, или, из того, что я видел, на всякую дребедень, выставленную на продажу на шатких столиках, беспорядочно расставленных под жарким солнцем для моего обозрения. Я смотрел на все это флегматичным взглядом. Большая часть товаров была откровенным барахлом, но я все равно с удовольствием их разглядывал, прежде чем проверять качество местного пива в харчевне напротив. Из нее, шатаясь, выходило достаточное количество посетителей, чтобы я получил хорошее представление об этом месте.

– Эй! Посмотри вниз! Пожалуйста, добрый человек, вытащи меня отсюда!

Я посмотрел на стол. На меня смотрел чей-то глаз. Он отражался примерно в дюйме тусклого серебристого клинка, торчащего из потертых кожаных ножен. Я посмотрел вверх. Рядом не было никого, чей глаз мог бы отразиться в клинке. Заинтригованный, я схватился за потемневшую латунную рукоять и вытащил меч еще на несколько дюймов. В клинке появился вто-

рой глаз. Это были продолговатые, сине-стальные шары, обведенные черным контуром, зоркие и пронзительные. Я взглянул вверх, чтобы убедиться, что торговец с черной косой не наложил на клинок заклинание, чтобы сделать его более привлекательным для прохожих, но он стоял в конце прилавка, разговаривая со старухой, густо поросшей длинными седыми космами, о фарфоровой ночной вазе в цветочек.

– Хвала Кузнецу, я уж думал, ты никогда меня не послушаешь! – прошептал тот же голос.

– Я слышал тебя, – вежливо отозвался я. – Всего хорошего.

И приготовился перейти к следующей груде товаров.

В голосе прозвучало отчаяние:

– Умоляю тебя, друг, не уходи! Вдруг ты услышишь что-то такое, что будет тебе на пользу!

Я тотчас наострил уши. Надо сказать, что уши извергов отлично приспособлены для того, чтобы слышать то, что нам нужно, поскольку по форме они мало чем отличаются от ушей летучих мышей, которые могут различать звуки вплоть до самых высоких децибел. Мы прекрасно слышим даже пятнадцатизначные суммы.

– Что такого ты мог бы для меня сделать? – спросил я, стараясь не выдавать интереса в голосе.

– Сначала, приятель, очисти меня от грязи этого места.

– Как это? – спросил я.

– Если нет врага, которого можно поразить, хорошенько стукни по камню.

– Почему бы нет? – сказал я.

Я не ношу оружия. Таких извергов, как я, уже сама природа снабдила защитной броней: толстой шкурой, проткнуть которую может лишь самый острый клинок, желтыми когтями, которым ничего не стоит выпотрошить противника так же легко, как и открыть банку с пивом, и острыми четырехдюймовыми клыками, способными разорвать в клочья что угодно, включая дешевые стейки на стоянке грузовиков. Впрочем, мне отлично известно их истинное назначение.

Напугав пару паукообразных рядом со мной так, что те от страха преждевременно отложили мешочки с яйцами, я взмахнул мечом над головой и стукнул лезвием по земле. Меч запел. С него отлетели куски ржавчины. Я на всякий случай зажмурил глаза. Когда пыльная буря улеглась, я обнаружил, что сжимаю блестящий меч с клинком из раскаленного добела серебра и рукоятью из чеканного золота, усыпанной драгоценными камнями-кабошонами чистых цветов рубина, аметиста, изумруда и сапфира, при виде которых у меня зачесались ладони. Я уже мысленно начал подсчитывать возможные барыши.

Глаза, теперь свободные от затуманивавшей их пленки, стали еще острее. Я видел такие глаза, когда играл в Драконий покер, поверх руки с картами, когда мой противник мучился вопросом, вправду ли я собрал всю масть или же блефую. Эти глаза придирчиво рассмотрели меня с головы до ног.

– Дикарь Изверг, – сказал клинок. – Я и помогал твоим соплеменникам, я и убивал их.

– Я покажу тебе дикаря, жестянка, – прорычал я.

Глаза на миг закрылись, как будто невидимое существо склонило голову в извинениях.

– Как пожелаешь. Значит, твой народ достиг более высокого статуса, нежели имел, когда я в последний раз видел твоего соплеменника. Умоляю тебя, друг, купи меня поскорее. И тогда я покину это место. Я прослежу, чтобы ты получил десятикратное вознаграждение.

– Десятикратное, говоришь? – Что ж, неплохая окупаемость затрат. Тем не менее я не заметил рядом с собой околоплодных вод.

– Если ты этого не знал, Худышка, ты меч. Где ты возьмешь деньги?

– Я расскажу тебе свою историю, если ты только удалишь меня из этого места. Боюсь, что скоро нас может подстергать опасность.

И тут до меня дошло, что не я один заметил преображение меча с блошиного рынка из ножики для вскрытия писем в музейный экспонат. Я злобно зыркнул на них и оскалил зубы. Они тотчас попятились, стараясь держать руки и ноги подальше от моего рта. Я засунул меч обратно в его потертые ножны и небрежно протащил его через грязь к существу, которому принадлежал ларек.

– А-а-а, хорошо... сэр, – сказал итшалкианец, поворачивая ко мне свою заплетенную в косички шкуру. Он нервно посмотрел на меня, но явно не собирался отказываться от потенциальной продажи. Он взглянул на облезлый кожаный тубус в моей руке. Я еще крепче сжал пальцы на рукояти.

– Я вижу, вы выбрали один из моих любимых артефактов. Уверен, что вы понимаете его ценность.

– Разумеется, – ответил я. – Пять золотых монет, и ни одной больше.

– Пять?! – удивился торговец. Маска маслянистой угодливости мгновенно превратилась в гримасу возмущения. – Как вы могли попросить меня расстаться с семейной реликвией всего за пять монет, чешуйчатый сэр? Она стоит как минимум сорок!

Меня всегда забавляло, как лавочник мог навалить на стол горы всякого барахла, не обращать на них внимания, если на них никто открыто не посягал, оскорблять их в глазах своих друзей и семьи, называя мусором, а затем внезапно запричитывать *о-горе-мне-моя-семья-будет-голодать*. Я слышал эту ектению так часто, что мог бы читать ее вместе с ним. Если это был хороший продавец, я иногда присоединялся к нему, просто чтобы насладиться шоу, но у этого клоуна напрочь отсутствовал естественный стиль. Он явно был из тех, кто клюнул на курс с рекламы на обложке журнала: «Если ты умеешь рисовать Спарки, ты тоже можешь стать грязным торгашом!» Природного дарования в нем не было ни на грош. Да и я был не в настроении.

– Слишком много для начала, брат, – сказал я, укоризненно покачав головой. – Даже демон не осмелился бы спросить с меня двадцать монет за этот шампур для свиньи.

– Шампур для свиньи! – повторил голос в ножнах. Он прозвучал глуховато, но со слухом у него все было в порядке. – Вот что я скажу тебе, болван...

– Заткнись. Да не ты, – сказал я торговцу. – Мое предложение – пятерка.

– Тогда я говорю – пятьдесят!

Я жадно вздохнул. Он не видел преображения меча. Я же не только не собирался сообщать ему об этом, но и выразительно зыркнул на собравшуюся вокруг нас толпу, чтобы никто из них не вздумал открывать рот.

– Шесть.

– Шестьдесят! – возразил торговец.

– Семь.

– Семьдесят!

– Четыре.

– Э-э-э... что? – На полной скорости сойдя с рельсов, товарный поезд врезался в кирпичную стену.

– Ты только что впал в абсурд, брат. С этого момента цена снижается.

– Ты этого не сделаешь! – Косы торговца затряслись от ярости.

Я усмехнулся, демонстрируя ему результаты моего последнего визита к стоматологу. При виде моей клыкастой улыбки он побледнел.

– Сделаю, еще как сделаю. Так ты продаешь его или нет?

– Это самое главное, друг!.. – промямлил голос из моей руки.

– Заткнись. Итак, на чем мы остановились? Четыре.

– Нет, добрый изверг, я стою как минимум в сто раз больше!

– Молчи! – рыкнул я на него уголком рта. – Хочешь, чтобы я оставил тебя здесь?

– Нет, я вас умоляю!

– Тогда застегни рот, пока тебя не услышали! Четыре, – повторил я.

– Нет, сэр, прошу вас! – Торговец был в ужасе. Он заломил руки. – Он обошелся мне гораздо дороже! Я купил его у старого лысого солдата, которому изменила удача.

– Не иначе как ему не хватало денег на выпивку, – холодно сказал я. Я одерживал верх и не желал отпускать свое везение.

– Дай за меня хотя бы двадцатку.

– Это еще куда ни шло, – одобрительно сказал я.

– Значит, ты заплатишь?

– Ни за что. Моим первоначальным предложением было пять монет, и считай, что тебе крупно повезет, если ты их получишь.

– Пятнадцать, друг.

– Нет.

– Десять. Это всего на одну монету больше, чем я за него заплатил. Мое последнее предложение.

Правда непременно заявит о себе, если дать ей время, так же как и местная полиция. Я заметил четверку волосатых копейщиков, целеустремленно бегущих по улице. Кто-то в толпе, должно быть, решил, что я выгляжу опасно. Мне, вероятно, сошло бы с рук, что я хотел нагреть торговца на девять золотых монет, но мне не хотелось связываться с констеблем. Ведь по идее это был мой отпуск!

– По рукам. – Я с великодушным видом нащупал в кармане нужную мелочь и бросил деньги на стол. Монеты со звоном покатались и, звякнув, замерли на медном подносе для коронации. – Приятно было иметь с тобой дело.

С этими словами я небрежно отвернулся и сунул меч под мышку. Окруженная облаком волос горстка людей бросилась к столу торговца и что-то начала втолковывать ему. Не иначе как то, что только последний лох будет продавать столь изысканные столовые приборы по сниженным ценам. Я неторопливо зашагал к гостинице.

– Клянусь небесами, друг, ты жуть какой ловкий делец даже для своего вида.

Обычно лезть мне приятно, но я только что понял, что теперь в моем кошельке появилась прореха размером в десять монет, которой раньше не было. Я оскалился:

– Заткнись. Я только что выложил хорошие деньги за меч, который мне ни к чему.

Мне срочно требовалось выпить. Я вошел в гостиницу, занял единственное место за угловым столиком, сел спиной к стене и лицом – как к парадной, так и задней двери. Затем подал знак барменше, смазливой девице с длинными рыжими волосами на всех ее соблазнительных выпуклостях.

– Эй, красотка! Что тут у вас наливают?

Правда, я потерял пару минут, убеждая девицу, что яиц, из которых пили иттшалкианцы, явно недостаточно, чтобы взбодрить изверга в обеденное время. К тому моменту, когда она появилась с наскоро вымытым ведром, полным пива, меч уже был не в состоянии сдерживать себя.

– Клянусь Кузнецом, как же хорошо оказаться как можно дальше от этих жалких поделок и их хозяина! Вынь меня из ножен, друг. Я чувствую, что мы находимся в довольно мирном месте, где мало потенциальных врагов.

Точно такую же оценку я дал бы ситуации и сам. Главная комната харчевни была пуста, если не считать нескольких местных жителей, которые о чем-то трепались за длинным столом прямо перед барной стойкой, и пары стариков с редкими седыми локонами, игравших в настольную игру под окном на противоположной стороне обеденного зала. Слегка захмелев после первой кружки пива, я согласился удовлетворить каприз меча. Я вытащил его из ножен.

– Как твое имя, друг? – поинтересовался он, буравя меня очередным пронзительным рентгеновским взглядом.

– Ты хочешь сказать, что не можешь прочесть его на резинке моих трусов? – спросил я. – Ааз, коли уж ты спросил.

– Оз?

– Не знаком с таким.

– Понятно. Меня сбил с толку зеленый цвет. А мое имя – Эрзац.

– С тобой все ясно, – усмехнулся я, делая глоток из второго ведра. – Как и любой другой говорящий меч во всех измерениях и большинство тех, кто не обладает даром речи.

– Но я – тот самый ЭРЗАЦ.

– Так, мой блестящий друг, говорят все. – Я посмотрел в глаза меча. Довольно-таки сердитые глаза. – Хорошо, возможно, тот парень, который выковал тебя и наложил на металл заклинание интеллекта, сообщил тебе, что тебя зовут Эрзац, но, должен сказать, ты никак не можешь быть настоящим. Тот меч был сделан около десяти тысяч лет назад. Прошел примерно через миллион битв...

– Один миллион четыреста тысяч восемьсот две – нет, три. И никогда не знал поражения.

– Слушай, приятель, ты можешь выдавать липовую статистику, пока не посинеешь, но таких, как ты, сотни или тысячи.

Он гневно сверкнул очами:

– Второго такого, как я, нет! Я уникален! Я, лидер Золотого клада, совсем не похож на те сотни или тысячи, которые были выкованы позже. Они названы в мою честь! Я был рядом с героем Тадетинко, спасшим Троллию от огнедышащих чудовищ Лавандрома! Я был в руке завоевателя, который победил узурпатора Корпорации Демонов! Я, и только я был тем, кто сдерживал врата, что защищали столицу твоего измерения, не давая ей стать дочерней компанией этого самого концерна. Я не имитация! Я НАСТОЯЩИЙ Эрзац!

В тот момент я вспомнил, где видел похожий меч. Он был вплетен в гобелен, висевший на стене археологического музея в городе, где я вырос. В частности, я заметил необычный узор из драгоценных камней на его золотой рукояти. Примерно за две или три тысячи лет до того, как я родился, изверг по имени Клонмейсон действительно защищал наше измерение от вторжения деволов, которые пытались занять наш главный город. Он загнал их обратно в их адские края легендарным мечом по имени...

– Не-е-е... – выдохнул я. – Золотой Клад – это миф!

– Вообще-то, нет, – сказал меч.

Я откинулся на спинку стула, забыв даже про пиво. В течение тысяч лет легенды о Золотом Кладе ходили во всех измерениях. Это было собрание сказочных одушевленных сокровищ, которые как будто сами находили путь к людям, собиравшимся стать героями, чтобы спасти мир от той или иной опасности, подстерегавшей его в то время. Я знал о Кладе все. Он состоял из всех традиционных вещей, одна из которых случайно попадает в руки какого-нибудь несчастного рыцаря как раз в тот момент, когда рыцарь надеется избежать крупного конфликта и оказывается в самом сердце решающей битвы за спасение мира, причем появляется как раз вовремя, чтобы освободить прекрасную даму, или же попадает в руки начинающего чародея, что позволяет ему или ей изречь пророчество, спасающее королевство от верной гибели. Эти легенды ходили уже тысячи лет. Я редко испытываю трепет перед живыми людьми и почти никогда – перед неодушевленными вещами, но скажу честно, я испытал уважение к полоске стали в моих руках. Если это настоящий Эрзац, то он вел в бой больше генералов, чем надежд на славу. В таком случае он стоил заплаченных за него денег: десять золотых монет были сущими грошами по сравнению с той прибылью, которую он сулил.

– Итак, хрустальный шар, чаша и фолиант?..

– Да, а также кольцо, флейта и бездонный кошелек денег – они тоже члены нашего ордена. Я старший. Был еще великий Щит, – добавил меч. – Но он пожертвовал собой ради освобождения Клада четыре тысячи лет назад. Арфа без струн была раздавлена во время погрома, кото-

рый последовал за Укрощением Гигантов-Многоножек. Великий Ключ расплавился в пожаре, разрушившем сокровищницу в форте Нокс. Тем не менее такова наша судьба. Я видел, как великие сокровища присоединяются к нам только затем, чтобы покинуть этот бранный мир, но при этом испытывают радость от того, что они были созданы именно для такого момента.

– Разве там не было, ммм... больше сокровищ? – спросил я. – Я слышал про золотую булаву, которую некоторое время назад какой-то парень таскал с собой. По идее она тоже была частью Золотого Клада.

– У нас вечные проблемы с самозванцами, – со вздохом ответил меч. – Какое-то время из темных углов, если можно так выразиться, вылезали некие «Героические сокровища». В нашей славной команде никогда не было булавы. Нам поступала заявка от Волынки Страха, но, как оказалось, в ней не было ничего магического. Просто ее звук естественным образом заставлял любого, кто ее слышал, повернуться и, заткнув уши, бежать прочь, что под силу любой из десяти миллиардов волынок.

При мысли о десяти миллиардах волынок я поежился и снова пристально осмотрел меч.

– Похоже на катаэ, – сказал я, любясь металлом. Его раз за разом перегибали, чтобы сделать слои катаэ во сто крат прочнее и гибче, чем любое литое лезвие.

– Катаэ! – взвизгнул клинок. – Мой кузнец жил на десять тысяч лет раньше катаэ! Он изобрел и успел забыть большее количество технологий, чем любой кузнец с тех пор!

– Не заплетай свои иглы в косу, – сказал я, продолжая осмотр. Меч «Эрзац» некогда славился как самый острый и самый умный меч в мире. Увы, было изготовлено такое множество подделок, что его имя стало синонимом дешевизны и низкого качества. – Похоже, ты все еще можешь рубиться с лучшими из них.

– Я так же остер, как и раньше, – настаивал меч. – Но я не могу никого заставить в это поверить. Даже ты не поверил.

– Что касается меня, то присяжные еще не вынесли окончательного решения, – сказал я. Впрочем, я потихоньку начинал верить в то, что он о себе говорил. – А где остальные?

– Я не знаю, где сейчас находится большинство моих товарищей, – признался Эрзац, в смущении опустив свои стальные голубые глаза. – Многие из нас не видели друг друга более века. По правде говоря, большинству из нас нет никакого дела друг до друга. Келса – она великий хрустальный шар для гадания, самый точный предсказатель будущего из всех, когда-либо созданных, – и та ни разу не сделала прямых заявлений с самого первого дня, как появилась на свет. Когда дорога каждая минута, она просто не в состоянии говорить по существу!

– Это по твоей части, – усмехнулся я.

– У тебя острый ум, друг мой.

– Итак, что мне с тобой делать? – спросил я. – Если честно, мне не нужен трофей, чтобы украсить им стену, тем более говорящий.

Голубые глаза вспыхнули тревогой:

– Нет, друг, я тоже не хотел бы стать трофеем. Хотя какое-то время я был прикован к стене вон того заведения общественного питания. – Говорящий меч покосился в сторону улицы. За дверью харчевни я разглядел хижину с красными стенами, из нее выходили покупатели с липкими лепешками, которые в этом измерении были эквивалентом пиццы. – Я жил бок о бок со всяким хламом, собранным со свалок всего этого измерения. Я лишь тогда был избавлен от бесконечной болтовни о «наших сегодняшних блюдах» и «ужинах на двоих по цене одного», когда посетители наконец заявили, что отказываются сидеть за столиком под удерживавшими меня скобами. Думаю, им не нравились мои комментарии про сходство между их едой и кишками врагов, которых я убивал. Именно тогда меня бесцеремонно продали тому торговцу.

– Они просто не ценили хорошую беседу за ужином, – пошутил я. – Я знаю пару неплохих фехтовальщиков, которые позаботятся о тебе в старости. Будут холить и лелеять тебя и бесконечно слушать твои истории.

Меч выглядел оскорбленным.

– Мне не нужна забота! Я хочу вновь быть брошенным на волю судьбы, чтобы оказаться там, где я нужен. Друг, ты показал себя разумным существом, который видит дальше, нежели горстка дукатов в конце следующей сделки.

– Это кто говорит? – перебил я его.

– Мне нужна твоя помощь.

– Моя?

– Да, твоя.

– Забудь об этом, приятель, – сказал я. – Я в отпуске. Я довезу тебя до ближайшей войны, и там мы расстанемся.

Впервые в его глазах появилась мольба.

– Уважаемый господин изверг, умоляю вас! Выслушайте мою историю. Потом, если вы вложите меня в руку какого-нибудь чумазого парня, который отчаянно бросается в битву, я смиренно приму эту участь.

– Хорошо. Полагаю, ты не можешь купить мне выпивку. – Я огляделся в поисках подходящего места.

– Нет, это не мой талант. Мне очень жаль. Я ждал такого, как ты. Я слышал от проходившего мимо кинжала, что моих товарищей по Кладу *собирают в коллекцию*. Один жадный человек собирает их всех вместе. Этого не должно произойти. Мы не можем вечно пылиться на полке. Мы должны быть свободны, чтобы отдаться вольному порыву ветра Судьбы.

Я допил последнее пиво из второго ведра и жестом заказал девице третье. Она довольно расторопно доставила его и удалилась. Думаю, не многие из ее клиентов садились за стол, чтобы побеседовать со своим оружием.

– Извини, худыш, но я перестал подгонять халявы, особенно большие и легендарные, вскоре после того, как сам вышел из возраста ученичества.

– Разве я не упомянул, что один из наших собратьев – Бездонный Кошель Денег? – спросил меч, и его отраженные глаза блеснули.

Вспомнив эту прекрасную легенду, я замер посередине глотка. Нет ни одного ребенка-изверга, который бы не слышал о нем в школе, у которого не зудели бы ладошки от жадных мечтаний его заполучить.

– Ну, да...

– Все, что ты сможешь получить, будет твоей наградой.

– Я слышал подобные фразы и раньше, и не только про деньги, – буркнул я. – Так что забудь.

Меч понимающе потупил глаза.

– Хорошо, я уговорю ее – Кошель это она – дать тебе любую сумму, какую ты назовешь. Клянусь честью, мы вознаградим тебя более чем достойно. Тысячи золотых монет будут твоими. Десятки тысяч. Но сначала мы должны найти ее.

Чем дольше я колебался, тем заманчивее звучало его предложение.

– Ну... хорошо. Что нужно сделать в первую очередь?

– Ты должен доставить меня к Келсе. Она единственная из Клада, чье местонахождение мне известно, и единственная, кто может назвать нам местонахождение остальных. Тогда мы отыщем каждого из них и освободим из плена.

– Нет, на такое я не согласен, – заявил я, представив, как от меня улетаю мешки с деньгами. – Забудь об этом. Я не отправлюсь ни на какие поиски по той лишь причине, что тебе

приспичило собрать вашу компашку. Ты хотел слинять с барахолки и слинял. С моей точки зрения, ты должен мне сотню золотых. Вот и все.

– Но... разве тебя ничто не волнует и ты не готов рискнуть ради большего блага?

– Только потому, что тебя и твоих приятелей обуяла домашняя лихорадка? – прорычал я. – Не-не-не. Я просто собираюсь потусоваться здесь и малость перекусить, а потом...

В этот момент дверь харчевни с грохотом распахнулась. В вихре волос толпа с площади ворвалась внутрь, во главе с торговцем хламом.

– Вот он! – воскликнул иттшалкианец. – Тот, кто меня надул! Разорвем Лысого в клочья!

Я уже вскочил на ноги. Неким загадочным образом рукоять меча сама прыгнула мне в руку.

– Замахнись мною, о друг! – крикнул меч. – Дай мне напиться их крови. Мы покажем вам, подлые негодяи!

Толпа иттшалкианцев наступала на нас. Само собой разумеется, я заранее, готовясь к подобному случаю, уже приметил все ходы и выходы из этого места. Я направился в заднюю часть заведения... и тотчас столкнулся нос к носу с местными жандармами, шагавшими мне навстречу с отнюдь не дружелюбным выражением на лице. Один из них вынимал из набедренной кобуры волшебную палочку особенно неприятного вида. У меня не было выбора. Я полез в карман за И-Скакуном, который, собственно, и привел меня сюда, в Иттшалк, и нажал кнопку «ОТМЕНА».

БЭМС!

Глава 2

Харчевня исчезла. В мгновение ока ее сменила такая же тускло освещенная комната, но большинство присутствующих уже были на полу. Громкая музыка наполняла воздух вместе с неистребимой вонью прокисшего эля, смешанного с рвотой, жареной едой и мерзковатым душком потных, давно не мытых тел. Студенческая вечеринка, которую я оставил в Бономе, все еще продолжалась. Я обнаружил, что сижу верхом на перевернутой пивной кружке и фиолетовом плакате с надписью «Позвоночные рулят!». Пара пьяных на ковре подняли змеиные головы и втянули ноздрями воздух.

– Ааз! – прошипел один из них. Его черные глазки-бусинки блестели от удовольствия. – Ты вернулся! Выпей еще!

– Нет, спасибо, Сллислик, – сказал я. – Просто зашел справить нужду.

Сллислик указал языком на двери в задней части комнаты.

– Слева, но смотри, куда ставишь ноги. Ткткткссни вернулся, чтобы сбросить кожу, и извергнул добычу, которую он поглотил, на пол.

– Трус, – угрюмо буркнул меч. – Ни один из тех головорезов не был вооружен чем-то острее столового ножа, ты же увел меня от единственной хорошей битвы, которой я мог потешить себя впервые за десяток лет.

Я сердито зыркнул на него:

– Живо заткнись, или я буду пользоваться тобой исключительно для бритья.

– Кто твой друг? – спросил Сллислик, удивленно таращась на синий глаз, выглядывающий из-за разорванного края кожаных ножен.

– Я – Эрзац, – сообщил меч.

– Круто. – Боном хихикнул и соскользнул обратно на пол.

Меч снова пристально посмотрел на меня.

– Что ж, друг Ааз, если ты вернешься в Иттшалк, ты вступишь в бой. Я с радостью буду на твоей стороне, но ты говоришь, что хорошая битва тебе неинтересна. Несчастье свело нас вместе. Так не бросить ли наши жребии на ветер судьбы?

– Единственные «жребии», которые меня интересуют, – это денежки, которые ты мне должен, – напомнил ему я.

Голубые глаза меча подернулись пленкой задумчивости.

– Увы, я не смогу вернуть тебе долг, если ты не отнесешь меня к моей подруге Келсе. Если ты откажешься, я пойму, но мы оба останемся недовольны. Я – тем, что буду перед тобой в долгу, ты – тем, что тебе кто-то должен. Ублажи меня еще разок, друг Ааз. Обещаю, ты не пожалеешь.

– Я уже сожалею об этом, – вспыхнул я. – Из-за тебя я лишился закуски, третьего пива и тихой прогулки по городу. Я мечтал отдохнуть, а вместо этого получил меч, который бегло говорит по-форсутски.

Даже согни я его в скрепки, все равно не смог бы получить недостающие десять золотых монет. Я ткнул пальцем мечу между глаз, где полагалось быть носу, если бы тот у него имелся.

– Хорошо, я дам тебе шанс. Как я найду твою хрустальную подружку?

– Она в Ори.

БЭМС!

Последний раз я был в Ори лет этак двадцать назад. Довольно милое измерение, но местному рисовому пиву не хватает крепости хорошего сакэ, а женщин не интересовал парень в чешуе. А жаль, потому что они были симпатичными кисками.

Мы перенеслись на окраину Перрта, второго по величине города Ори. Пройти сторожевую будку у главных ворот заставы заняло всего мгновение. Стражники, похожие на огромных, жилистых черных леопардов, осмотрели мой багаж, состоявший из болтливой мечи, наличных денег и зубной щетки в моем кармане, и потерлись мордами о мое бедро, отмечая меня своим запахом в знак того, что я прошел досмотр.

– Келса провела последние сто или около того лет, консультируя Эллу, великую провидицу Ори, – пояснил Эрзац, пока я, следуя его указаниям, шагал по лабиринту улиц, которые извивались между белыми оштукатуренными домиками. – Она весьма мудрая женщина и с пользой применяет таланты моей подруги.

Ее таланты интересовали меня гораздо меньше, нежели избавление от болтливой собеседника. Мы увернулись от огромной телеги, нагруженной серебристой рыбой, каждая размером с мой торс, и от парада покупателей-орионов, следовавших за ней с безумным блеском в глазах. Меня так и подмывало крикнуть: «Эй, коттики, кис-кис-кис!» К счастью, я подавил в себе это желание, совершенно справедливо рассудив, что это было бы последнее, что я сделал бы в этой жизни. Мне меньше всего хотелось ввязываться в драку с местными жителями, которые были весьма обидчивы по причине своего сходства с небольшим зверьком, являвшимся домашним животным в более чем сотне других измерений. А вот Эрзац был бы только рад. Пока я шагал, он грузил меня байками о своих прошлых приключениях, а их у него был буквально миллион. И все же, глядя, как длинные хвосты жадно подергивались на пушистых задницах, пока местные следовали за тележкой с рыбой, я подумал: черт, оно того стоило бы!

– ...Это зрелище тебе наверняка понравилось бы, друг Ааз. Они оказались прямо перед нами, шестнадцать головорезов в черных масках, каждый с шестью мечами в многочисленных своих руках. Они ринулись на нас! Я направил руку моего юного подопечного. Вверх, по самую гарду! Над рукой, колющий удар вниз, в жизненно важные органы первого нападающего. Мое лезвие пронзило его тело и, выйдя в спине, разрежало запястье другого негодяя и отсекло ему кисть. И снова назад! Сжимая меня в обеих руках, мой владелец замахнулся мною над головой и нанес удар вниз и кругом. Я повернул свое лезвие так, чтобы самый острый его край был направлен наружу, и мы на месте перерезали шеи троим из них. Ха!

Я поднял руку, кладя конец этому словоизвержению.

– Мы идем правильным путем? – спросил я.

Зоркие глаза окинули взглядом окружающее пространство.

– Да. Мы находимся в пределах улицы. Сверни налево у башни с часами, о которую твои фелиноиды точат когти, и мы буквально через дюжину шагов окажемся на пороге дома Эллы.

У меня острое зрение, но потребовалось пройти еще добрую сотню футов, прежде чем я разглядел формы у основания башни. Он был прав. Башня с часами, похоже, была популярным местом встреч у жителей Перрта. Вокруг ее квадратного основания этих созданий расположилось около сотни, и все как один с силой точили когти о ее поверхность, которая, как мне показалось, была сделана из мягкого камня. За сотни лет когтеточки на ней образовались длинные узкие желобки, отчего она напоминала вельвет. Занимаясь этим полезным делом, орионы делились новостями и уходили от стен башни, отполировав когти до острых-преострых кончиков и наполнив уши последними сплетнями, совсем как когда-то кумушки у водо-разборной колонки. Я обошел их и отсчитал двенадцать шагов до второго порога.

– Входи сюда, добрый Ааз, – сказал Эрзац. – Келса внутри.

Дверь нам открыла полосатая горничная Эллы и, выслушав, оставила ждать в коридоре. Я назвал ей свое имя, но сказал, что о своем деле сообщу лично хозяйке дома. Она приняла мои слова без вопросов. Готов поспорить, что более восьмидесяти процентов посетителей посту-пали точно так же. Либо провидица узнавала все о нас без всяких объяснений, либо была шар-латанкой, и, когда мы встретимся, она вытащит из меня все, что только можно прочесть по языку моего тела.

Похоже, Келса была мастерица находить себе компанию. Арочная дверь в конце коридора распахнулась, и мне навстречу шагнула киска-орион с чистым белым мехом, в развевающейся мерцающей сине-зеленой мантии. Ее огромные сине-зеленые овальные глаза с вертикальными зрачками были широко открыты.

– О, мистер Ааз, последние два часа Келса только и говорила о вас! Где он? Ах да, я забыла! – Она захихикала и кокетливо приложила лапу к груди. – Вы не знаете меня и не доверяете мне. Я – Элла. Добро пожаловать! Где Эрзац?

Похоже, она была реальной штучкой. Я был впечатлен. По-моему, гадалки – это либо чокнутые истерички, которые считают, что голоса в их голове несут некий мистический *смысл*, либо мошенницы, которые, комбинируя психологические фокусы, чтение языка тела и прони-цательные догадки, говорили клиентам то, что те хотели услышать. Я не называл имя меча с того момента, как мы попали в их измерение, так что она никак не могла узнать его от агента или шпиона. Я вытащил Эрзац из ножен на фут или около того. Глаза меча польщенно забле-стели.

– Сочту за честь, миледи, – произнес он.

– Рада познакомиться, – ответила провидица, сияя ему улыбкой. – Вы оба, заходите сюда! О, мы уже несколько недель чувствовали, что грядут колоссальные перемены. Я страшно рада, что вы смогли добраться сюда так быстро. У меня было ужасное предчувствие, что что-то должно произойти, пойти не так, как надо, но я предпочитаю ошибаться в том, что я ошибаюсь. Вы согласны?

Ни на секунду не умолкая, она повернулась и повела нас к двери, из которой только что вышла. Я закатил глаза и последовал за ней.

Дом мог быть особняком, но комната, в которую она нас привела, напоминала палатку любого чокнутого экстрасенса в любом месте заселенного космоса. Комнату освещали свечи в длинных подсвечниках. Их фитили дымили, как спортивные комментаторы. Воздух был густ и пах дешевым парафином. На мебель были наброшены яркие шелковые покрывала, по три, а то и по четыре штуки на каждый предмет, отчего клиент был вынужден крепко упираться ногами в пол, чтобы не соскользнуть.

Чего тут только не было! В полумраке я был вынужден следить за тем, куда ставлю ноги, чтобы не задеть маленькие столики, заставленные бесполезными безделушками, кото-

рые наверняка служили бы предметом гордости любой викторианской тетушки: часы в форме тарантула, который показывал время двумя лапами, или бронзовая керамическая ваза, страхолюдная до невозможности, – я даже удивился тому, как это цветы в ней от ужаса не обронили все свои лепестки. Между столиками затесались четыре или пять бюро и дюжина мягких стульев с жестко вертикальными спинками. Портреты на стенах являли собой образчики школы живописи Разъяренных Предков. На меня свирепо таращились всякие там скряги орионы обо-его пола в разных нелепых костюмах, из чего я сделал вывод, что Элла не первая в своем роду, у кого напрочь отсутствует вкус в одежде. Я столь же свирепо посмотрел на них в ответ.

Весь это китчевый декор потускнел и отошел на второй план, когда мой взгляд привлекло чистейшее золотое сияние. В центре комнаты на маленьком круглом столике с пурпурной скатертью, усыпанной звездами, покоился хрустальный шар. Он был такой идеальной формы, что напомнил мне мыльный пузырь. Он светился, напоминая восход солнца в кинофильме. Мои ноги сами направились к нему. Я вовремя остановился, напомнив моему телу, кому оно принадлежит, но не сводил с сияющего шара глаз.

– Келса! – воскликнул Эрзац.

– Эрзац! – пискнул шар. Подойдя ближе, я увидел в нем лицо женщины-ориона в тюрбане, украшенном большой золотой эгреткой с изогнутым назад страусовым пером и в усыпанных драгоценными камнями очках, чьи уголки торчали чуть вверх. Ее усы восторженно топорщились. – Предзнаменования сбылись! Энергии выстроились в том порядке, который я предсказывала с давних пор. Я знала, что ты придешь.

– Да, это так, – сказала Элла, грациозно подходя и усаживаясь на пуфик возле стола. Она жестом указала мне на маленький стул напротив нее.

– Мы говорили об этом в течение некоторого времени. Мне приятно видеть вас. Ваши подвиги взволновали меня до глубины души!

Я был польщен.

– Спасибо, Элла. Я не привык говорить о себе, но мне приятно, что меня ценят.

– Конечно, и вас тоже, мистер Ааз, – добавила Элла и наклонила голову, как будто извинялась. – Ваше прошлое – крайне интересная история. Еще совсем недавно мы даже не знали, что именно вы доставите сюда Великий Меч Эрзац!

Я нахмурился. Лицо в шаре повернулось ко мне и стало лицом женщины-извергини.

– Ваша судьба была предсказана много раз, – сказала Келса, – и она столь же переменчива, как и погода. Полагаю, что правящие вероятностями стихии швыряют вас, как игральную кость, и тем не менее вам постоянно выпадает выигрышное число. Время от времени ваше будущее менялось. У ваших звезд, похоже, есть... некая доброжелательная сила. Как же это сбивает с толку, вечно поворачиваться туда-сюда!

– Я забочусь о себе, – коротко ответил я.

– Я буду очень по ней скучать, – промурлыкала Элла, нежно поглаживая лапкой хрустальный шар. – Мы так чудесно проводили время вместе! За последние несколько лет мы так подружились, не правда ли, дорогая? – Она нежно наклонилась к шару, и лицо внутри него вновь стало лицом женщины-ориона. – И мы весело провели время.

– Это да, – согласилась Келса. – Помнишь, когда губернатор Пента пришел спросить... это было в первый раз или во второй? Нет! Это был третий визит после великого праздника Уилифа пять лет назад. Или шесть? Про трех женщин, которых он содержал за спиной у жены?

– И одна из них послала вместе с ним свою шпионку, – хихикнула Элла. – Как же глупо с его стороны было думать, что он сможет приехать к НАМ инкогнито! Ты ведь сразу раскусила его.

– Ах да, – сказала Келса. – И у него был роман и с ней тоже. Глупая девица. Она не знала, кого ей предать первой. Но она ПРЕДАЛА, поскольку шпионила там, чтобы сначала предать

губернатора, но потом решила переметнуться в другой лагерь и предать свою хозяйку, но не знала, в каком порядке следовало их предавать!

Я начал понимать, что имел в виду Эрзац, говоря, что Келса не способна *перейти к делу*. Элла составляла ей в этом идеальную пару.

– Не важно, – сказал я, махнув рукой, чтобы привлечь их внимание. – Меч пришел сюда за советом. Он хочет знать, где находится Бездонный Кошелек Денег. Скажите ему, чтобы я смог выбраться отсюда и возобновить мой отпуск.

– О, твой отпуск! – воскликнула Келса, поворачивая ко мне милое личико извергини, и просияла, обнажив ряды острых, как бритва, зубов. – Да ведь тебе не нужно беспокоиться об отпуске. Вовсе нет.

– Отлично, – сказал я. – Ладно, Эрзац, говори, что ты хотел сказать, и пойдем отсюда.

– Прекрасная Келса, – начал Эрзац, – в течение последних месяцев я страдал от безделья. Я мечтаю вернуться в битву в руке истинного воина, но до меня дошли тревожные слухи о судьбе наших товарищей по Кладу. Это правда?

– Какой именно слух, дорогой? – спросила Келса, переключая на него внимание. Из чешуйчатого ее лицо превратилось в стальное, но очки все так же сидели на ее теперь остром, как бритва, носу. – Ты слышал о Чаше? Говорят, ее предлагали в качестве приза на школьных соревнованиях. И это правда. Ее выиграл восьмилетний пентюх в забеге на двадцать ярдов! Второе место! Теперь она сидит на полке между коллекцией игрушечных солдатиков и коробкой окаменевших ирисок. Она в ярости! Какое унижение для той, в ком плескалось Вино Примирения между комдейлами и ленойлами Перозола!

– Только не это! – ужаснулся Эрзац.

– Или – вот тот слух, который меня изрядно потешил, – что якобы я тайком превратилась в шар для боулинга на чемпионатах Имперской лиги! – Келса залилась заразительным смехом. – Нет, вы только представьте, как я качусь по дорожке к ряду тупых кеглей, чтобы набрать всего десять жалких очков!

– Я могу представить, без проблем, – рыкнул я.

– Об остальных из нас, Келса, – настойчиво гнул свою линию Эрзац. – Я слышал, будто остальных по одному крадет некий *коллекционер*?

– Ах, этот! – сказала Келса. – Этот не такой забавный, как тот, которого я на днях поймала в эфире. Ты даже не поверишь! Я слышала, будто Кольцо живет в...

– Он единственный, о ком я хочу слышать, Келса, – перебил ее Эрзац.

– Но это так печально!

– Говори немедленно!

Ясновидящая вздохнула и как будто слегка сдулась. Лицо внутри шара застыло, а веки наполовину опустились, прикрыв круглые голубые глаза. Тюрбан на голове стал наряднее, а камень в эгретке засветился живым золотом. Глаза начали менять размер: один увеличивался, другой уменьшался, а затем сужался, пока другой выпучивался.

– Сокровища веков объединятся вновь, – произнесла Келса жутким замогильным голосом, от которого у меня по спине забегали мурашки. – Семеро Золотых будут вновь собраны зеленой рукой. Когда между союзниками нет согласия, фортуна благоволит тому, кто швырнет их на ветер случайности. Враг преследует по пятам, стремясь помешать счастью! Вечный танец должен снова прийти в движение, возглавляемый дуэтом из двух миров. Ах! Жизни могут погибнуть! Судьбы изменятся! Бедствие обрушится на головы масс! Дентек на два пункта вверх, Порком на полпункта вниз, Сконгреб из-за напряженных торгов на той же позиции...

– Зеленая рука! Это, должно быть, вы, мистер Ааз, – сказала Элла, улыбаясь мне. – Вам предначертано собрать Клад!

– В общем, баста! – рявкнул я, отрывая зад от скользкой ткани и поднимаясь на ноги. – С меня довольно. Все, что я обещал, это привести Эрзац сюда, к его девушке, чтобы вернуть

свои деньги. Ладно, забудем об этом. Будем считать, что это безнадежный долг. – Мое лицо пылало. Мне нужно было выбраться оттуда, прежде чем я в ярости разнесу в щепки это место. Десять золотых монет выброшены на ветер! Я швырнул ножны на стол и поправился к двери.

– Нет, Ааз! – запротестовал Эрзац.

Элла бросилась, чтобы меня перехватить, и положила руку мне на плечо.

– О, пожалуйста, подумайте еще раз, мистер Ааз, – промурлыкала она, глядя на меня своими огромными глазами. – Нечасто кого-то просят стать орудием судьбы!

– Меня не волнует, захотите ли вы, чтобы я играл на саксофоне в джазовом квартете, – прорычал я. – Я ухожу.

– ...Лейкерс 32, Буллз 98... Ааииий!

– Остановите ее! – взвизгнул Эрзац.

Мы с Эллой резко повернулись. Я не сразу понял, что что-то пошло не так, поскольку свет на мгновение погас. Хрустальный шар исчез!

– За ней! – крикнул Эрзац. Отражения его голубых глаз в мерцающем клинке были полны гнева.

– Как она выбралась отсюда? – потребовал я.

– Зеленая девка!

– Какая зеленая девка? Куда она ушла? Как она выбралась?

– Вон там, мерзавка, – сказал Эрзац. Я проследил, куда указывали его глаза, вверх по стене к единственному окну в комнате, в двадцати футах над полом. Его небольшие створки были распахнуты, легкие кисейные занавески трепетали на ветерке. На вид слишком маленькое, чтобы кто-то мог пролезть в него, но кто-то же явно пролез. – Она соскользнула вниз, как привидение. Ей потребовалось лишь мгновение, чтобы замотать Келсу в лоскут и заткнуть ей рот, а затем снова взлетела вверх, и все это без единого звука!

Пусть я сам сейчас лишен своей магии, но я кожей чувствую, когда ее пускают в ход. Это вам не вырванная на улице сумочка! Это было хирургическое вмешательство, быстрое, точное и предельно аккуратное. Иными словами, имела место профессиональная кража.

– Что-нибудь еще пропало? – спросил я Эллу.

– Лично я так не думаю, – сказала орионка, оглядываясь по сторонам. – Это вряд ли. В конце концов, именно это она и предсказывала.

– Вот как? Она это предсказала?

– О да. Она говорила, что, вероятно, ее украдут, прежде чем она успеет до конца поведать вам пророчество о Золотом Кладе, – заявила Элла. – И так и случилось! Знали бы вы, как я рада!

От нее не было никакого толку. Не обращая на нее внимания, я осмотрел комнату в поисках улики.

– Вы оставили это окно открытым, Элла? – спросил я.

– Нет, конечно. До него сложно добраться. Я редко им пользуюсь. Снаружи там до самой земли отвесная стена высотой тридцать футов. Боже мой, это так волнительно!

– Волнительно? – спросил я.

– Оно было заперто? – в свою очередь спросил Эрзац.

– Забудь, – сказал я ему. Любого уважающего себя вора, а в данном случае воровку, слабая защелка не остановит. Пошли. – Я схватил его и выбежал вон. Шансы заметить следы вора таяли с каждым мгновением, но как говорится, попытка не пытка.

– Келса сказала мне, – раздался позади меня голос Эллы, – что, когда вы двое снова встретитесь, случится небольшая икотка, но я понятия не имела, что это произойдет прямо сейчас!

Сбежав по ступенькам побеленного домика, я свернул за угол в переулок, на который выходило окно. Как и сказала Элла, – отвесная стена, за которую не уцепиться. Но для про-

фессионала это не проблема. Кто бы это ни был, похоже, он сбежал по соседним крышам. Те находились так близко, что любой мог перепрыгнуть с одной на другую без всякой магии.

– Немедленно беги за ней, Ааз! – потребовал Эрзац. – Вырви Келсу из ее рук! Я должен знать свою судьбу!

– Забудь об этом, Буб, – сказал я.

– Что?

Я огляделся по сторонам, в надежде найти хоть что-нибудь, что дало бы мне ключ к разгадке.

– Я знаю несколько профессиональных домушников. Они работают в одиночку и только после наступления темноты. Обычно в дневное время у них есть хотя бы один дозорный. Кто знает, вдруг поблизости затаился наемный громила. Я не собираюсь нырять в капкан. Нет, мы поступим по-другому.

– Но она уже далеко! Возможно, в каком-то другом измерении.

Я посмотрел в пронзительные голубые глаза на клинке.

– Будь в ее распоряжении магия, чтобы войти и выйти, не пользуясь окном, она бы так и поступила. Зачем кому-то лишний риск, без всякой надобности и не бесплатно. Кстати, говоря о деньгах... – Я разжал руку, как будто собрался выронить Эрзац в сточную канаву перед домом Эллы.

– Что угодно, только не это! – взмолился меч. – Я предложу тебе новую награду, добрый Ааз.

Я усмехнулся:

– Приятно видеть, что мы с тобой пришли к общему мнению. Ладно. Посмотрим, с чем мы имеем дело. Ты единственный очевидец преступления. Опиши нашего преступника. Итак, она зеленая. Что еще?

– Фигуристая девица с хорошими формами, по крайней мере так бы описало ее большинство моих обладателей. Обтягивающая одежда, но она не сковывала движение ее конечностей, из коих наличествовали только четыре, – две руки, прикрепленные на плечах к вертикальному туловищу по обе стороны от основания шеи, и две ноги, прикрепленные таким же образом к нижней части туловища. Эндоскелетная мускулатура...

– Ближе к делу! Из какого измерения она пришла?

– Ах, вот ты о чем! Что ж, добрый друг, она родом из самого удивительного места, где диморфизм развит до крайности, в отличие от многих других видов, у которых самка крупнее самца, чтобы лучше зачать и выносить потомство, сравнение в данном случае весьма уместное, поскольку самки очень любят спариваться...

– Кто она? – рывкнул я, и мой голос эхом прокатился на тихой улице.

– Троллина, – сказал Эрзац. – Жутко гибкая, как и многие представители ее вида. Жительница Троллии... почему ты улыбаешься? Это хорошие новости?

– Я ведь уже говорил тебе, – ответил я, не в силах скрыть радость на моей физиономии, – что не верю в такую вещь, как совпадения?

Глава 3

Мне не сразу удалось найти местные гостиницы, которые обслуживали демонов, но паратройка угроз и мелких монет, способных пробудить воспоминания, помогли мне узнать названия и адреса мест, где могла бы зависать троллина, если она только что успешно закончила свою работу и еще не упорхнула из Ори.

Слово «демон» не означает «ужасающий монстр из ада», как считают обитатели всяких захолустных местечек, где неизвестны передовая магия и наука – ну хорошо, не означает ВСЕГДА. Это просто сокращенный способ сказать «путешественник по измерениям», как я

и бесчисленное множество других индивидуумов, которым средства позволяют перемещаться между локациями по собственному желанию. Впрочем, это вовсе не значит, что в некоторых местах нас не считают ужасающими монстрами из ада. Нелестных описаний, которые я слышал о себе подобных, временами бывало достаточно, чтобы вывести меня из себя, и любой, кого вы ни спросите, скажет вам, что такое случается не слишком часто. То есть если они знают, что для них хорошо.

Харчевни, где мы обычно собираемся, имеют ряд общих черт, таких как магическая связь с Банком Зоорика, газеты иных измерений, множество наемников и прочих продажных типов и бесконечный треп, в котором сплетни, слухи и предложения о работе смешиваются с местными новостями. Это не всегда дружелюбные или уютные места.

Первый демонский бар, в который я заглянул, обладал всем очарованием зала ожидания в аэропорту Бухареста. Там никого не было, кроме пары кричаще одетых бесов, зависавших над столиком в углу, где они пропивали дневную выручку от продажи змеиного масла местным жителям. Во второй только что нагрянула с облавой полиция Перрта, чтобы вытащить пьяного людоеда и рассерженную саламандру, которую тот снял. Сидеть было не на чем. Вся мебель была разнесена в щепы или сгорела, а владелец-орион свернулся клубком в этакий пушистый эмбрион в углу за разбитой стойкой.

Нам повезло, как я мог догадаться, в гостинице номер три. Хотя свет был довольно тусклым, я разглядел, что здесь довольно многолюдно. Никаких орионов в поле зрения, если не считать бармена и официанток, игриво махавших пушистыми хвостами вокруг посетителей. Во всех концах большой комнаты шли разговоры – тихие, по секрету, или громкие, подогретые алкоголем. Я гордо вошел, выставив на всеобщее обозрение Эрзац на моем бедре, с его золотой рукоятью, усыпанной сверкающими самоцветами. Кивнув паре деволов, игравших в Драконий покер, я выразительно прочистил горло.

– Эй, бармен! – крикнул я. – Столик для меня и моего меча.

Пожилый полосатый орион, вытиравший миски и стаканы, оглянулся по сторонам и кивнул на шаткий столик на двоих в углу возле лестницы. Глаза всех присутствующих следовали за мной, пока я не спеша прошел через всю комнату и плюхнулся на стул. Через пару мгновений я ощутил краем правого уха приятную щекопку.

– Вот это сюрприз! – прошелестел голос рядом со мной. – Это полторы руки в ножнах или ты просто рад меня видеть?

К моим губам жадно припала пара чьих-то губ.

– Тананда, – ахнул я, как только снова смог дышать.

Моя старая соратница, она же старый друг, отступила и обворожительно улыбнулась.

– Она самая, во плоти, тигр.

– Это она самая, – сказал Эрзац, – вплоть до одежды, в которой была, когда спустилась по веревке в кабинет Эллы.

– Как мило с твоей стороны было это заметить, – промурлыкала Тананда.

Я позволил своим глазам поблуждать вверх-вниз по выпуклостям Тананды. Нельзя сказать, что женщинам – обитательницам Троллии не известно значение слова «скромность», но, познакомившись с несколькими, вы поймете: она им и не нужна. Наряд Танды не только облегчал проникновение в крошечное окошко, но и выгодно подчеркивал все те прелести, которыми природа щедро наградила троллин. Ее туника имела глубокое декольте, а снизу доходила до бедер, прикрывая ровно столько восхитительной плоти, чтобы, пока она шла по улице, не оставлять за спиной череду пускающих слюни самцов. Кожа Танды была зеленой, как и пышные, густые локоны. В общем, знойная смазливая штучка, что и говорить.

– Это надо же, встретить тебя здесь! – воскликнул я. – Присаживайся, детка.

– Я так и подумала, что это был ты, кого я видела у гадалки, – сказала Тананда. Гибким, текучим движением она уселась на стул напротив меня. Глядя на нее, около дюжины мужчин

в баре издали хриплый вздох. Я сердито зыркнул на них, и они поспешили вернуться к своим бокалам. – На Ори не так уж много извергов, и я не встречала ни одного с твоим вкусом в одежде. Что ты здесь делаешь?

– Пытаюсь помочь другу, – сказал я. – А ты?

– Понятно, – протянула Тананда, водя пальцем по каплям спиртного на столе. – А у меня тут небольшое дельце.

– Стибрить хрустальный шар у гадалки – это как-то не совсем по твоей части, – сказал я.

– А прийти к гадалке – явно не по твоей, – возразила Танда с милой улыбкой. – Давай не будем притворяться, будто не знаем друг друга. Это не обычный хрустальный шар. У меня есть информация, согласно которой этот шар – часть Золотого Клада, как и меч, который очень похож на тот, с которым ты пришел сюда. Так что давай-ка лучше перейдем прямо к делу.

По выражению единственного глаза, выглядывавшего поверх рваных ножен, я понял: Эрзацу не терпится вставить в наш разговор свою пару центов, поэтому я поднял руку, опережая его:

– Давай не будем распространять слухи, которые мы потом не сможем обуздать.

– Уговорил. Я покажу тебе свое, если ты покажешь мне свое. – Тананда лениво улыбнулась мне.

– Обещания, обещания, – вздохнул я, улыбаясь в ответ. – погоди, сейчас вытащу. – Я выдвинул лезвие из ножен примерно на фут, чтобы были видны оба отраженных глаза. – Танда, это Эрзац, прямо как в легенде. Эрзац, знакомься, это Тананда.

– Мое почтение, миледи, – произнес меч.

– Рада познакомиться, – ответила Тананда, приветственно пошевелив пальцами. – Так что, собственно, происходит?

– Нам нужен тот хрустальный шар, который ты стибрила. У моего друга есть к нему дело.

– Вы его не получите, – прозвучал другой женский голос со странным акцентом. – Теперь он мой.

Я поднял глаза. Рядом с Тандой внезапно появилась гибкая девичья фигура. Но если Тананда была фигуристой, эта девушка была подтянутой и жилистой, как инструктор по аэробике. Волосы Танды соблазнительно ниспадали ей на плечи, а гладкие черные волосы незнакомки были прилизаны и собраны на затылке в блестящий узел. Остальная часть ее лица представляла собой острый узкий клюв, поверх которого на меня смотрела пара огромных темных глаз. Мне она весьма напоминала аиста или же страуса. На ней была обтягивающая туника, короткая, чтобы был виден пупок, – если, конечно, его можно было рассмотреть сквозь перья на ее животе, и свободные брюки, обрезанные чуть ниже колен.

– Кто ты? – прорычал я. Вместо ответа девушка гордо вскинула длинный острый клюв.

– Ааз, это Калипса, – сказала Тананда. – Мой новый партнер. В этом месте есть заклинание-переводчик, предназначенное для демонов.

– Я слышала, что ты сказал, – продолжила Калипса. Ее темные глаза блеснули. – Это Эрзац, Великий Меч.

– Выкованный из стали, – сказал я. – Он самый.

– Сколько ты за него хочешь?

– Он не продается, детка. Он независимый подрядчик. Более того, мы сейчас работаем вместе.

– Но он мне нужен! – Ее глаза снова вспыхнули. Надо сказать, у нее были красивые глаза.

– Нет, не могу. Меч должен мне денег. Мы вместе, пока он мне не заплатит. У тебя есть сотня золотых? – Взгляд девушки погрузнел. – Я так и думал.

Она подняла глаза и вперила в меня взгляд.

– Постарайся понять. Я должна собрать вместе величайшие сокровища веков. Мне они нужны все!

В моей голове звякнул тревожный звоночек. Я встретился глазами с Эрзацем и понял: он думает о том же, что и я. Слух оказался правдой. Кто-то собирает Клад. И я задал единственный практический вопрос:

– Зачем?

Тем же скользящим движением, что и Тананда, Калипса опустилась на оставшийся стул. В исполнении двух женщин движение это выглядело совершенно по-разному. Тананда казалась беспечной и сексуальной, но я отлично видел: она настороже, готовая, если возникнут неприятности, броситься в бой. Калипса была сосредоточена, энергия ее движений была направлена прямо на меня. Будь она ракетой, мои ошметки уже заляпали бы всю стойку.

– Это мой дедушка, – начала она. – Величайший танцор всех времен и измерений, великий Калипсо.

– Зачем ему меч и хрустальный шар? – спросил я. – Не думаю, что в Золотом Кладе есть пара обуви.

– Однажды к нам пытались присоединиться такие туфли, – начал Эрзац, – но мы не приняли их в нашу компанию. В придворном искусстве от них было мало пользы, ибо кто они такие? Обычное покрытие нижних конечностей, что не пристало золоту...

– Замолчи! – оборвал его я, не сводя глаз с Калипсы. – Что сделал твой дедушка?

Гордая головка поникла.

– Я родом из Уолта. Это тихое, спокойное измерение, вернее, оно было тихим и спокойным.

– Да, милашка, я бывал там. Тихое и спокойное до скукоты!

– Может быть, раньше, – возразила Калипса. – До того как появился злой Баррик!

– Когда это было?

– Десять лет назад. Я живу в городе под названием Паван, на излучине большой реки к северу от нашего главного порта. Сначала мы обратили внимание на то, что на склоне холма с видом на реку возводится замок. Все наши лорды любят большие дома, чтобы устраивать в них вечеринки и танцы. Мы, уолты, обожаем танцевать. Это у нас в крови. Танцы – источник нашей магии. Более того, один важный ритм был назван в честь нашего измерения. Вы когда-нибудь слышали о Ритме Уолтов?

– Краем уха, – сказал я. – Продолжай.

– Мы не стали придавать большого значения тому, что замок вырос и быстро занял всю вершину горы. Он был построен из блестящего черного гранита, что, на наш взгляд, довольно странный выбор цвета, но куда любопытнее было то, что мы ни разу не видели, чтобы кто-то работал над его постройкой. Мы считали, что ночью камни перемещают гигантские эльфы или что-то в этом роде. Это была загадка. Я сама частенько прокрадывалась к горе в детстве, но всякий раз, когда я приходила туда, эльфы уже успевали уйти.

Я простонал. Вопросительно посмотрев на меня, Калипса пустилась в объяснения:

– Там никого не было. Но стены росли каждый день. Наконец постройка была завершена. Мы, жители Павана, надеялись познакомиться с нашими новыми соседями и разучили по этому поводу приветственный танец. Прошли недели. Соседи так и не появились. Никто не ответил на наш стук в огромные деревянные двери. Мы оставляли на ступеньках приглашения на наши собственные скромные деревенские танцы. Никаких ответов. Мы начали думать, что наш новый сосед нелюдим. Но насколько – мы понятия не имели! Из замка начали выходить его прихвостни, похожие на огромных злых птиц. Они проносились над нашими скромными домами, хватая самых лучших танцоров в городе. Иногда мы снова встречали их, полубезумных и измученных, блуждающих по полям с окровавленными ногами. Баррик приказывал им танцевать до упада. Их хореография безвозвратно изменилась. Они больше не в состоянии были творить магию, которой владели раньше, такую как Танец Сева, чтобы урожай был обиль-

ным, или Танец Осадков, чтобы вызвать дождь. Мы все боялись, что нас схватят и насильно доставят в замок.

Наконец его приспешники схватили моего деда, величайшего танцора в стране. По словам других узников, которые были освобождены, мой дед отказался выполнять приказы Баррика. Он гордо стоял на своем, не желая менять даже самое незначительное па. Баррик угрожал ему ужасными пытками, но мой дед не привык, чтобы с ним обращались, как с обычным танцоришкой. В конце концов великий Калипсо исполнил Танец Оскорбления, бросив в лицо Баррику свое неповиновение. Баррик был в ярости!

– Что ж, уважение старику, – сказал я. – Но какое отношение это имеет к нам?

– Когда Калипсо не вышел из замка вместе с другими, мы собрались огромной толпой, пошли туда и потребовали, чтобы Баррик его освободил. Я стояла у дверей, умоляя Баррика отпустить моего деда. Не успела я и глазом моргнуть, как оказалась в комнате перед каменным треном. Существо, которое сидело на нем... на него нельзя было смотреть без содрогания!

Я взглянул на Тананду.

– Судя по описанию, он дайл, – сказала она. – Зеленая чешуя, длинные зубы.

– Что не так с зеленой чешуей и длинными зубами? – оскорбился я.

– Не всем нравится черепица на коже, Ааз, – терпеливо сказала Танда. – Лично мне это вроде как нравится, но ты знаешь, как выглядят тролли, так что я не самый беспристрастный судья.

– Понятно, – прорычал я. – Пропустите главы с двенадцатой по сорок восьмую. Я хочу знать конец прямо сейчас!

Калипса одарила меня колючим взглядом.

– Он сказал мне, что старик умрет за нанесенное ему оскорбление. Я поклялась, что выполню любую его прихоть, лишь бы он освободил моего деда. Я даже пообещала исполнить для него Танец Похоти, но он отказался. – Ее глаза снова вспыхнули. – Он сказал, что единственный способ сохранить деду жизнь – это добыть для него великое сокровище. Я должна подчиниться и привести к нему всех членов Золотого Клада. Он дал мне на выполнение задания всего тридцать дней. Десять из них уже истекли.

Я покачал головой.

– Парень – обычный Волшебник из Страны Оз, – сказал я. Девушка недоуменно посмотрела на меня. – Забудь. Ты тогда еще не родилась.

– С хрустальным шаром у меня есть два сокровища, – продолжила девушка. – Не хочешь помочь мне, отдав меч, а?

– *Au contraire*, напротив, – огрызнулся я. – Я слышал пророчество, и в нем сказано, что Клад ни при каких обстоятельствах не должен быть собран. Иначе случится великая катастрофа и все такое прочее.

– Но я должна спасти моего деда! Великий Калипсо должен танцевать на свободе!

Я посмотрел на Танду.

– Сдается мне, лучший способ спасти старика – это вызволить его из блестящего черного замка на холме, – здраво рассудил я.

– Невозможно, – сказала Тананда. – Я уже была там. Этот тип серьезно относится к своей роли Повелителя Зла. Там нет ни одного уязвимого места, где я могла бы прорваться и пройти весь путь до подземелий, не будучи пойманной. Его стражники никогда не спят, и они сделаны из камня. Половина из них – горгульи, половина – дайлы, и они страшно не любят друг друга.

Я перешел к следующему практическому вопросу:

– А как насчет того, чтобы выгнать оттуда самого Дайла? Отрубите голову, и тело упадет само.

– Он никогда не выходит из дома без сверхмощных магических щитов и дюжины стражников. Защищен лучше, чем свеженаписанный роман из серии «Школа чародеев».

– Хм. – Тананда знала свое дело. Работа домушницы была для нее занятием второстепенным. С ее опытом, умом и обаянием она была одним из величайших активов корпорации М.И.Ф., но имелась у нее еще одна подработка: заказные убийства. Если уж она не могла подобраться к жертве, значит, дело и впрямь серьезное.

– Почему бы нам не поработать вместе? – попробовала воззвать к моему разуму Тананда.

– Боюсь, здесь у нас разные цели, Танда. Эрзац не хочет, чтобы его забирали. Все, что он хочет, – это поговорить с Келсой, и после этого мы уйдем отсюда. У меня нет в этом предприятия никакого интереса, кроме как вернуть свои инвестиции. Я в отпуске. Прости, малышка, – сказал я Калипсе. – Удачи, но придется тебе обойтись без одного гаджета.

– Нет! – воскликнула Калипса. Не успел я двинуться с места, как она спикировала и схватила лежавший на столе Эрзац. Я бросился к ней, но – вжик! – она вновь отлетела прочь, оказавшись вне досягаемости.

– Как она это сделала? – пробормотал я, глядя на свои пустые руки. – Я бы не догнал ее даже на метле!

– Танец Скорости, – весело пояснила Тананда. – Коронный танец ее семьи.

– Вот это да! Не припомню, чтобы от танцев была какая-то польза, кроме тех случаев, когда нужно кого-то соблазнить.

– Что ж, привыкай, – назидательно сказала Тананда. – У нее их куча. Видел бы ты ее на той крыше! Уж на что я опытная домушница, но даже я разинула рот, увидев Танец Равновесия, когда она, покачиваясь, шла по карнизу, подобно самому ловкому из орионов.

Я посмотрел на нее, а она в ответ на меня. Причудливая работа ног – это одно, а хитрость – совсем другое. Вот хитрости-то у нее и не было. От слова *совсем*. Если она так вцепилась в Эрзац, значит, она никак не могла удержать в руках Келсу.

– Келса! – крикнул я. – Ты где? Эрзац хочет с тобой поговорить! – Мой голос эхом отлетел от стропил. Все, кто был в комнате, обернулись в мою сторону.

Никто не ответил, но я заметил, что полумрак начал светлеть. В считанные секунды паутину под лестницей осветило сияние. То, что на первый взгляд напоминало комок неприметных тряпок, раскалилось и теперь сияло ослепительным блеском.

Я улыбнулся девушкам:

– Не могу говорить, но есть и другие способы общения. – С этими словами я встал, чтобы забрать хрустальный шар.

Не успел я сделать и двух шагов, как Калипса оказалась передо мной. Ее узкая грудь высоко вздымалась, пернатая рука поднялась над головой.

– Ты не пройдешь.

– Не испытывай меня, малышка, – буркнул я, обходя ее. Она возникла передо мной, этакое легконогое видение, но я никогда не был любителем спецэффектов.

Она была быстра. Но и легка, как перышко. Я приподнял ее за локти и убрал с дороги. Она снова встала передо мной. Я переставил ее. В другой части комнаты раздалось хихиканье. Я показал зрителям свои клыки. К тому времени, как я обернулся, Калипса уже была на полпути вверх по лестнице. В ее руках лежал светящийся сверток, а сверху на нем балансировал Эрзац.

– Тебе не перехитрить меня снова, извращенец.

Я взъерепенился. Тананда усмехнулась.

– Верни его ему, Кэлли, – сказала она молодой уроженке Паваны. Та, как героиня плохого романа, прижимала меч к груди. Тананда просияла улыбкой от уха до уха. Я оскалился. – Нам пригодится сотрудничество с ним. Ааз может стать твоим лучшим другом, но если отнять у него игрушки, это его сильно разозлит.

С опаской поглядывая на меня, Калипса изящно спустилась вниз. Я выхватил Эрзаца из ее рук и наполовину вытащил его из ножен.

– С тобой все в порядке?

– Si, – коротко ответил он.

– Хорошо, – сказал я, ударив рукоятью по изношенной коже. – Я уйду отсюда прямо сейчас. Удачи тебе, малышка. Я серьезно. Без обид, – сказал я Тананде. – Я найду другой способ вернуть деньги.

– Послушай, Ааз, – сказала та, непринужденно, на правах старого друга, обвиваясь вокруг меня, и прошептала мне на ухо: – У нас обоих есть что-то, чего хочет другой. Что нужно для заключения сделки?

– Здесь нет места для компромиссов, – ответил я. – Тебе нужен Эрзац. Он свободное существо, так сказать, вольная птица. Он не хочет, чтобы его забирали.

– Но у нас есть кое-что, что тебе нужно: информация от Келсы. Не мог бы ты... уступить нам его на некоторое время в обмен на эту информацию? Может, Баррик будет доволен, если Золотой Клад на денек-другой будет собран в одном месте. А потом ты и он снова сможете уйти.

Я пристально посмотрел на нее:

– Надеюсь, ты не хочешь мне сказать, что веришь, что он променяет старика на коллекцию легендарного хлама?

– Друг Ааз! – возмутился Эрзац.

– Не в обиду тебе будет сказано, – вкрадчиво произнес я. – Прекрати, Танда. Ты не вчера родилась.

– Конечно, нет, – сказала Танда, откинув назад голову с копной волнистых зеленых волос. – Я бы использовала это как уловку, чтобы попасть в замок. Думаю, будет намного проще договориться с ним и спасти дедушку Калипсы, если мы явимся к нему с тем, что он хочет.

– Нет, – возразил приглушенный голос. Я вытащил Эрзац. Острые темные глаза, отраженные в сияющей стали клинка, были полны тревоги. – Нет, добрый Ааз. Собрать Клад не так-то просто, и притом крайне опасно. Как ты думаешь, почему этого никто не сделал за все эти столетия?

– Ты прав, парень, – буркнул я. – Ни к чему без причины накликать на себя неприятности.

– Тогда почему Келса сказала, что они воссоединятся? – разумно спросила Танда. – Я все слышала, пока свисала вверх ногами с оконной рамы. Зеленая рука – это или ты, или я.

– Или Баррик, – пискнула Калипса. – Он тоже зеленый.

– Вот, – просияла Тананда. – Не должны ли мы спросить у Келсы, что она имела в виду?

– Она ничего толком не объяснит, – сказал Эрзац. – Она просто не способна придерживаться основной нити повествования.

– Мы вытащим это из нее, – сказал я и стукнул по столу ладонью. – Положите ее сюда!

Калипса с видимой неохотой развернула ткань, в которую был завернут хрустальный шар. В ту секунду, когда складки легли ровно, мы услышали то, что, вероятно, было непрерывным потоком сознания, если можно назвать этот словесный понос сознанием.

– ...все это было весьма волнительно. Меня не умыкали уже много лет! По крайней мере с тех пор, как я жила у гадалки-носорога. Ее соседи поддались панике и унесли нашу палатку на кончиках своих рогов, а затем с топотом понеслись по равнинам. Вот это была поездочка! Я не испытывала такой тряски с... – Голова в тюрбане описала круг, и глаза за диамантовыми очками моргнули. – Эге, вот вы где! Боже мой, а я-то удивилась, почему мне никто не ответил. Там было так темно!

– Она действительно ясновидящая? – со стоном спросил я.

– Она понятия не имеет о том, что происходит с ней самой, – печально вздохнул Эрзац. – Так было всегда.

– Привет, э-э-э... Келса, – сказала Тананда, легонько постучав по хрустальному шару, чтобы привлечь ее внимание. Голова повернулась. Келса просияла:

– О да, это же ты украла меня! Очень ловко, знаешь ли, весьма виртуозно. Я бы даже сказала, что ты самая ловкая воришка из тех, что умыкали меня, за... шесть веков!

– Спасибо, – сказала Тананда. – Слушай, ты знаешь, зачем я тебя взяла?

Глаза моргнули.

– Конечно, знаю, дорогуша. Ты хочешь воссоединить Золотой Клад!

– Ты можешь сказать нам, почему, по-твоему, это плохая идея?

– Это как посмотреть, моя милая. Что ты считаешь плохой идеей? – спросила Келса. – Взрывы? Войну? Пожар? Канныбализм?

Тананда пару раз моргнула.

– Да, в моей книге это квалифицируется как очень плохие идеи.

– Да кто бы сомневался! Мне достаточно лишь заглянуть в твою душу. – Келса многозначительно кивнула.

– Тогда скажи нам, почему это произойдет.

– Потому что это так! Я уже все вам сказала.

– Нет, Келса, – возразил Эрзац. – Или у тебя провалы в памяти? Неужели ты не помнишь, когда мы в последний раз собирались все вместе? Что за ужасное время это было, ты забыла?

Большие глаза на миг затуманились, а потом в них мелькнула тревога.

– Я бы сказала, это было не так уж и плохо, дорогой дружок.

– А по-моему, еще как плохо, Келса! – настаивал меч. – Я не буду участвовать в этом.

И мой друг Ааз тоже.

– Подождите! – взмолилась Калипса, наклоняясь ко мне. – Есть ли что-то такое, что ты хотел бы получить взамен этого меча, чтобы я могла завершить мои поиски, Ааз? Разве у тебя нет заветного желания, которое я могла бы исполнить?

– Никакого. – Я с вызовом скрестил на груди руки. – Сто золотых монет, и я уйду отсюда. Это все, что мне нужно.

– О, это проще простого, – сказала Келса, прерывая мои протесты. Ее взгляд вновь утратил фокус. – Он мечтает восстановить свои магические силы.

– Нет! – взревел я. – Ни единой вещи! Ни... что ты тут вякнула?

– Его силы ушли, – продолжала Келса, обращаясь к Калипсе, как будто я ничего не сказал. – Он уже какое-то время живет без них, хотя благодаря своей хитрости неплохо справляется. Не сбрасывай со счетов и его мозги, дорогуша, несмотря на суровую внешность. Глупый трюк старого друга, ныне мертвого. Шутка, но с серьезными последствиями.

– Можно ли это отменить? – спросила Калипса.

– Конечно, можно! – заверила ее Келса. – Почему бы...

Я подался вперед. Скажу честно: во мне проснулось любопытство.

– Нет! – воскликнул Эрзац. – Нам нужно только найти Дзынь-Хуа. Она поможет мне выплатить мой долг. Затем мы уйдем. Можете сказать мне, где ее найти?

– погоди минутку, – сказал я, поднимая руку, чтобы опередить его. – Не повредит как следует порасспросить эту даму. Что нужно сделать, чтобы вернуть мои силы?

– Так и быть, – ответила Келса, поворачивая ко мне лицо извергини. – Возможно, Чаша сможет помочь. Или же Кольцо. Вся полезная информация у Фолианта, так сказать, под рукой, поскольку все, что у него есть, – это страницы. Он полон полезных заклинаний. В конце концов, он «Главный гримуар».

– В самом деле? – спросил я. Мне никогда не приходила в голову мысль о восстановлении моих сил. Я был так рад тому, что мог с помощью И-Скакуна свободно перемещаться по измерениям, что мое воображение не уносило меня дальше, во всяком случае пока. Теперь это воображение заработало на полную катушку. Интересно, смогу ли я снова стать стопроцентным магом? Чтобы меня никогда больше не надул какой-нибудь жалкий прохиндей, вычитавший половинку заклинания с коробки хлопьев «Ведьмины Хрустяшки»?! Чтобы не наступать

на магические мины, потому что я не чувствовал силовых линий, протянутых к ним с неба или от земли? Как мне их найти, эти силы? Что я должен сделать, чтобы вернуть их?

Я сделал вид, что не заметил на лице Танды ухмылку кошки, слопавшей канарейку, когда она откинулась на спинку стула и закинула ноги в сапогах на стол. Я просто собирал факты, вот и все. Келса зажмурилась и сосредоточилась.

– Хм. Возможности весьма интригующие. Большо-о-ой размах. Тебе нужен размах!

– Личные замечания оставь при себе, – рявкнул я. – Просто прочти мне то, что написано мелким шрифтом, сможешь?

– Минутку, Ааз, – сказал Эрзац, с паникой в глазах. – Ты не можешь согласиться с их безумным планом! Это будет катастрофа.

– Я просто рассматриваю все варианты, – небрежно сказал я. – Нам ведь не повредит услышать, что она хочет сказать, не так ли?

– Нет... Я... конечно же, повредит! Укрепи свою решимость, друг!

Моя решимость уже всю работала над списком тех, кто вмешивался в мою жизнь в течение последних нескольких лет, пока я был бессилён. Мой мозг составлял компендиум хитроумных и малоприятных способов покуситься с ними, но так, чтобы моя роль во всем этом осталась за кадром и я не попал бы под подозрение. У меня не было ни малейшего желания провести даже пару минут в исправительном учреждении, ведь я лишь поправлял баланс справедливости в свою пользу. Значит, так, был один компьютерщик, потом...

– Ааз!

– Что? – рыкнул я, выходя из блаженных грез о том, что вся Торговая Ассоциация Базара предлагает мне процент от своей прибыли, лишь бы только я не обнародовал информацию об их темных делишках – все как одно законные и открытые, хотя и закулисные. Я упивался мысленной картинкой, на которой все они дрожащими руками передавали мне мешки с золотом, такие огромные, что для их перемещения потребовались колеса. Конечно, уйдет много времени, чтобы собрать достаточное количество компромата, чтобы вся Ассоциация рухнула сразу, но как только мои магические способности вернуться...

Эрзац пристально посмотрел мне в глаза.

– Ааз, послушай меня. Я рассказал тебе об опасности. Я, который сражался в сотнях тысяч битв, кто не страшится обычной войны, я говорю тебе: то, что предлагают эти женщины, опасно. Ты даже не представляешь, в какой степени!

– Угу, – рассеянно согласился я. – Итак, Келса, детка, что у тебя есть?

– Что ж... Ааз, я ведь могу называть тебя Ааз, не так ли? – Она застенчиво моргнула.

– Если вы настаиваете, милая!

– Путь к восстановлению твоих сил чреват опасностями. Не существует верного пути к их восстановлению без искупления. Дружба стоит рядом с тобой, но и на твоём пути. Не разрушай то, что имеешь, чтобы получить то, чего еще может не быть.

Если вы думаете, что я начал терять терпение из-за ее пустопорожней болтовни, скажу так: я был уже в соседнем округе.

– Ближе к делу!

Она вопросительно наклонила голову.

– Но в этом-то и дело, дорогой Ааз. Все это очень важно.

– Я слушаю. Какой именно из предметов Клада может восстановить мои силы?

– Я пока не уверена, – ответила Келса. – Это то, что я вижу в данный момент. Загляни глубже!

Я наклонился и заглянул в хрустальный шар. Лицо под тюрбаном исчезло. На его месте была тускло освещенная комната с каменными стенами. Никаких намеков на то, что это такое. Мне доводилось бывать в домах, замках, музеях и темницах с тем же декором. Я увидел, что стою на каком-то возвышении. Мой образ пригубил огромную золотую чашу и сделал глоток.

Когда мое отражение опустило чашу, я увидел на моем лице довольную широкую ухмылку. Сев обратно на деревянный стул, я знал: точно такая же сейчас и на моей здешней физиономии.

– Хорошо, я согласен.

– Спасибо, мистер Ааз! – Калипса прыгнула вперед и обняла меня пернатыми руками. Для такого ничтожного птичьего веса у нее был неплохой захват.

– А я нет! – выкрикнул Эрзац. – Если ты попытаешься втянуть меня в эту авантюру, Ааз, знай: отныне я твой смертельный враг! Наша сделка отменяется. Я не буду уговаривать Кошелек возместить тебе мое спасение.

– Еще как возместишь, – пригрозил я. – Ты все еще должен мне деньги.

– Даже не подумаю. – Его брови протелеграфировали об опасности. – Ты не можешь заставить меня.

– А вот это мы еще посмотрим.

– Никогда и ни за что!

Я накинул на клинок ткань. Если хочет, пусть протестует молча.

– Ааз! – укоризненно воскликнула Тананда.

Я пожал плечами:

– Что он может сделать? Уйти отсюда?

– О, но я не хочу, чтобы он злился! – Калипса грациозно опустилась перед мечом на колени и, сорвав ткань, посмотрела в стальные глаза, гневно сверкавшие с поверхности лезвия. – Прошу тебя, Эрзац, может, ты передумаешь? Мне нужна твоя помощь. Мой дед – опора нашей семьи. Ему грозит страшная опасность, и только собранный воедино Клад сможет купить ему свободу. Я знаю от Келсы, что ты глава ордена. Ты можешь убедить других пойти мне навстречу. Умоляю тебя. Пожалуйста. Мне требуется твоя помощь!

В ее огромных карих глазах стояли слезы. Я откашлялся, чувствуя, что внезапно охрип. Было видно, что Эрзац тоже тронут. Суровый взгляд меча смягчился.

– Дитя, твоя история тронула меня. Но я считаю своим долгом и дальше предупреждать тебя: то, что ты пытаешься сделать, потрясет самые основы вселенной!

– Пожалуйста, сэр, я люблю своего дедушку, – взмолилась Калипса. – Он гордый человек. Знаю, на этот раз он зашел слишком далеко и теперь ему грозит опасность. Вы не можете отказать. Просто не можете, и все!

Эрзац вздохнул.

– Вы накликаете беду, – сказал он и приподнял брови, дабы предотвратить новую вспышку эмоций. – Но я помогу тебе. Моя сталь к твоим услугам.

– О, спасибо! – воскликнула Калипса, сложив ладони вместе в жесте благодарности. – Ты даже не представляешь, что это для меня значит!

– Увы, дитя, ты можешь это узнать, но только потом не жалуйся.

– Ладно, – сказал я и, хлопнув в ладоши, потер руки. Я почти почувствовал, как по ним вновь побежали силовые линии. – Итак, мы пришли к согласию. С чего начнем?

Глава 4

– Они все пялятся на нас, – нервно сказала Калипса. – Они все здесь такие странные!

– Было бы намного проще, если бы ты дала мне и Тананде войти самим, – буркнул я себе под нос.

– Только не это, – сказала девушка, прижимая сверток с Келсой к узкой груди. – Я иду туда, куда и вы. А не то вы того гляди улизнете. Жизнь моего деда в опасности.

– Тогда заткнись, – сказал я, сердито зыркнув на нее в надежде на то, что она хоть на пару минут заткнется. – Ты не владеешь местным жаргоном, и я не хочу, чтобы кто-то неверно

истолковал то, что, по их мнению, ты сказала. – Я приветливо улыбнулся мужчине, который наблюдал за нашей беседой. – Чудесный весенний денек, не правда ли, приятель!

Пока мы шли по улице, жители Мернге краем глаза наблюдали за нами. Проблема с пентюхами состоит в том, что их измерение почти лишено магии, а в равной степени и технологий. В результате лишь очень немногие из них знакомы с той или другой, отчего появление чего-то чуждого и диковинного вызывает у них крайнюю подозрительность. Не имея в своем распоряжении сложных механических или магических средств, пентюхи для передвижения вынуждены полагаться на животную силу, свою собственную или чужую. Как результат, они домоседы, мало путешествуют, а гости из других миров здесь встречаются реже, чем в иных измерениях. Если их разозлить, пентюхи, как правило, впадают в слепую и смертоносную ярость.

Изысканность и плавность беседы не сравнятся с веревкой, топором или факелом. На Пенте я оказывался в двух шагах от всех этих трех недружелюбных приветствий куда больше раз, чем мне было бы приятно вспомнить. Я с легкостью представлял, как они отреагировали бы на изверга, троллину и похожую на аиста жительницу Уолта, и это было бы не очень приятно.

А почему, спросите вы, они еще не отреагировали на появление изверга, троллины и жительницы Уолта? В целях самосохранения я попросил Тананду наложить на нас троих чары маскировки. Будь мои силы при мне, я бы в мгновение ока сделал это сам, не проблема, но я был вынужден признать, что Тананда проделала довольно хорошую работу. Я уже привык делегировать такие задания, – кстати, весьма полезный навык, и я не зря им овладел, – хотя и не был в восторге от состояния, которое вынудило меня ему научиться. И все же мы все равно привлекали внимание, потому что явно были не местными.

Я всегда говорил: лучший способ проникнуть в любую ситуацию – это сделать вид, будто ты ее неотъемлемая часть. В образе богатого торговца я важно вышагивал по улице в сопровождении двух своих коллег-женщин. Тананда в платье и киртле соблазнительно покачивала бедрами. Следует признать, что она источала бы сексапильность, даже замаскируйся она под енота в шароварах. Местные мужчины тарасились ей вслед, некоторые стояли с разинутыми ртами.

После нескольких неудачных попыток мы замаскировали Калипсу под школьную учительку-мымру. С такой царственной осанкой это была бы либо классная дама, либо фельдфебель. Я же не хотел, чтобы люди подумали, будто в их маленькую деревушку вторгся боевой отряд. Нет, я придумал эту уловку, чтобы отделить восьмилетнего мальчика от его спортивного трофея. Не то чтобы меня терзали угрызения совести по поводу того, чтобы отнять у мальчонки предмет его гордости. Уловка заключалась в том, чтобы убрать его и себя из кадра, не вынуждая при этом старейшин города слишком тщательно проверять наши полномочия.

Потерпи мы неудачу, я мог бы вмиг перенести нас куда угодно, но слухи о подобных вещах имеют дурную привычку распространяться, я же не хотел привлекать внимание к этому маленькому уголку Пента. Я редко обращал внимание на провинции, за исключением тех случаев, когда их существование благоприятно сказывалось на моей возможности заработка или общем благополучии. По личному опыту знаю: большинство горожан того же мнения, что и я. Любой, живущий в пределах досягаемости запаха коровьих лепешек, менее важен, нежели любой, живущий в пределах досягаемости вони выхлопных газов.

В общем, нам ничего другого не оставалось, кроме как пройти через город, этакая троица странствующих игроков. Келса жутко тупила, пытаясь найти мальчика, но, по крайней мере, она говорила нам «горячо» или «холодно», давая знать, идем ли мы в верном направлении или нет. К сожалению, она не понимала значения слова «вполголоса». Каждое заявление делалось во весь голос. Поскольку мы не могли заткнуть ее и одновременно понять, куда идем, Танда была вынуждена прикрывать каждый ее выкрик приступом словесного поноса.

– Здесь налево! – объявляла Келса.

– Боже мой! – восклицала Тананда, специально для идущей за нами толпы, и сворачивала в указанном направлении, громко тараторя поверх непрекращающейся логореи хрустального шара, что-то о булыжниках, которые, типа, являются кочками в мыслительном процессе богов. – Какая прекрасная витрина мясной лавки! О, это лучшая композиция с коровьими копытами, какую мне когда-либо доводилось видеть!

Я остановился за ее спиной и бросил быстрый взгляд на мясную лавку. Пентюх за прилавком сердито посмотрел на троицу незнакомцев. С таким же *колючим* выражением, как и у туши, свисавшей с крюка позади него. Он с силой стукнул своим тесаком. Костные осколки полетели во все стороны. Одарив его обаятельной улыбкой, Тананда, вертя попкой, зашагала по переулку рядом с магазином. Мы оставили Эрзац за городом, спрятав его в дупле дерева. Несмотря на душераздирающие мольбы Калипсы, у него имелись сомнения по поводу нашей охоты, и он потратил битый час, пытаясь отговорить нас от нее. Просто мы не могли позволить себе такого безобразия, – чтобы внимание толпы привлекли целых два бестелесных голоса.

– И что ты делаешь в Мернге? – спросил какой-то мальчонка, труся рядом со мной. У него были рыжие волосы, веснушки и глаза такого же цвета, как ил в пруду.

– Занимаюсь своим делом, – огрызнулся я.

– Это звучит скучно!

– Ааз! – одернула меня Тананда и обняла мальчонку за плечи.

– Мы писцы из замка маркграфа. Мы здесь, чтобы узнать важную историю про мальчика, который участвовал в забеге.

– Я участвовал в забеге, – нетерпеливо сказал мальчонка. – Я выиграл его на глазах у всей нашей школы!

– Не ты, – сказала Тананда. – Нас интересует еще один бегавший мальчик.

– Но это я выиграл забег!

– Маркграфу это не так интересно, как тот мальчик, который очень старался, но так и не добился победы, – сказала Тананда. Даже мне это показалось весьма неудачной импровизацией.

Я поспешил взять ход разговора в свои руки:

– Отвали, малыш. Ты ведь не хочешь вмешиваться в дела маркграфа?

Лицо парнишки скривилось, став еще уродливее. Он пнул меня ногой по голени.

– Я расскажу о тебе отцу! Он мэр! Он заставит тебя взять у меня интервью!

Я попытался схватить его, но он убежал. Я добавил его в список тех, с кем я непременно должен побеседовать, когда мои способности вернутся. В любом случае, ему не повредит немного поучиться хорошим манерам.

– Вы уверены, что это лучший способ? – с тревогой спросила Калипса. – Открытый подход, среди бела дня? Не лучше ли нанести тайный визит, желательно ночью?

– Сверните направо, нет, налево. Налево! – эхом разнесся по узкому переулку голос Келсы. Тананда виновато улыбнулась шедшей за нами толпе.

– С нашим личным мегафоном это не было бы секретом, – сказал я. Даже если толпа уже и прониклась подозрением к бестелесному голосу, быстро разлетевшийся слух о причастности маркграфа не позволял им слишком откровенно следить за нашим странным поведением. Я начал нервничать по поводу грозной репутации местного лэрда и даже попенял себе, что перед тем, как войти в город, мы не прозондировали почву чуть глубже.

– Слишком поздно, – решил я, расправляя плечи. Теперь назад пути нет.

– Это здесь! – радостно вскрикнула Келса, когда мы подошли к какому-то дому. Садовая калитка была выкрашена в белый цвет, а по верху арки вились молодые побеги вьюнков. Дом за забором был довольно больших размеров. Мы имели дело как минимум с купцом, если не с

кем-то рангом выше. Я прикинул количество золотишка, что все еще лежало у меня в кармане. Интересно, не придется ли давать отцу паренька взятку?

– Боже мой, лорд Вордсмит, – воскликнула Тананда, взмахнув рукой у двери. – Согласитесь, какое прекрасное место, не так ли?

– Его не помешало бы покрасить. В два слоя.

– А мне нравится, – сказала Тананда и, капризно надув губки, оглянулась на толпу. Я заметил какое-то движение за занавесками. Семейю, похоже, уже известили, что мы движемся в их направлении, потому что они выскочили из двери, словно орава щенков-обжор, услышавших заветное «Пора есть!». Пентюхи, две девочки, мальчик, мужчина и женщина, явно нарядились в свое лучшее платье. Могу сказать лишь одно: мне встречался только один человек, у которого был такой жуткий вкус, но даже его чему-то сумели научить. Женщина лучезарно улыбнулась мне из-под высокой конической зеленой шляпы, привязанной к голове ярко-желтым шарфом.

На плечах у нее, поверх коричневого платья и белого фартука, была сине-красная шаль. Мужчина, похоже, побывал на той же распродаже клоунской одежды. Его коричнево-зеленую тунику венчал пурпурный капюшон. Он был явно смущен, словно это был не его выбор, но ему ничего не оставалось, кроме как напялить на себя то, что ему сунули в руки. Хорошо, что в мои задачи не входило написание хвалебной статьи об их нарядах, ибо даже не представляю себе, как бы мне удалось сохранить серьезное лицо.

– Чем могу помочь, сэр и дамы? – спросил мужчина.

– Добрый день, сэр, – сказал я, шагнув прямо к нему, и протянул ему руку. – Я лорд Вордсмит. Маркграф велел мне записывать самые важные случаи, для последующей передачи моих записей в архив королевства. Он сегодня отправил меня сюда по случаю важного достижения вашей семьи. Могу я узнать все ваши имена? Для протокола, конечно?

Мужчина занервничал.

– Маркграф интересуется нами?

– Совершенно верно, – ответил я. – Он был весьма впечатлен. Он послал нас взять интервью, которое станет частью постоянного отчета.

– Понятно. – Он слегка расслабился. – Маркграф имел в виду то, как я ловко прибрал к рукам мельницу во Флебене?

– Нет, хотя это был мастерский ход, – сказал я, понятия не имея, о чем шла речь. Он же гордо расправил плечи.

– Или же выставка вышивки, которую моя жена и ее сестры устроили в деревенской ратуше? Маркграф, должно быть, слышал, что она смастерила более тридцати пяти различных видов антимакассара!

– Нет! То есть нет. – Я смягчил тон, так как они испуганно отпрянули. – Мы здесь, чтобы поговорить с вашим сыном про забег, в котором он принял участие в школе. Насколько нам известно, он занял второе место.

Я повернулся к мальчику. Это был коренастый паренек лет двенадцати или около того, как раз в том возрасте, когда сердце молодого человека обращается к мелкому вандализму и недоумевает, почему девочка по соседству обретает совершенно иную форму тела, чем его собственное.

– Как ты на это смотришь, сынок? Может, зайдём внутрь и немного поговорим?

– О да! – пропел мальчишка. – Это было бы круто!

– Хорошо, – сказала женщина. – Надеюсь, вы извините нас за беспорядок в доме. Просто я не знала, что вы сегодня заглянете к нам. У нас сущий хаос!

Я извлек на свет свою самую искреннюю улыбку.

– Ничего страшного, – сказал я и кивнул Тананде. Как только мы переступим порог, исследование дома она возьмет на себя. Обожаю работать с профессионалами.

– Только подумать, мы, Скиверы, и в королевских архивах! – ахнула женщина. – Ах да, я Меланджели. Это мой муж, Фефор. Мой сын, Имгам. Мои дочери Венси и Луданна.

– Рад познакомиться, – сказал я.

– О, сочтем за честь! Пожалуйста, входите! – Треща без умолку, она провела нас в маленькую гостиную. Ее муж и дети последовали за ней. В гостиной нас усадили на диван. Сунув за вертикальную спину Калипсы вышитые подушки, она обложила несколькими Тананду и склонилась у моего локтя, пока я наконец не соизволил его поднять, чтобы она могла положить под него пухлую думочку.

– Могу я предложить вам чаю?

Я едва не поперхнулся. Чай – это хорошо, если нет другой воды для умывания, но у меня отсутствует привычка к чаепитию.

– Нет, спасибо, – сказал я. – Я надеюсь, это не займет много времени. – Обычно это реплика Тананды.

Она повернулась к Меланджели и издала смущенное мычание.

– Не могли бы вы сказать мне, где у вас... э-э-э?..

– По коридору налево, последняя дверь, – с улыбкой подсказала хозяйка, но ее внимание было приковано ко мне. – Есть еще что-то, что я могу вам предложить? Печенье? Кексы? Торт? Правда, у меня больше нет кофейного торта, но, возможно, я могу пойти и одолжить у соседки?

– Нет, спасибо. Пожалуйста, присядьте. Вы заставляете меня нервничать. – Меланджели еще секунду поколебалась. – Сядьте!

Она села.

– Так-то лучше. – Я с важным видом вытащил из сумки свиток пергамента и карандаш и вручил их Калипсе. – Мисс Эрминтруда будет делать для нас записи.

Девушки сидели по обе стороны от Калипсы и смотрели на ее руки. Я наклонился к мальчонке. Я не знал, сколько времени понадобится Тананде, но был готов дать ей любую возможность для обыска. Дом был невелик, а Келса заверила нас, что Чаша стоит на открытой полке.

– Поделись своим впечатлением о соревновании, сынок.

– Подумаешь, обыкновенный забег на пятьдесят ярдов, – сказал мальчишка и даже махнул рукой: мол, ничего удивительного.

– А теперь минутку помолчи, сынок, – сказал Фефор, поднимая руку. – Больше ни слова. Я пристально посмотрел на него.

– Почему нет? – спросил я.

Он одарил меня маслянистой улыбкой.

– Нет, я, конечно, не против, чтобы его мемуары стали достоянием общественности, но сперва хочу убедиться, что все его права соблюдены. Надеюсь, вам это понятно?

– Разумеется, – вздохнул я. – Вы же юрист, не так ли?

Он торжественным жестом прижал руку к своей скудно облаченной груди.

– Я всего лишь искренний защитник общественного блага. Что, конечно же, включает и моего сына.

– Разумеется, – согласился я. Было сложно сохранять терпение, но я справился. – А в чем, собственно, дело?

– Что ж, – сказал Фефор, беря из руки Калипсы лист пергамента и карандаш. Вместо того чтобы делать заметки, он начал писать предложения, длинные предложения, беря их прямо из своей головы. – Прежде чем мой сын сделает какое-либо заявление, я хочу, чтобы вы подписали это.

– Что именно? – Хозяин дома определенно с каждой минутой нравился мне все меньше и меньше. Он в упор посмотрел на меня.

– Эту оговорку. Она дает маркграфу право лишь на размещение истории Имгама в национальных архивах. Мой сын, его наследники и назначенные нами лица сохраняют за собой права

на все доходы, гонорары и будущий доход от публикации его мемуаров, закрепляя за ним право на свою собственную историю, если в будущем он решит опубликовать дальнейшие произведения. – Он быстро исписал страницу параграфами и с таким деловым видом потянулся за другим куском пергамента, что у меня появилось неприятное ощущение, будто я вернулся к тому министру при дворе Поссилтума, который своими постановлениями и правилами сделал мою жизнь просто невыносимой.

Я вгляделся в лицо пентюха.

– Вы часом не родственник Дж. Р. Гримбла?

– Гримблы? Необразованная чернь, – усмехнулся он, продолжая что-то строчить на пергаменте. – Мы, Скиверы, изучали право с первого написанного слова!

В это я вполне мог поверить. Я подался вперед:

– Послушайте, мы здесь не для того, чтобы лишить вашего мальчика его будущих прав. Мы всего лишь хотим услышать, что он скажет. Он может рассказывать это любому, кому только захочет, с этого момента и до скончания веков, мы абсолютно не против. Давайте же, нас поджигает время.

Но Фефор даже не поднял глаз. Острие карандаша так и летало по бумаге.

– Еще несколько абзацев.

– Папа! – запротестовал Имгам. – Когда я могу говорить?

– Почти готово, – сказал пентюх.

Я начал терять терпение.

– Речь идет не о формуле холодного синтеза, – прорычал я. – Мы с мальчиком собираемся *просто поговорить*. Вы можете прослушать все интервью. Я не пытаюсь заставить его выдать государственные секреты.

– Взгляните сюда, лорд Вордсмит, – сказал Скивер, тыча в меня карандашом. Меня так и подмывало наклониться вперед и откусить ему по локоть руку, но я сдержался. – Я просто пытаюсь защитить своего ребенка. Вы бы поступили точно так же, чтобы защитить свое потомство от любой попытки его обмануть, разве не так?

– Не до такой степени, чтобы мешать ему делать то, что он хочет, – сказал я. – Нам нужен материал для обычной статьи. Ничего особенного. Более того, она будет короче, чем то, что вы уже написали. Хотите, чтобы я вернулся к маркграфу и сказал ему, что вы не позволили Имгаму сообщить нам подробности, о которых он просил?

Я выглянул в окно. На лужайке уже собралась толпа, разрастаясь по мере того, как подходили более тщеславные родители и их отпрыски. Обладая острым слухом, я слышал их разговоры, суть которых сводилась к вопросу о том, почему в архив не попадет вся спортивная программа местной школы, и победители, и проигравшие, как то подобает соревнованиям их драгоценных чад. И так далее и тому подобное. Я уже начал сожалеть о своем выборе подхода. Боюсь, нам придется бежать отсюда, причем в самое ближайшее время.

– Еще один момент, милорд, еще один крохотный момент. Хммм, хм, хммм.

Калипса с тревогой посмотрела на меня. Я дал ей знак не волноваться. Я был не против того, чтобы подписать его отказ. Он бы имел точно такой же юридический статус, что и все остальное, что было подписано фальшивым именем внепространственного существа, защищенного чарами маскировки. Предложив ему поймать меня позже за нарушение контракта, если ему это удастся, я нащупал в кармане своего И-Скакуна.

– Послушайте, – сказал я, вставая со своего места. – Мы пришли сюда, как нам было велено. Мы не можем заставить вас сказать нам то, чего вам не хочется говорить. Мы будем вынуждены вернуться в замок и сказать им, что мы потерпели неудачу.

– Не совсем, – сказала Тананда со сладкой улыбкой, возникнув рядом со мной. Она слегка подмигнула мне. – Пусть у нас и не будет нашей истории, зато нам будет что рассказать марк-

графу. Уверена, он заинтересуется вашим нежеланием сотрудничать. Нам пора идти, мастер Вордсмит.

– Но как вы можете уйти, так и не дослушав мою историю? – заявил мальчик, возмущенно вскакивая на ноги.

– Как вы можете уйти, так и не подписав контракт? – спросил Феофор.

– Как мы можем уйти без Чаши? – потребовала ответа Калипса, в упор посмотрев на меня.

Остальные тоже разинули рты. Язык Уолтов не очень похож на язык пентюхов, но у них есть ряд общих звуков. К несчастью, «чаша» была одним из таких слов.

– Чаша? Какая еще Чаша? – спросил Феофор.

– Ничего, забудьте, – сказал я, схватив Калипсу за руку, и потянул ее к двери. Прямо за моей спиной возникла Тананда.

– Мисс Эрминтруда просто хочет чашку чая. Вот и все. Увы, у нас нет времени ждать. Но ничего страшного, перекусим в резиденции маркграфа. Спасибо, что уделили нам время. Жаль, что ничего не вышло.

Имгам оказался гораздо смекалистее среднего пентюха.

– Кубок? – воскликнул он и, вскочив, выбежал из комнаты. – Его нет! Мой трофей пропал! – Он указал пальцем на Тананду: – Она украла его.

– Ерунда, малыш, – сказал я, рывком открывая дверь. – Ты, должно быть, забыл его где-то. Было приятно познакомиться, ребята. Всего вам доброго.

Я попытался выйти наружу.

К сожалению, как только я открыл дверь, на меня навалилась дюжина человек. Соседи, запрудившие собой все пространство перед домом, начали протестовать еще до того, как смогли подняться на ноги.

– Мой сын лучший лучник в городе!

– Моя дочь коллекционирует пауков! Все виды! Напишите о ней!

– Я хочу поговорить с вами о моих близнецах. – Мне в лицо сунули грубый рисунок двух девочек с золотыми косичками: – Разве они не великолепны?

– Хватайте их! – крикнул Скивер. – Это воры!

На лицах горожан отразились шок, недоверие и возмущение – именно в таком порядке. Я начал перекидывать пентюхов через плечо, пытаюсь выбраться наружу и юркнуть в какое-нибудь укромное местечко, чтобы воспользоваться моим И-Скакуном, но, увы, их было слишком много. Около дюжины стояли или лежали на каждой из моих конечностей, не давая мне встать.

– Смотри внимательно, вор, – сказал рыжеволосый горожанин, сердито глядя на меня сверху вниз, пока молодой мужчина с таким же розоватым оттенком принялся опутывать мне руки и ноги длинной веревкой. – Мой сын выиграл награду за искусное завязывание узлов.

Я застонал и бессильно поник головой. Эх, похоже, зря я позволил втянуть себя в это сомнительное дело по поиску всякого древнего хлама.

Глава 5

Мой наметанный глаз моментально определил, что в лице маркграфа мы имели дело с типичным чинушей. Он тщетно пытался принять грозный вид, но увы, тот плохо сочетался с его невыразительной внешностью. Лет пятидесяти с небольшим, пухлый, темные волосы прилизаны к яйцевидному черепу, ростом ниже среднестатистического пентюха. Я смотрел ему прямо в глаза, пока он нервно расхаживал взад-вперед, гневно глядя на нашу троицу.

– Это возмутительно, – заявил я и с силой тряхнул наручниками на запястьях, так что ржавая цепь звякнула...

Чтобы вывести его из себя, я нарочно сохранял оскорбленное лицо. К кандалам вокруг моих лодыжек прочной цепью со звеньями толщиной с мой большой палец были прикреплены тяжеленные свинцовые гири. Мои ножные кандалы были прикованы к кандалам Танды, находившейся слева от меня и справа от Калипсы. Мы были подтянуты вверх за кольца на шее, отчего я был вынужден балансировать, стоя на цыпочках. Вся эта конструкция крепилась высоко к каменной стене позади нас с помощью скобы, которая выдержала бы полный текст Налогового Кодекса. Я был страшно благодарен тому, что чары маскировки Тананды выдержали, иначе бы нас, вероятно, замотали цепями от шеи до пят, если не хуже.

Мягко говоря, это доставляло дискомфорт, если учесть, что до этого нас нещадно пинала и лупила толпа горожан, после чего нас за парой запряженных свиней тащили по мощеным улочкам все четыре мили до замка. Моя одежда была перепачкана пометом и всем остальным, что мернгианцы выбросили на улицу и не удосужились убрать с момента последнего дождя. Я с трудом переносил исходившую от меня вонь. И как будто этого было мало, из стен, привлеченные запахом, начали вылезать крысы и жуки, в большинстве своем довольно крупные.

– Отпусти нас. Ибо ты не ведаешь, с кем имеешь дело. – Будучи взволнован, я подчас перехожу на высокий стиль.

– Вы обвиняетесь в том, – прогудел маркграф трубным голосом, – что выдавали себя за должностных лиц короны, а также в краже и трате драгоценного времени путем обмана, мошенничества, развращения молодежи...

– В чем, в чем? – взорвался я, не веря своим красивым ушам, похожим на уши летучих мышей.

Маркграф пронзительно взглянул на меня, сверкнув черным глазом-бусинкой.

– Мальчик, у которого вы пытались выманить его личные воспоминания.

– Мы ничего от него не добились, спросите своих очевидцев.

– Вы признаете это!

Он развернулся на пятках и подошел к столу, где было разложено все содержимое наших карманов, наплечных сумок, голенищ, и других неприметных мест, в которых Танда обычно прятала вещи. (Хотя мускулистая охранница дотошно обыскала нас, я нисколько не сомневался, что в укромных местечках роскошного тела Танды еще осталось кое-какое спрятанное оружие и инструменты. Она делала это много лет.)

– Что это? – потребовал маркграф, помахав у меня перед носом И-Скакуном. Я внутренне съежился, надеясь, что он его не уронит. Технология создания этих гаджетов давно утеряна, и, хотя они довольно прочны, чтобы выдерживать путешествия по разным измерениям, столкновение с каменным полом не шло им на пользу. Я же не хотел лишаться его.

– Массажная палочка, – сказал я. – Для снятия напряжения в мышцах.

И я тут же осклабился. Пусть подумает о чем-нибудь более угрожающем. Маркграф побледнел и поспешно отложил моего И-Скакуна. Я усмехнулся. У него явно был извращенный ум.

– А это тебе зачем? – он поднял Келсу.

Хрустальный шар был пуст, головы в тюрбане нигде не было видно. Мы несколько раз настоятельно убеждали ее не разговаривать ни с кем кроме нас. Я был рад, что она прислушалась к нашим увещаниям. Не хватало нам для полного счастья ее словесного поноса!

– Это семейная реликвия, – сказал я. – Я путешествую с ним повсюду.

– Ты что, ведьма?

– Разве я похож на ведьму? – возразил я.

Маркграф усмехнулся.

– Ты похож на шарлатана. С тобой явно что-то не так. Мои солдаты говорят, что твое тело на ощупь грубее, чем кажется.

– Кожное заболевание, – пожал я плечами, – страдаю им с самого рождения. Вы намерены наказать меня за это?

– Я намерен привлечь вас к ответственности за кое-что другое, – сказал маркграф, насупив брови. Я был уверен: эта строгая гримаса заставляла сильных мужчин опасливо съежиться, но у меня в начальной школе были учителя и посуровее.

– Похоже, мы все здесь встали не с той ноги, лорд маркграф, – вкрадчиво произнес я. – Я сказал Скиверам, будто приехал из вашего замка, но это была ложь.

– Так ты признаешь это! – Похоже, это была его любимая фраза. Я немного расслабился.

– Конечно, признаю. Моя истинная миссия – секретная. До сих пор у меня был приказ молчать. Но теперь у меня нет другого выбора, кроме как раскрыть вам настоящую цель моего пребывания в Мернге.

– Ну? – на пухлой физиономии маркграфа читалось недоверие, но одновременно и плохо скрытое любопытство, как и на лицах Калипсы и Танды позади него. Я кивнул им, давая знак, мол, у меня все под контролем. – И какова твоя миссия?

– Сбор информации, – сказал я.

– Что за информация? Уж точно не статистика школьных соревнований!

– Служба безопасности Королевства, – сказал я, доверительно понизив голос. – Запечатанный приказ Ее Величества.

Маркграф был вынужден наклониться ко мне ближе, но тотчас отпрыгнул назад, на случай, если я вдруг его ударю. Если честно, я бы с удовольствием ему врезал.

– Тебя послала королева? – воскликнул он.

– Тсс! – Я, изобразив на лице тревогу, бросил взгляд на охранников. – Ладно, был секрет, да весь вышел. Ты все провалил. Подожди, я все ей расскажу!

– Вы мошенники. Вряд ли вы знаете даже... даже имя герцога этой провинции.

– Спрусель, – сразу ответил я. – Это его личное имя. Его официальное имя – Конгрив, но мамочка называла его Спруи. Он на пару дюймов выше тебя, каштановые волосы с залысинами по обе стороны вдовьего пика, косые карие глаза. Предпочитает красное комбинированное фланелевое нижнее белье... но думаю, мне не стоит говорить об этом даже тебе. От имени ее Светлейшего Величества Королевы Цикуты он послал нас получить полную историю о мальчишке по имени Имгам.

Маркграф снова прищурился. Я заставил его посмотреть на нас новыми глазами, и ему это не понравилось. Члены королевской семьи в этой стране получали имена при рождении, но при восхождении на трон брали себе новое. Я был в курсе этого, так как имел доступ ко всем архивам суда Поссилтума. Там хранилась информация, карты и портреты шпионов и картографов, посещавших соседние страны, а также некоторые в высшей степени конфиденциальные данные из дипломатических дневников.

Когда он был еще принцем своей страны, до того как та была поглощена Поссилтумом, Конгрив не раз делал предложение королеве, а тогда еще принцессе, Цикуте. Она никогда не воспринимала эти предложения всерьез, находя комичными и прозвище Конгрива, и его нижнее белье. Думаю, Цикута вряд ли пришла бы в восторг, узнай она, какие прозвища давали ей ее собратья-монархи.

Я воспользовался моментом и погромел кандалами.

– Послушай, Хайбой, герцог Спрусель наверняка не обрадуется, что ты из-за мелкого глупого недоразумения заковал в цепи троих его любимых придворных.

– Хайперин, – машинально поправил меня маркграф. Его явно терзали сомнения, но затем он все же овладел собой. Игра по-прежнему велась на его поле, какую бы ловкую вылазку на его базу я ни совершил. Пнув ногой крысу, он шагнул ко мне и посмотрел прямо в глаза. – Для тебя я лорд маркграф!

Я сделал вид, что не придавал этому особого значения.

– Как скажешь. Можешь называть меня лорд Фистула.

– Никогда о тебе не слышал. – Он явно надеялся, что я лгу. Я ухмыльнулся.

– В отличие от герцога. Я его надежная правая рука.

– Не такая уж и надежная, если по причине собственной некомпетентности ты едва не устроил бунт. Скиверы...

– Ты должен гордиться Скиверами, – прервал я его. – Так защищать честь провинции! Они отказывались сказать чужаку хотя бы слово, предварительно не убедившись, что это не выставит местных жителей, а значит, и их правителя, в невыгодном свете. Лично я весьма впечатлен. Они с первой же минуты старались *поступать правильно*. Я просто обязан воздать им должное. Это непременно будет отражено в моем отчете.

Хайперин погладил свой толстый подбородок.

– Понятно...

Я продолжать гнуть свою линию:

– Его Светлость будет рад, что он прислал нас. Я добьюсь, чтобы все это было перенесено на пергамент. Как только вы снимете с нас эти железные побрякушки. Они плохо сочетаются с остальной одеждой. – Я снова звякнул цепями.

– Что ж, Фистула, если это твое настоящее имя, если король так обеспокоен безопасностью, у него не будет причин для недовольства мной.

Я протянул запястья, но он лишь досадливо отмахнулся.

– Я не собираюсь верить тебе на слово. Ты останешься здесь без еды и питья, пока мой посланник не вернется из столицы. Это займет... – он посмотрел на нас, явно упиваясь нашей тревогой, – около трех дней. В один конец. Если вы те, за кого себя выдаете, то я принесу вам свои извинения и заглажу вину за задержание герцогского архивариуса и его помощников. Если же нет, то я придумаю для вас троих весьма интересное публичное наказание. У меня тут огромный простор для воображения, как вы видите. – Он махнул рукой в сторону стены.

Я уже успел оценить коллекцию мерзких орудий пыток Хайперина. Большинство из них наверняка привели бы в восторг людей с ограниченными социальными возможностями вроде тех, что тащили нас сюда по улицам. Все эти приспособления были способны сотворить с вашим телом вещи, которые вам не увидеть даже в самом страшном сне. Рядом с ними, словно музейные гиды, жаждущие продемонстрировать свою коллекцию насаженных на булавки бабочек, топталась горстка профессиональных мучителей в черных капюшонах, голых до пояса, со смазанными маслом торсами.

Изверги довольно неплохо переносят пытки. В отличие от нас, тролли не столь выносливы, а уолты – и вообще существа крайне хлипкие. Сеанс общения с любым из этих инструментов явно гарантировал, что никому из нас больше никогда не сыграть на пианино. Я поклялся Богу Второго Шанса, что если мы останемся невредимы, то я немедленно начну брать уроки игры на фортепьяно.

Я взглянул на Тананду, чтобы узнать, есть ли у нас хотя бы слабая надежда на магический побег. Она слегка покачала головой, и я понял: она из последних сил поддерживает наши чары маскировки. Я опасался, что ее силы растянуты до предела. Она могла накладывать не слишком мощные чары, в основном связанные с ее многочисленными профессиями. Замки на наших цепях были старые и, вероятно, порядком изъеденные ржавчиной. Я многозначительно посмотрел на Чашу. Если раньше я лишь изредка подумывал о том, не вернуть ли мне мои магические способности, то теперь я горел желанием это сделать. В общем, это был наш последний шанс.

– Итак, надеюсь, вы видите, лорд Фистула, – с мерзкой улыбочкой произнес Хайперин, – что мы здесь весьма озабочены безопасностью. Увидимся через шесть дней, – добавил он и направился к двери. Его заплечных дел мастера с сожалением оглянулись на свои рабочие инструменты, опустили свои железки и поспешили следом за хозяином.

– Я салютую вам, маркграф! – крикнул я ему в спину. – Более того, я хочу выразить вам свое почтение.

Он с любопытством повернулся ко мне:

– И как бы вы это сделали?

– Позвольте мне поднять за вас тост. Какая разница, начнется наш шестидневный пост сейчас или через минуту?

– Вас мучает жажда, лорд Фистула? – спросил Хайперин, подходя ко мне. На его пухлом личике было написано нескрываемое злорадство. – Тогда не желаете ли воспользоваться предметом вашей самой сложной кражи?

Как я и надеялся, он схватил Чашу со стола и помахал ею перед моим лицом. Помятый, потускневший от времени кубок выглядел так себе, но я вспомнил, каким жалким казался Эрзац, пока я не удалил с него ржавчину. Чаша была замаскирована аналогичным образом. Ни один пентюх не посмотрит на нее дважды. В отличие от извергов, они не чувят запаха золота. Мы же чуем его за версту.

Я презрительно усмехнулся, глядя на кубок, стараясь не выдать того рвения, что владело мной.

– И вы ожидаете, что я стану пить из этой безвкусной дешевки?

– Если, по-вашему, кубок не достоин вашего внимания, то, возможно, вы объясните мне, зачем вам понадобился дешевый трофей какого-то никчемного мальчишки? – спросил маркграф. – Лично я не вижу в нем ничего особенного.

– Мой коллега, вероятно, хотел бы, чтобы я на него взглянул, – сказал я, пожимая плечами, насколько то было возможно под тяжестью цепей. – В конце концов, мы брали интервью у парня о забеге, в котором он участвовал, рассчитывая на победу.

– Тогда ладно, – сказал маркграф, нетерпеливо махнув рукой. – Выпей за мое здоровье. В принципе я не против, раз ты скоро умрешь в этой камере, как только Его Светлость подтвердит, что все вы отъявленные мошенники. В честь последних минут дневного света продолжай.

Один из охранников налил в чашу мутную воду из дождевой бочки у окна. Я догадывался, что в ней остужали орудия пыток.

– Что, даже не вино? – обиженно спросил я.

– Скажи спасибо и за это, преступник, – надменно бросил мне стражник.

Я пожал плечами:

– Что ж, иногда можно выпить и воды. Главное, не переусердствовать.

– Я почти восхищаюсь вами, лорд Фистула, – сказал маркграф. – Проявлять такую беззаботность перед лицом смерти.

– Галантность – мое второе имя, – буркнул я.

Стражник протянул мне Чашу. Я потянулся, чтобы взять ее у него из рук. Но этот гад нарочно наклонил ее, чтобы вода пролилась на пол. Подавив в себе ярость, я взглянул на маркграфа. Мерзкий чинуша явно получал огромное удовольствие от издевательств над нами. Эх, где же вы, мои прежние силы? Я бы доставил ему такое удовольствие, которое бы он запомнил на весь остаток своей изрядно укороченной жизни. По кивку маркграфа охранник снова наполнил чашу и протянул ее мне.

Дрожащими руками я взял у него кубок. Предвкушение было пыткой. После всех долгих лет я был в считанных секундах от того, чтобы вернуть свою былую силу. Я почти парил. В моем видении я выпил всю чашу. Увы, вода противно воняла, на ее поверхности плавал дохлый таракан, но любой, кто когда-либо пробовал изверскую пищу, едал вещи и похуже.

Что я должен сделать в первую очередь, когда прикольный порошок будет удален из моего организма? Просто вытащить нас всех отсюда или же для начала размазать по стенам этого высокомерного сукина сына? Разорвать его в клочья и собрать заново? Я решил начать с того,

что заставлю цепи парить в воздухе, как облака, а потом уроню их на круглую голову маркграфа.

Я высоко поднял кубок.

– За ваше здоровье, маркграф. Вы отличный образец государственного служащего, и я говорю это от всего сердца.

Я залпом осушил чашу. По моим жилам тотчас разлилось ощущение здоровья. Я чувствовал себя сильнее, чем когда-либо за много лет. Все синяки и ушибы, которыми наградила меня толпа, набросившись на нас и притащив сюда, исчезли. Мое зрение стало острее. Мое ухо различало щебетание птиц за много миль от окна. Я ощущал свою связь с миром так, как не ощущал ее многие годы.

– Ах! – Я похлопал себя по груди и протянул руки. Смотри, мир, я иду!

Маркграф нетерпеливым жестом приказал стражнику забрать у меня чашу.

– Вот, ты выпил за мое здоровье. Ну как, теперь тебе легче?

Я осклабился:

– Вообще-то, Хайбой, я чувствую себя прекрасно. А теперь давай я покажу тебе небольшой трюк.

Я глубоко вздохнул, балансируя на носках. Я откинул цепи так, чтобы мои руки были свободны, и выбросил их в направлении маркграфа. Возможно, я вложил в это движение чересчур много выразительности, но оно того стоило. Я открыл глаза.

Ничего не произошло.

Я оторопело уставился на свои руки. Что пошло не так? Я погрузился глубоко внутрь себя и зачерпнул всю энергию, какую только мог, замахнулся и метнул ее в маркграфа.

– И что я должен увидеть? – спросил Хайперин, недоуменно подняв одну бровь едва ли не к затылку.

– Хммм.

По идее он должен был разлететься на шесть частей, пораженный молнией, которой до сих пор следовало ricochet по всей комнате! Я попытался нащупать силовые линии. Силы здесь, в пределах досягаемости, должно быть с избытком, иначе Тананда просто не смогла бы поддерживать нашу маскировку. Я потянулся глубже и вытащил пустую руку, смущенный, как посетитель закусочной, забывший дома бумажник. Там ничего не было. Прилив силы, накрывший меня с головой, заставил меня почувствовать себя обновленным, но, увы, я по-прежнему был лишен магии. Мои плечи поникли.

– Понятно, – сказал маркграф, насмешливо щелкнув пальцами. – Ты просто зря тратишь мое время. Увидимся через шесть дней. Не знаю точно, что я сделаю с вами троими, но обещаю, это будет униительно.

Вряд ли это могло быть униительнее, чем то, что я чувствовал в этот момент.

Глава 6

Огромная железная дверь захлопнулась за ним. Ее стук эхом разнесся по каменной комнате, ударив меня по ушам. Я беспомощно свисал с кандалов, не в силах даже стоять самостоятельно.

– Ну-ну, – сказала Тананда.

– Замолчи, – рыкнул я, не пытаясь даже поднять на насмешницу глаз. – Это должно было сработать.

– Дипломатия – это искусство невозможного. – Тананда пыталась щадить мои чувства. Я же не мог этого вынести. – Интересно, как он поступит, когда узнает, что лорда Фистулы не существует?

– Существует, – сказал я, скорбно покачиваясь на цепях. Тараканы и крысы уже повывле-
зали из стен и суетились у наших ног. – Проблемы возникнут, когда он узнает, что настоящий
Фистула по-прежнему пребывает при дворе или, по крайней мере, пребывал там в последний
раз, когда я о нем слышал.

– И какое наказание положено самозванцу, выдававшему себя за любимца местного гер-
цога?

– Как обычно, смертная казнь. – Я встал и снова подергал цепи, проверяя, смогу ли я
выдернуть их из стены. Нет, скобу явно вогнали в нее как минимум на фут. Тут явно требова-
лась даже большая сила, чем у изверга, пребывающего в хорошей форме. Если эту железяку
кто-то и выдернет, то только тролль.

– Ты уверен? – спросила Танда и сглотнула.

– У пентюхов скудное воображения, Тананда, – сказал я. – Они обожают пытки и убий-
ства. Все их хобби по большей части вращаются вокруг того или другого. Охота. Петушьи
бои. Футбол. Скив – истинный борец за мир по сравнению со своими собратьями-демонами.

Калипса выглядела еще более озадаченной.

– Это моя вина. Прошу прощения. Не подумай я вслух, мы бы не попали в это печальное
положение.

– Я бы не назвал это мышлением, девочка, – проворчал я. – Я не знаю, как ты дожила
до твоего возраста и почему никто ни разу не попытался придушить тебя за то, что ты готова
ляпнуть первое, что приходит тебе в голову. Посмотри, что они сделали с моей одеждой. Этот
пиджак был куплен в дорогом магазине. Он сидел на мне как влитой.

– Горе мне, – всхлипнула Калипса, продолжив муссировать тему жалости к себе, разне-
счастной. Она сцепила руки и звякнула наручниками, взывая к небу. – Теперь я и мои спаси-
тели заперты в грязной темнице, а мой несчастный дедушка томится без надежды на спасе-
ние. – Таракан коснулся ее ступни, и она испуганно дернулась. – Фу, мерзость!

– Молчи! – рыкнул я. – Я пытаюсь думать!

– Но маркграф убьет нас, когда обнаружит твою уловку! Судьба семьи Калипсо обрекает
нас на страдания! Почему вы не испугались? – спросила она и отогнала новых насекомых.

– Мы попадали и в худшие переделки, – сказал я, пытаюсь вернуться к ложке дегтя, и
принялся размышлять вслух: – Это должно было сработать. Не имело значения, *что именно* я
выпил из этой чаши. Я почувствовал силу. Мои способности должны были тотчас вернуться
ко мне. Почему же они не вернулись? Что, во имя девяти кругов ада, не так с этой дурацкой
чашей?

– Что ж, возможно, скажи ты мне, что я должна тебя вылечить, я сразу ответила бы
тебе, что это не работает, – внезапно произнесла Чаша на чистейшем уолтском. – Глупый
извращенец.

– Изверг, – машинально поправил я и на всякий случай огляделся по сторонам.

– Приношу свои извинения. Все представители твоего измерения, которых я знала, были
настолько подлыми созданиями, что мои губы автоматически произносят слово «извращенец».

Мы все уставились на золотую чашу.

– Она говорит! – воскликнула Калипса и даже дернулась было вперед. Но цепи удержали
ее на месте.

– Весь Золотой Клад может говорить, – сказала Тананда. – Ты это знаешь.

– Но она ни слова не проронила раньше! – воскликнула Калипса.

– Мне не было необходимости защищаться, пока этот извращенец не оклеветал мои
таланты, – заявила Чаша звонким женским контральто. Два рубина, обращенные к нам, были
полны упрека.

– Изверг! Даже если я проглотил твоё зелье, я не намерен глотать твои оскорбления. Или
ты хочешь, чтобы я растоптал тебя в золотой блин?

– Ерунда, – ответила она. Гравировка на дне чаши изогнулась вверх и превратилась в улыбку. – Ты не можешь дотянуться до меня, и мы оба отлично это знаем.

– Кроме того, это Келса сказала, что ты сможешь восстановить его силы, – пояснила Калипса.

– Она так сказала? – удивилась Чаша. – Она видит все с отменной точностью, но я бы и ложки кофейной гущи не дала за ее толкования увиденного.

– Прекрасная Чаша, тогда скажи, пожалуйста, что чувствовал Ааз, когда пил из тебя?

– Имя мне – Асти, о мое вежливое дитя, – ответила Чаша. – У меня много талантов. Я способна лечить отравления. Я исцеляю души. Я питаю... и, кстати, я могу сказать, что ты получаешь недостаточно витамина С. У тебя, весьма возможно, будет рахит, с твоими-то длинными ногами. Я создаю гармонию между партнерами, устраиваю свадьбы. Специализируюсь на мирных договорах. Кроме того, я гоню отличный самогон. Застаньте меня в хорошем настроении вечером, когда надо мной светит луна. Как ты потерял свои силы, Изверг?

– Из-за Прикольного Порошка.

– С Базара-на-Деве?

– Ага. – У меня не было ни малейшего желания углубляться в мои злключения.

– Понятно, – понимающе сказала Асти. Я легко представил себе, как она кивает головой, если бы та у нее была. – Извините. Не в моем сценарии. Спросите у Фолианта или у Кольца. Это скорее по их части.

– Что ты сделала со мной? Мне показалось, что мои силы возвращаются!

– О, это было просто исцеление общего назначения, – сказала Асти. – В течение твоей жизни пятьдесят пять твоих костей были сломаны, по крайней мере один раз, включая все твои пальцы рук и ног. Ты перенес лихорадку Скарольци, не могу сказать когда, но она испортила часть твоей кровеносной системы. Тебе повезло, что она больше не заразна. Ты потерял около тридцати процентов слуха, но это нормальный износ для человека твоего возраста. Твоя печень поражена некачественной выпивкой, которую ты заливал в себя в огромных количествах. Была еще около дюжины других, второстепенных болезней, которые я не стану называть. Ибо все они в прошлом. Теперь твой организм словно чистый лист, но я полагаю, ты вновь вернешься к своим вредным привычкам. Я могу лишь исцелять. Я не могу заставить тебя оставаться исцеленным.

– Обожаю свои вредные привычки, – угрюмо буркнул я и покосился на Танду. Та ухмылялась, слушая длинный перечень хворей, которые перечисляла Асти. Мне не понравилось, что Чаша упомянула лихорадку Скарольци. Эту ерундовую хворь я подхватил на Зимводе от женщины, которая была очень дружелюбна, но не слишком откровенничала о своем прошлом... но я отвлекся.

– Их все любят, – вздохнула Асти. – Я никогда не отказываю в исцелении тем, кто в нем нуждается, но частенько сожалею о том, что на некоторых людей мои умения были потрачены напрасно.

– Итак, – резюмировал я, – я в добром здравии, но у меня все еще нет магии.

– Это мой диагноз. Можешь поблагодарить меня на досуге. – Рот Асти вновь превратился в полосу потускневшей гравюры. Я фыркнул и начал когтем ковыряться в замках цепей.

– То есть мы здесь в ловушке, – запричитала Калипса. – В ловушке, пока этот ужасный человек не вернется, чтобы начать мучить нас! До смерти! Ни еды, ни воды, никаких удобств! А еще паразиты! – Она забарабанила пальцами ног по насекомым, ползавшим вокруг нас, но забила лишь двух или трех из каждой сотни.

– Ну-ну, красotka, – укоризненно произнес я. – Этак тебе тараканов не передавить. Вот как надо! – Я резко опустил ногу на ближайшее скопление живности и раздавил их в лепешку. – Добавь в движение чутки души. – Я пнул ногой, метя в компанию крыс. Одна из них попыталась

было отгрызть кусок моей левой ноги, и я отправил мерзавку в бочку с водой. Крыса всплыла, задыхаясь, и оглушенно сползла через край к дыре в основании стены.

– Но ведь мы узники! Заключенные! – воскликнула Калипса.

– Может быть... ненадолго, – задыхаясь, сказала Тананда. Я взглянул в ее сторону, и у меня от удивления отвисла челюсть. Вам кажется, что вы знаете кого-то как свои пять пальцев, как вдруг, даже спустя сотню лет, он или она преподносит вам сюрприз. Согнув за спиной одну ногу, она подтянула заостренный палец вверх между лопаток – чудеса эластичности, которые, как мне казалось, не по плечу даже самой гибкой троллине. Затем обоими большими пальцами оттянула мыс ботинка. Удерживая ногу одной рукой, она вытащила из-за голени ботинка длинную тонкую отвертку. После чего с видом триумфатора опустила ногу и ткнула в мою сторону металлическим стрежнем.

– Я не могу вытащить ее, если протяну руку вперед, – объяснила она. – Вот почему она остается незамеченной, когда меня обыскивают.

– Танда, – сказал я, улыбаясь, – ты гений!

– Вот почему мне платят золотыми монетами, – сказала она. – Дай мне секундочку. Эти старые замки жутко тугие.

Танда склонила голову над цепью на левом запястье. Я услышал звук отмычки, царапающей многолетний слой ржавчины, и, кто знает, что там еще способно склеить механизм замка размером с кулак. Я не спускал глаз с двери. На стоны, вопли и мольбы о милосердии стражники не реагировали. С куда большей вероятностью их внимание привлекут звуки, напоминающие попытку побега. Мой острый слух, еще более обостренный чарами Асти, напрягся, пытаясь уловить звук шагов в нашу сторону.

Пока мы с Калипсой восхищенно наблюдали за Танандой, наша спасительница открыла защелку первого замка. Толстый наручник распахнулся со скрипучим вздохом разочарованного мучителя. Она осторожно опустила цепь – та лишь тихонько звякнула о подол ее юбки – и начала возиться с другой цепью. Зажав между зубами кончик языка, она поковырялась в замке. Здесь отмычка цеплялась не так уверенно. Тананда наморщила лоб.

– Может, попробовать антикоррозийное заклинание? – спросил я. Когда наблюдаешь за работой спеца, невольно превращаешься в диванного эксперта.

Танда покачала головой.

– Замок заколдован, – сказала она. – А чтобы впитать достаточно энергии силовых линий, мне пришлось бы сбросить чары маскировки.

Я взглянул на дверь.

– Давай рискнем, – посоветовал я. – Не хочу, чтобы этот Хайбой вернулся и решил, что ему хочется пройти ускоренный курс обучения по программе применения пыток.

Соблазнительные формы жительницы Пента исчезли, а вместо них появилась знакомая фигура Тананды в ее рабочем прикиде.

– Аа-а-а! – Тананда встряхнула руку и подержала ее над непокорным замком. Тот задрожал, что в принципе не редкость, когда Танда оказывается рядом с вами.

– В чем проблема?

– Это старое заклинание, – ответила она. – Чародеев здесь не так уж и много, но этот – уф! Он зубок знал свои орудия пыток.

– Держу пари, он был душой вечеринок, – сказал я, пытаясь уловить ухом любое проявление интереса со стороны охранников. Мой острый слух уловил за дверью разговор о последней нанятой хозяином служанке и о том, кому повезет первым залезть к ней под юбки.

– Вот дерьмо! – прошептала Тананда.

Отмычка выскользнула из ее руки. Танда попыталась ее поймать, но острие отскочило от кончиков ее пальцев. Отмычка, звякнув, упала и, дребезжа, покатила по полу. В тишине тем-

ницы это дребезжание было оглушительнее рева электрогитары. По ту сторону двери послышались шаги. Дверь распахнулась.

– Привет, ребята, нам просто стало одиноко, – сказал я. Они ахнули. Без маскировки наше трио являло собой зрелище не для слабонервных.

– Монстры! – воскликнул один из стражников.

– Убейте их! – проревел капитан стражи.

– Да ладно вам, братцы, – сказал я, разводя руки с дружелюбной ухмылкой на лице.

Стражники побледнели. Они нацелили на нас свои арбалеты и приготовились стрелять.

– Ла-ди-да! Ла-ди-ди! Ла-де-да, трам-пампам, трам-пампам! – начал напевать рядом с моим правым ухом тихий голос. Я в изумлении повернул голову. И как только Калипса могла петь в такой момент?

Кстати, она не просто пела. Не знаю, как она делала то, что делала, но ее длинное тощее тело раскачивалось, задавая завораживающий ритм. Она подняла руки и задвигала ими взад-вперед. Я обнаружил, что невольно сделал шаг ей навстречу. Ее длинная шея чарующе изгибалась из стороны в сторону. Я был в трансе и одновременно божественно счастлив, как муха, пойманная в банку с виноградным желе. Почему я раньше не замечал ее огромные и блестящие глаза? Между ее руками распушились веера пышных черно-белых перьев, то приоткрывая, то скрывая ее грациозные бока. Я буквально задышался, мечтая снова увидеть ее обворожительную улыбку. Стражники застыли на месте, таращась на нее во все глаза. Они опустили арбалеты, как будто... арбалеты опустились сами. В мгновение ока они забыли, что мы демоны, опасные пленники их хозяина. Они видели перед собой одну лишь Калипсу.

Она подняла подбородок и кивнула в сторону упавшей отмычки. Я тотчас стряхнул с себя легкий транс, в который на время впал, но не так быстро, как Тананда, которая поманила пальцем стальной стрежень. Тот сам прыгнул ей в руку, по команде заклинания «иди сюда». Я бросил на нее быстрый взгляд. Стражники ни разу не посмотрели в ее сторону. Танда поковыряла язычки своего замка. Тот со скрежетом открылся, и она бросила его на пол. Она нагнулась и растянула цепи на ногах, а затем прыгнула, чтобы освободить меня. Стражники даже не думали ей мешать, не в силах оторвать глаз от Калипсы. Мне самому стоило немалых трудов не попасть снова под ее чары.

Плавнов вихляя бедрами, Тананда приблизилась к Калипсе и легким волшебством направила по воздуху отмычку. Та поочередно вонзилась в отверстия замков на запястьях и лодыжках девушки. Еще миг, и цепи со стуком упали на пол. Махая руками, худенькая танцовщица завертелась на месте. Мы с Танандой быстро запихали все наши вещи в карманы и другие укрытия и забрали Чашу и завернутый в тряпку хрустальный шар.

– Талантливая девушка, – заявила Асти, критически наблюдая за танцем одним своим глазом-самоцветом поверх моего плеча.

– Замолчи, – прорычал я, запихивая кошелек обратно в карман. На мое счастье, у меня не было кредитки. В целях предотвращения мошенничества на современных кредитках, выпущенных гномами Зоорика, имелась фотография владельца. Будь у Хайбоя лишняя капля мозгов, он бы тотчас скумекал, что монеты – точно такая же улика, подтверждавшая, что и я, и мои товарищи – самозванцы.

– Как ты собираешься вытащить ее отсюда? Если она перестанет танцевать, они очнутся.

– Нет проблем, – сказал я. Обойдя околдованного начальника стражи, я снял с его пояса тяжелую связку ключей. Он даже не пошелохнулся. – Эй, куколка! – крикнул я Калипсе. – Не сыграть ли нам в прятки с твоими новыми поклонниками?

Она вопросительно посмотрела на меня, поэтому я мотнул головой, указывая на тяжелую дверь. Калипса кивнула и превратила этот жест в сексуальный пируэт. Она оказалась умнее, чем я ожидал.

Возможно, Тананда была права насчет ее способностей. Жаль, что она не умеет контролировать свои бзики, но со временем, вероятно, избавится от недостатков. Если, конечно, мы все проживем так долго.

Тананда уже уловила мою мысль. С легкостью профессионала, привыкшего входить и выходить незамеченным, она проскользнула мимо стражников и попятилась вверх по лестнице. В одной руке у нее был кинжал, в другой она держала закутанную в шарф Келсу.

Мне не требовалось никакого другого вооружения помимо того, которым меня снабдила природа, но мне мешала Асти, которая, будучи отлита из чистого золота, оказалась куда тяжелее, чем выглядела. Кроме того, она визжала всякий раз, когда ее наклоняли набок. То, что никто в этом жалком городишке не позарился на драгоценный металл, не говоря уже про качество работы, заставило меня усомниться в том, что пентюхи в обозримом будущем вступят в царство развитой торговли. Засунув Чашу в один из наших мешков, я проигнорировал ее жалобы. Жаль, что у нас не было второго такого шарфа, как на Келсе.

Пока Калипса, соблазнительно извиваясь, кружила вокруг своих новоявленных поклонников, я выбрался из темницы. Не считая Тананды, я не слышал в радиусе двадцати ярдов чьего-либо дыхания. Я вспомнил, что дверь, через которую нас втащили, находилась недалеко от нашего узилища, что облегчало доставку товара. Я почувствовал запах свежего воздуха или того, что считалось здесь таковым, вонь коровьего навоза и кухонных отходов.

Танцуя на каждой ступеньке, Калипса поднялась вверх по каменной лестнице. Стражники следовали за ней, высунув языки. На верхней ступеньке она остановилась и, выкинув вперед ногу, описала изящный пируэт, который стоил бы горсти золотых монет в любом из приличных стриптиз-клубов на Извре, таких как «Зевака» или «Горячие штучки», и слегка потрянула головой, как будто говоря «это вон для тех мальчиков в заднем ряду». Как только она оказалась рядом со мной, я протянул руку, дернул ее к себе и захлопнул дверь.

Чары в мгновение ока растаяли. К тому времени, когда стражники сообразили, что их надули, я уже запер огромную дверь. Тананда поманила нас пальчиком через плечо и юркнула в темный коридор. Я потащил за собой Калипсу.

– Но я еще не закончила! – запротестовала она. Стражники принялись колотить в дверь и дико орать, то ли от раздражения, что не досмотрели шоу, то ли в гневе, не берусь сказать.

– Нам не нужны выходы на бис, – рявкнул я, подталкивая ее к исчезающей зеленой фигуре Тананды. – Что это *было*?

– Танец Завораживания, – ответила Калипса, гордо потрянув головой. – Моя прапрапетя, танцовщица Румба, была первой, кто его исполнил.

Глава 7

Если честно, я бы предпочел воспользоваться И-Скакуном и смыться без всяких замысловатых движений ног, но нам все равно нужно было вернуть Эрзац. Я пожалел, что оставил его в лесу. С другой стороны, лучше пойти за ним по своим следам, чем перерывать в замке вверх дном весь арсенал, где Хайбой наверняка спрятал бы ценный клинок, конфискуй он его у нас. Я не знал, выдержали бы бедра Калипсы так долго.

Пока Тананда накладывала на нас новые маскировочные чары, мы неподвижно стояли у двери, а затем выскочили из замка в обличье Хайбоя и двух самых обычных солдат. Дежурившие снаружи часовые браво отдали мне честь. Сделав озабоченное лицо, я на ходу ответил на их приветствие. Неплохая имитация, если вам интересно мое мнение.

Эрзац заметил нас задолго до того, как мы увидели его. Он был спрятан чуть выше уровня глаз в полом суку большого дерева, наклонившегося над лесной тропинкой.

– Ну что, друг? – спросил сардонический голос. – Все хорошо? Восстановил свои силы?

– Не спрашивай, – буркнул я, сдергивая его с его насеста.

– Старый кувшин с тобой? Во всяком случае, она пока еще не отравила тебя.

– Я бы узнала скрип этой ржавой садовой калитки в любой точке вселенной! – взвизгнула Асти. – Выпустите меня немедленно из этих тряпок!

Я огляделся по сторонам и, убедившись, что посторонних нет, вытащил из моего рюкзака Асти. Глаза-самоцветы и глаза-отражения посмотрели друг на друга с нескрываемой взаимной неприязнью.

– А вот и ты, лопатка для торта, – сказала Асти. – В последний раз, когда я тебя видела, ты нарушил замечательное мирное соглашение, во время подписания которого я была наблюдателем на Джаке!

– Убийца из числа брунов самым что ни на есть честным образом нанес послу бхулов удар в спину! – ответил Эрзац. – Хорошее мирное соглашение означает, что все согласились бросить оружие, а не воткнуть его в представителей другой стороны.

– Никто бы и не воткнул, не выкрикни ты «Берегитесь убийц!». Внезапно обе армии выхватили ножи, кнуты, кастеты – или что еще там у них было, – и стол перевернулся, так как бруны толкнули его на палец ноги посла бхулов. В мгновение ока в зале начался настоящий хаос. Вот там я и получила эту вмятину, – добавила Чаша, закатывая рубиновые глаза к помятому ободку.

– И с тех пор прибавились новые, – довольно бестактно ляпнул Эрзац, чего я от него не ожидал. – Да, видок у тебя изрядно потрепанный!

– Не жди от меня благодарности за «комплимент»! Никому и в голову не пришло выровнять мой край. Моя идеальная округлость загублена, и это все твоя вина!

– Погодите минутку, – сказал я, поднимая руки. – Как давно это было?

– Пятьсот двадцать лет девять месяцев и три дня тому назад, – сказали они практически в один голос.

– И четыре дня, – пискнула Келса, когда Калипса развернула ее. В шаре появилось ее лицо. – Вы забыли про всеобщее смещение и летнее время!

– Молчи, – сказал Эрзац. – Тебя там не было.

– Мне не обязательно там быть, мой дорогой, – напомнила ему Келса. – Или ты забыл, что я все знаю, все вижу!

– Ты сказала им, что я могу вернуть ему силы! – взорвалась Асти.

Лицо Келсы изменилось, пока она сама не стала похожа на кубок, но в тюрбане и очках поверх пары самоцветов в форме глаз.

– Я ничего подобного не говорила. Я лишь описала им то, что видела.

– Ага. И ты ей поверил? – спросила меня потрясенная Чаша. – Да у нее не было ни одного трезвого момента за столетия!

– Трезвого, говоришь? – спросила Келса, и лицо в золотистом кристалле стало почти прозрачным от ярости. – Я всегда трезва. Посмотри на меня. Почему бы они не должны мне верить? Я предсказываю им будущее! Все, что я сказала, сбылось. Они лишь неправильно истолковали мои слова.

– И ты не истолковывала его для них?

– Моя работа – *предсказывать* будущее, дорогуша! Занимайся я *толкованием*, куда больше узурпаторов кончили бы жизнь на плахе и куда больше коронованных голов почивали бы по ночам в безопасности на своих подушках. Куда меньше маленьких девочек рискнули бы разгуливать по лесу без сопровождения взрослых, а суды по бракоразводным делам работали бы без выходных, ибо ни одна измена не сошла бы изменнику с рук. Мои факты неоспоримы для непредвзятого ума. А вот ты вечно полна алкоголя!

– Не всегда, – недовольно проворчала Асти. – Я делаю и другие зелья, помимо алкоголя. Любые виды. Все, что претендует на то, что «знает все», обязано это знать.

– Но, Асти, я не говорила, что ты не можешь. Я лишь пришла к выводу, что ты этого не сделала, – заявила Келса с самодовольным видом.

– Ты силиконовый имплант, ты не имеешь права трепаться о личных делах людей по всему космосу!

– Имею, еще как имею! Моя работа – предсказывать, информировать, проливать в темноте свет, сообщать моему обладателю о событиях, которые будут определять его будущее и будущее всех остальных измерений. Между прочим, мой дорогой, – сказала она, поворачиваясь ко мне и подмигивая, – возможно, тебе стоит чуть поспешить. Сюда движется группа охотников. Лошади, много острых колющих предметов. Эрзац вряд ли сможет справиться со всеми сам.

– Кто сказал, что я не могу, девка? – возмутился меч.

– Заткнись! – рявкнул я, не желая в данный момент ублажать эго Эрзаца. – Кто они такие?

– Лорд Хайперин, его главный егерь, три сержанта, пятнадцать солдат, свора гончих...

Громкий лай частично подтвердил правоту ее заявления. Я взглянул на Тананду.

– Куда? – спросила она.

– Куда угодно, лишь бы не оставаться здесь, – сказал я. Я схватил Асти и начал запихивать ее обратно в рюкзак.

– Секундочку! – испуганно пискнула она. – Надеюсь, ты не станешь снова заматывать меня в эту жалкую тряпку?

– Именно это я и сделаю, сестрица, – сказал я.

– Только через мою гнутую ножку! – парировала Асти.

Из чаши полилась воняющая кислятиной красная жидкость. Затем она мощным фонтаном, словно из пожарного шланга, брызнула вверх. Я на всякий случай держал ее подальше от своего лица. Жидкость оказалась вином, дешевой бурдой, которую я бы даже не стал использовать в качестве инсектицида. Брызги взлетели еще выше. Еще миг, и они взлетят выше деревьев. Хайперину не понадобятся собаки, чтобы выследить нас.

– Перекрой кран! – закричал я. – Чего ты хочешь?

– Я думала, ты понял причину. В конце концов, тебе ведь нужна награда, не так ли? – В струе между каплями возник промежуток. На меня с довольным видом посмотрели рубиновые глаза. – Мне всего лишь нужен футляр, соответствующий моему статусу, мистер Ааз. Я одна из самых важных представительниц Золотого Клада. Вы не можете просто завернуть меня в лохмотья и ожидать, что я буду этому рада.

– Футляр? – спросил я, думая, что услышался.

– Ты всегда страдала манией величия, – заявил Эрзац. – Надеюсь, вы не поддадитесь ее мелкому шантажу?

– Еще как поддастся, – уверенно заявила Асти. – Ну, так как?

– Даже не надейся, – процедил я, стиснув зубы. По моей руке вновь потекло вино.

– Ладно, уговорила! – крикнул я. – Мы достанем тебе футляр.

– И поприличней, – сказала Асти. – С дорогой шелковой подкладкой, из хорошо выделанной кожи и моим личным вензелем, выложенным самоцветами. Правда, я не требую, чтобы те оказались бы столь же красивы, как и мои собственные, – добавила она. – Я бы также не отказалась от золотых застежек плюс для комфорта слой лучшего кашемира. Пурпурного цвета, если можно. Он чудесным образом оттеняет мою благородную патину.

– Только через мой труп, – рыкнул было я, но Калипса взяла меня за руку.

– Асти – древнее сокровище, и нам действительно нужна ее помощь, – сказала она. – Кошелек наверняка возместит тебе любые твои затраты. Я бы чувствовала себя лучше, зная, что она окружена комфортом.

Чаша просияла.

– Мне нравится эта девушка. Она умеет потрафить артефакту!

Мы с Танандой переглянулись.

– Ну что, посетим Деву? – сказала она.

Если вы из тех домоседов, кому ни разу не доводилось бывать на Базаре-на-Деве, представьте себе самую большую торговую арену, какая вам только известна. Теперь удвойте ее размер.

Удвоили? Значит, удвойте снова.

Просто продолжайте удваивать и дальше, пока у вас не закончатся цифры.

Базар хорошо известен во всех измерениях как место, где можно купить практически все. Если что-то можно купить, продать, обменять, украсть и снова продать, то это нечто наверняка продается в одной из палаток, будок, на открытых площадках, столах и даже скатертях, разложенных на земле, на грязных, многолюдных, шумных, душных улочках. Вы можете сделать себе татуировку на любой части тела, включая внутренности. Вы можете, как я, к моему вечному сожалению, знаю, купить здесь живого дракона. (Если у вас есть хоть капля разума, то вы этого не сделаете.)

Вы можете найти рестораны, где подают еду из бесчисленных стран, в том числе один из немногих извских ресторанов, которые я когда-либо находил за пределами нашего измерения. Большинство других рас не желают подавать извскую еду, потому что она обычно бывает ходячей и имеет довольно резкий запах, ну ладно, скажем честно – источает зловоние. Нет такого самого экзотического ингредиента, который бы деньги не доставили к вашему столу, если только это не разумное существо. Даже местные еще не доросли до такого извращения.

Местные жители, которым принадлежит здесь большинство ресторанов, кабаков и кофеен, известны как деволы. Внешне они похожи на существ из пентюховских кошмаров – темно-красная кожа, маленькие рожки по обе стороны лба и копыта на нижних конечностях. Чтобы иметь дело с деволом, вам нужно уметь торговаться или же быть готовым потерять все, что на вас есть. Слухи о том, будто вы рискуете потерять душу в пользу одного из торговцев на Базаре, – полная чушь, если только вы не настолько глупы, что положите ее на стол с самого начала торга. Иными словами, вам стоит понять, на что вы согласились, и убедиться, что в вашем словесном уговоре нет удобных лазеек, в противном случае продавец не мытьем, так катаньем найдет способ вас надуть.

Деволы – самые ловкие бизнесмены во всей вселенной, и они нутром чувствуют присутствие денег. Быть обманутым деволом – обычная вещь на Базаре, но если вы сумеете не утратить бдительности, то среди бесчисленного множества разного барахла можно найти товар на редкость хорошего качества. Лучшие мастера всех рас имеют здесь свои магазины. Так что, если какие-то из сокровищ Золотого Клада сейчас выставлены на продажу, то, скорее всего, именно здесь. Я решил, что неплохо было бы взглянуть.

На Базаре также некогда располагался офис корпорации М.И.Ф., которую возглавлял мой старый партнер Скив. Я же состоял при нем советником. Благодаря популярной уловке, что была в ходу как на Базаре, так и в других местах, наша палатка, по словам еще одного путешественника по измерениям, была значительно больше изнутри, чем снаружи. Хитрость заключалась в том, чтобы иметь в здании данного измерения только входную дверь и, возможно, прихожую, а остальное пространство с помощью чар вырезать из соседнего измерения. Наша палатка открывалась сзади в измерение под названием Лимбо, которое отказывались посещать даже деволы. Главной тамошней расой были вампиры, а также оборотни и несколько других детей ночи к ним в довесок, или, если хотите, в дожуток. Это объясняло то, почему наша палатка имела столь умеренную цену, хотя и располагалась на главной улице. Скив утверждал, что лимбоанцы боятся нас так же, как и мы их, но это место вызывало у меня мурашки, стройными рядами марширующие по коже. Тем не менее я использовал его как свой *pied-a-terre*, симпатичную городскую квартирку, ведь как-никак за него уже было уплачено. Время от вре-

мени кое-кто по старинке заглядывал к нам, если бизнес приводил их на Деву, но все было уже не то, что в старые добрые времена.

Хотя большинство людей предпочли бы не связываться с извергом, особенно с таким знаменитым, как я, неся по Базару три весьма ценные магические вещицы, я все равно чувствовал себя не в своей тарелке. Карманники и воры, рыскавшие по закоулкам, чуяли запах золота через десять слоев заколдованных чехлов, не говоря уже о том, что было спрятано в старых мешках, которые мы позаимствовали на соседнем картофельном поле на Пенте.

Эрзац мы вообще не могли никак спрятать, кроме как прикрыть его рукоять старым мешком. Путешествуя на узком плече Калипсы, он привлекал к себе повышенное внимание лавочников, мимо которых мы проходили. Я на всякий случай держал руку на И-Скауне, лежавшем у меня в кармане. Это древний артефакт, и таких, как он, немного. По прошествии стольких лет не хотелось бы потерять надежное средство передвижения.

– Не понимаю, зачем тебе специальный футляр для переноски, – кисло сказал я Асти. – У этого парня – ну, того, у которого ты стояла на полке, определенно не было для тебя никаких футляров, тем более с самоцветами и выделанной кожей.

– Я не жду танцовщиц и прислужников, мистер Ааз, – самодовольно сказала Асти, зная, что ее каприз будет исполнен.

– Просто Ааз, – сказал я.

– Как хотите. Мне нравился Имгам. Во всех смыслах эта простая обстановка была настоящим святилищем. Имгам дал мне все самое лучшее, что у него было. Он поставил меня на деревянный постамент, который выстругал своими руками. Он до блеска отполировал меня лучшей тканью в доме, куском шелка, который его мать получила в подарок на свадьбу. Она была дешевле, чем специальные лоскуты для полировки, какие у меня были за все эти годы, и одновременно самой лучшей. Он обращался со мной с любовью и глубочайшим уважением. – Асти вздохнула. – За пределами Храма Шамуса я ни разу не удостоивалась такого поклонения. Я была в полном восторге. Если ты лишил меня его заботы, надеюсь, этому имелась весьма важная причина, а не просто для того, чтобы восстановить магические силы извращенца.

Калипса открыла рот, чтобы что-то сказать, но я поднял руку, веля молчать.

– Не здесь, – буркнул я. – Мы купим тебе футляр, а затем отправимся туда, где нас вряд ли найдут.

– Боже мой, какое интересное место, – пискнула Келса из сумки Тананды. Она настояла на том, чтобы мы не использовали кляп, и с того момента, как мы перенеслись сюда, трещала без умолку.

– Неужели вон тот девол действительно ободрал того беса до последнего серебряного гроша, который у него был? И все потому, что он прятал в руке боб, который, по идее, должен был находиться хотя бы под одной из этих ракушек?

Ее пронзительный голос было невозможно замаскировать, и этот бес его услышал. Он злобно зыркнул на девола, а тот в свою очередь злобно зыркнул в нашу сторону. Бес потребовал вернуть ему деньги. Демон, разумеется, отказался. Это повлекло за собой препирательство с торговцем, что в свою очередь привлекло публику из соседних палаток. Я положил руку на спину Калипсе, уводя ее прочь от драки, которая должна была начаться через... десять секунд.

Девять. Восемь. Семь. Шесть.

– Ты надул меня, гнусный мерзавец! Гони назад мои деньги, или я оторву тебе голову!

Мдааа, слегка с опережением графика.

Дево-продавец кожгалантереи внимательно слушал, пока Калипса перечисляла ему детали футляра, который хотела Асти. Мы все решили, что будет лучше, если никто из Золотого Клада не раскроет рта. Мне меньше всего было нужно, чтобы поползли слухи об их присутствии в этом измерении. Это положило бы начало золотой лихорадке, какой не было уже столетие.

– ...И кашемировая подкладка. Пурпурная, – сказала Калипса. – Хорошего качества, чтобы прослужить сто лет.

– Понятненько, – сказал Станкель, записывая информацию на клочке пергамента. – Не то, что я обычно делаю для тебя, детка, – сказал он, похлопывая Танду по заду. Она улыбнулась ему с такой необузданной нежностью, что он в тревоге убрал руку. Я усмехнулся.

– Можешь назвать примерную сумму? – спросил я.

– Ну что ж, это работа на заказ, – начал девол, отмечая пункты в списке. – Срочно, скажи вы. Специальные красители. Для подкладки лучше взять краску из крыльев жука-клегборна – она лучшая. Не полиняет, не выцветет. Рисунок на коже, изображающий вытекающую из фонтана воду, разбивающиеся о берег волны и тому подобное. Если вы не против магической резьбы, я могу сделать любую, какую только пожелаете. Это сэкономит время. Имя наверху – Асти, вы так сказали?

Он взглянул на меня с блеском в глазах. Я испугался, что он поймет. Деволы неспроста считались в доброй сотне измерений самыми хватками торговцами. Они все улавливали с полуслова и никогда не упускали ни единой мелочи, на которой можно было бы заработать.

– Да. – Я наклонился ближе. – Я бы не хотел, чтобы оно стало известно. Мы проводим... некую операцию. Ну, ты меня понял. Хотим слегка смошенничать, чтобы вывести мошенника на чистую воду. Не то чтобы у нас была настоящая Асти.

– Понятно, – сказал Станкель, облизывая кончик карандаша и делая последнюю пометку. – Нет, не надо мне ничего объяснять. Где бы ты раздобыл сокровище из Клада, Ааз? – усмехнулся он.

Меня возмутил его намек, но я не хотел затевать ссору. Во всяком случае, пока.

– Сколько? – спросил я.

– Э-э-э, учитывая, что ты старый друг, а Танда – постоянный клиент... ползолотого.

– Сколько? – уточнил я.

– Половина золотого. И я вынимаю хлеб изо рта моих детей, чтобы дать вам такую низкую цену.

– Твоим детям уже за шестьдесят, – заметил я. – Если ты все еще их кормишь, ты такой же никчемный родитель, как и бизнесмен. Это, конечно, хорошая работа, но я мог бы уломать Седжера сделать для меня то же самое за десятую часть.

– Десятую часть! Ты в своем уме?

Я улыбнулся. Похоже, дело сдвинулось с мертвой точки.

– Не такой сумасшедший, как ты.

– И как только у тебя язык повернулся предложить мне такую унижительную сумму за мои высококачественные кожаные изделия? – Он обратился к прохожим: – Этот вонючий извращенец думает, что может попросить мастера Станкеля выполнить его заказ за жалкую десятую часть золотого! Четыре десятых, или я вышвырну твою чешуйчатую задницу из этой палатки!

– Изверг! – проревел я. – Хотелось бы мне увидеть, как ты это сделаешь! Две десятых!

Время обеда уже прошло, поэтому толпа, что собралась послушать наш торг, была не такой большой, как могла бы, что меня вполне устраивало. Я не хотел, чтобы какой-нибудь зевака стал читать через плечо Станкеля. Тананда привыкла торговаться на Базаре, но Калипса уже начала потихоньку пятиться прочь от наших голосов. У меня не было времени, чтобы дать ей понять, что все идет нормально. Внезапно я заметил блестящие глаза Эрзаца, выглядывающие из-под обертки, закинутой на ее плечо. Постепенно Калипса перестала дрожать. Спустя какое-то время я увидел, что ей даже нравится наш спектакль. Когда мы наконец закончили торг и я согласился на четверть золотого, она присоединилась к аплодисментам других зрителей. Я и сам подумал, что спектакль удался на славу.

Затем Станкель измерил Асти, и мы оставили его заниматься делом. Его не слишком впечатлила помятая чашка, для которой мы заказали дорогой футляр, но он купился на нашу

историю, что, мол, с ее помощью мы хотим провернуть какую-то изощренную аферу. Он, как любой девол с рождения, знал, что это чистое золото, но я специально выбрал Станкеля – он был почти так же слеп к магии, как и я на тот момент. Он не ощутил мощной мистической силы, исходившей от нее и еще двух предметов.

– Дай мне пару часов, – сказал Станкель. – К тому времени я уже что-нибудь смастерю.

Глава 8

Гордо выпятив грудь, я вышел с моими спутниками из палатки и ловко провел их сквозь компанию пьяных викингов, торговавшихся с продавцом обтянутых кожей щитов. Мы толкнулись мимо беса, покупавшего отрезки ткани отчаянно ярких расцветок, каковых, увы, не предусмотрела природа, и обошли стороной группу ротозеев-кобольдов, делавших снимки восьмирукого жонглера, пока напарник этого самого жонглера чистил их карманы. Когда мы пересекали перекресток, у Калипсы ослабли колени.

– Фу, что это за мерзкая вонь? – ахнула она и пошатнулась. Уловив носом зловонный запах, я улыбнулся.

– Изврская кухня, – сказал я. – Ресторан недалеко.

– Нет, – твердо сказала Тананда. – Разве она не достаточно настрадалась за последние несколько дней? Незачем подвергать ее пытке твоей едой.

Я нахмурил брови. Я давно не пробовал домашнюю кухню. Тананда одарила меня одним из тех взглядов, которые означали исключительно бизнес, поскольку мы были заняты делом и удовольствие могло подождать. Я на миг задумался. Мы могли бы разделиться, но это вдвое увеличивало шансы того, что кое-кто из бандитов, рыскавших по лавкам Базара, мог положить глаз на товары, которые мы несли. Я вздохнул.

Вместо этого я направил стопы в трактир «Желтый полумесяц», где мой приятель горгулья Гас готовил клубничные молочные коктейли для привередливых клиентов, что предпочитали наслаждаться ланчем в уединенной обстановке. Еда в «Желтом полумесяце» была пресной, потому что так нравилось посетителям. В принципе я ее ел, хотя и считал подножным кормом.

К моему облегчению, все остальные посетители харчевни были незнакомцами. У нас не возникло проблем с местами за столиком в углу, где мы с Тандой могли сесть спиной к стене. Помахав нам широкой каменной ручищей, Гас спустя какое-то время вышел из-за стойки, чтобы поздороваться с нами.

– Эй, Ааз, давненько не виделись! – сказал он, протягивая нам дробящие кости ладони. – Был в отъезде? Привет, Тананда. Ты, как всегда, прекрасно выглядишь.

– Привет, Гас, – тепло сказала она.

– Как обычно?

Она кивнула.

– Угу, – буркнул я.

Гас повернулся к Калипсе:

– А ты, дорогая? Ты ведь уолт, не так ли? Здесь, на Деве, твои соплеменники большая редкость. Что будешь пить? Молочный коктейль за счет заведения для друга моего старого приятеля.

Калипса смутилась, поэтому я покачал головой:

– Дай ребенку посмотреть меню, Гас, и проследи, чтобы нам никто не мешал, хорошо? Нам нужно обсудить одно дельце.

– Нет проблем, – сказал Гас. Оставив Калипсе заляпанный жирными пальцами пергамент, он вернулся к стойке.

– Итак, Асти, – сказал я, ставя чашу на стол. В ее плачевном состоянии никто в зале не обратил на нее особого внимания. Даже игрушки, которые бесплатно прилагались к детским блюдам, производили большее впечатление, чем она. – Давай поговорим. Тебе нужно кое-что понять.

– О, я понимаю, – беспечно отозвалась Асти. – Ты и эта зеленая шляха...

– Троллина, будь так любезна, – довольно резко исправила ее Тананда.

– Как вам угодно... вы пара наемных рабочих. Или я ошибаюсь? Если нет, то предлагаю вам выслушать эту девушку. Она ваш работодатель, не так ли? Она убедила вас присоединиться к ней ради благородной миссии, ради спасения ее любимого деда. Естественно, я с нетерпением жду возможности услышать позже всю историю. Я люблю всплакнуть, если что-то тронет мне сердце. И она готова воздать мне честь, которая, если вы еще не знаете, мне положена. Я предлагаю вам послушать ее. Очевидно, она прилежно учила историю. Я помазывала на трон королей и королев, благословляла младенцев, вылечивала пропитанные ядом раны, выявляла истину, запечатывала клятвы, поднимала тосты во славу династических браков... Обо мне сложены легенды, детка, и не забывай об этом!

– А если мы найдем тебе другой контейнер, тогда ты пойдешь на сотрудничество? Больше не будет никаких наводнений?

– Возможно, – сказала Асти, и линия на ее ободке чуть изогнулась вверх.

С той стороны стола, где сидела Калипса, донеслось бормотанье. Приглушенные восклицания исходили из лезвия замаскированного меча. Испуганная девушка сняла его со спины и, положив на стол, наполовину вытащила лезвие из ножен.

– Друг Ааз, – сказал Эрзац. Мне был виден один злобный глаз, смотревший на меня из дыры в порванной коже. – По крайней мере, я считал тебя другом! До сих пор.

– Да что это с тобой? – спросил я.

Глаз вспыхнул гневом.

– Ты обещал хорошую цену за начищенный до блеска, украшенный самоцветами футляр, чтобы эта жалкая, дырявая миска ощущала себя королевой, но даже не предложил то же самое мне!

– Что? – оторопел я.

– Да, я поверил, что ты уважаешь меня. Ты, признавший мое качество. Ты, кто выкупил меня у барахольщика и кто несет меня вперед к достойной судьбе. Ты, кто знает мою историю, вплоть до языков таинственного пламени, породивших меня. Ты, кому известны битвы, в которых я участвовал. ТЫ... ты бы и дальше позволял мне ютиться в этих изношенных, наполовину дырявых ножнах, в то время как у Асти будет новый футляр для ее жалкой помятой фигуры?

– О да, – пискнула Асти. – Я также хочу, чтобы ты нашел ювелира, который бы выровнял мои вмятины. Надоело выглядеть как последняя мишень на заборе. И еще спроси, сможет ли он найти замену овальному халцедону на моей подставке. Я заметила небольшой скол, прямо у основания...

Я перевел взгляд с чаши на меч.

– Нет.

– Что нет? – спросила Асти.

– Нет полировке, и нет новеньким ножнам. И нет, – добавил я, когда Келса запротестовала из внушительной сумки Тананды, – миниатюрной сумке для боулинга с монограммой, в которой сидит самый болтливый хрустальный шар в мире!

Все трое разом заговорили.

– Молчать! – рявкнул я.

Все тотчас угомонились. Я наклонился к Асти, чтобы ей были хорошо видны мои оскаленные зубы.

– Прежде всего, дражайшая миска, возможно, я взялся за работу и рассчитываю на твое сотрудничество, чтобы ее завершить, но только посмей обозвать мою подругу Тананду еще раз. Ты меня поняла? Может, ты и впрямь бессмертное сокровище и о твоих подвигах сложены сотни песен, но для меня ты в первую очередь кусок металла. Мне ничего не стоит расплющить тебя и затем пользоваться тобой в качестве закладки в моем экземпляре *Изврасутры*. Поняла? Во-вторых, поскольку мы работаем на Калипсу, договоренность наша временная. Как только все завершится, я вновь стану частным лицом, так что не воспринимай меня как обслугу. Как только вы больше не будете ей нужны, ваша неприкосновенность тью-тью. Поняла?

– Боже мой, какие мы обидчивые! Он всегда такой? – обратилась Асти к Тананде. – Ну, хорошо. Я извиняюсь за предположение, что у тебя отсутствуют моральные качества. Но посмотри, как ты одета!

– Что, разве эта старая тряпка? – спросила Тананда, дергая вниз декольте, отчего ее активы соблазнительно колыхнулись. – Видала бы ты меня, когда я хочу привлечь внимание.

– Факт остается фактом, – вновь подал голос Эрзац. – Я тоже заслужил более презентабельные ножны.

– Мне казалось, тебя устраивают и эти, – сказал я. Увы, он не оценил мой юмор. Подозреваю, что у прямых мечей чувство юмора отсутствует напрочь. Даже глазом не моргнув, он продолжал гнуть свою линию.

– Этот убогий чехол не соответствует ничему тому, что я мог бы пожелать. Он защищает мое острие и, да, обеспечивает мне некоторую анонимность, но, как ты видишь, друг Ааз, он уже разваливается! Твой знакомый кожевник наверняка может создать нечто такое, в чем мне не будет стыдно показаться на людях, верно?

– Будь справедлив к нему, Ааз, – сказала Калипса, похлопав длинными черными ресницами.

– А кто заплатит за новые ножны? – возразил я.

– Как мне кажется... – сказала Калипса, смущенно опустив голову. – Ты.

– Я уверен, Дзынь-Хуа добавит цену к твоему гонорару, лишь бы я не выглядел оборванцем, – сказал Эрзац, – и, разумеется, возместит все затраты. Мы с ней всегда были расположены друг к другу.

– Ах, вот оно что! – воскликнула Асти. – Ты пообещал ему большую награду из Бездонного Кошелька, а также восстановление магических сил! Боже мой, а я-то думала, ты благородно помогаешь этой девушке спасти ее деда! Жаль, что я не могу снова наградить тебя лихорадкой Скарольци, ты... ты просто извращенец!

– Изверг! – прорычал я.

Ее обвинение больно жалило, но это была правда. Зачем прятать голову в песок? Я делал Калипсе одолжение. Но что такого, если я что-то получу в обмен за свою помощь? Я хотел вернуть свои силы. И если я их верну, собрав весь набор Болтливых Сокровищ Франклина, так тому и быть. Бывало и хуже.

– Если мы хотим обсудить тему алчности, то как насчет тебя? – сказал Эрзац, обращаясь к Асти. – Ты – член Золотого Клада! Ты должна бескорыстно помогать нуждающимся, не думая о материальном вознаграждении! Создатели, которые направили нас на наш путь, пришли бы в ужас, узнав, что ты поставила на пути нашей миссии свои низменные потребности.

– Хмм! А не ты ли сам сейчас следуешь тому же поветрию? – заявила Асти, высокомерно на него глядя. – Новые ножны! Ты еще скажи, что мечтаешь о нефритовых пластинах, воспевающих твои подвиги!

– Я уже принес клятву верности этому ребенку и ее спутникам, – возразил Эрзац. – Но я даже представить не мог, что они пренебрегут мной и моим благородным служением в их спешке потворствовать твоим капризам.

– Это только потому, что она грозила утопить их в плохом вине, – весело заметила Келса. – Этот трюк с отрыжкой всегда был в числе ее любимых. Однажды мне довелось наблюдать, как она смыла целый гарнизон...

– А ты ничем не лучше, ты ослепляешь людей или вводишь их в заблуждение, – парировала Асти, изогнув в усмешке губы. – Удивляюсь, что ты еще не попросила многогранную коробку с зеркалами, так чтобы любоваться собой со всех сторон!

– А что, прекрасная идея! – просияла Келса. – Хотя, если честно, меня заинтересовало предложение Ааза о сумке для боулинга. Очень компактно и уютно. Мне не нужны зеркала, чтобы увидеть себя, дорогая. Кроме того, если я закачусь в зеркало и разобью его, то, скорее всего, закончу как ты... семь лет невезения – или все семьсот. Разве с тобой этого не случилось, когда тебя впервые помяли?

– Сколько можно напоминать об этом? – обиженно спросила Асти. – Как ты думаешь, мне нравится выглядеть вот так? Эта вмятина мешает мне изливать мое содержимое.

– Да, я видела, как ты получила этот отпечаток большого пальца на твоей ножке, но кто знал, что лечение того тролля от яда Гнршкта так резко вернет ему силы? Вообще-то знала я, но меня там не было. Жаль, что ты меня не услышала. Я кричала во все горло, просила его отпустить. Конечно, на тот момент я была на расстоянии десяти измерений. Это был настоящий шок для кобольда, на которого я тогда работала. Он чуть не забыл изобрести волшебный сверхпроводник!

– Проклятый тролль только сделал еще хуже, когда попытался все исправить, – обиженно сказала Асти. – Я испугалась, что все самоцветы разом выскочат из своих гнезд.

– Воспринимай свои вмятины как признак жизненного опыта, – философски изрек Эрзац.

– Ты хочешь сказать, что закрываешь глаза на маленькие царапины на своем клинке, а?

– Щербины мешают мне в работе. Я не заметил, чтобы вмятины помешали тебе вызвать ненужный поток вина в том лесу!

– Не понимаю, какое отношение ваша внешность имеет к вашему вечному стремлению оказывать содействие и помощь тем, кому угрожает опасность? – спросила Келса.

Чаша и Меч сплотились, узрев в ней общего врага.

– Молчи!

– Я лишь указала на очевидное!

– Это все, что ты умеешь, не так ли? Ничего полезного, в отличие от моего лечебного яда, – сказала Асти.

– Или поверженных мною врагов, – добавил Эрзац.

– Жизнь не сводится только к этому, – невозмутимо парировала Келса, чем спровоцировала Эрзаца и Асти на новую тираду.

– Они ненавидят друг друга! – взвыла Калипса. – Они не будут сотрудничать, и это может стоить жизни моему дедушке!

– Даже хуже, – сказала Тананда, наклоняясь ко мне. – Они создают нарастание силы, прямо здесь, в этом помещении.

– Они – что? – переспросил я.

– Я почти воочию могу это видеть, – ответила она. – Я не волшебник, но даже я чувствую огромный ее приток. Через минуту, если они не прекратят притягивать эту силу, здесь прогремит взрыв!

Я положил руки на столешницу – та уже начала вибрировать. Танда была права. Если Клад был источником силовой бури, то нас ждут неприятности.

– Ну, хорошо, – сказал я и повернулся к трем артефактам. Те с пеной у рта перечисляли недостатки друг друга, вспоминая грешки и промахи не менее тысячелетней давности.

– Ты предсказала, что бесы создадут устройство настолько мощное, что оно уничтожит весь мир!

– Я была права! Трехкарточный монте стал причиной первого упадка экономики Зоорика!

– А как насчет того, что ты отравила принцессу гномов на ее свадьбе?

– Это был не яд, идиот! Это было тонизирующее средство для нервов. Значит, она слишком много выпила. И уснула на три года. А ты сам...

Тряска стола приобрела масштабы сеанса мошеннического столоверчения. Я стукнул кулаком по столешнице:

– Ладно. ДОВОЛЬНО! ЗАТКНИТЕСЬ! ПРЕКРАТИТЕ!

Стропила зазвенели, и это привлекло их внимание. Вибрация замедлилась. Но не прекратилась.

– К чему кричать, друг Ааз? – мягко спросил Эрзац. Похоже, его обида на меня была забыта.

– Взгляните на ту атмосферу, что сгустилась вокруг нас. Магия накапливается здесь, как навоз на скотном дворе, и вы трое тому причиной. Это место не выдержит. Вы сможете выпустить магию наружу, не взорвав при этом таверну?

Келса закрыла глаза. Ее лицо на мгновение исчезло, и его сменила картина ужасающего взрыва, выстреливающего в небо хвостатый огненный шар.

– Боже мой, это не в моем духе!

– Я предупреждал тебя, Ааз, – сказал Эрзац. – Ты спросил, почему Золотой Клад никогда не собирается надолго в одном месте.

– Нам лучше уйти отсюда, – сказал я, поспешно вставая.

– Слишком поздно, – сказала Тананда.

Она была права. По всей палатке прокатилось глухое урчание. Земля задрожала. Колонны, поддерживающие крышу, начали раскачиваться. Сидевшие вокруг нас посетители вцепились в свои столы. Внезапно вверх забили струи молочных коктейлей. Меня обдал холодный душ липкой коричневой жидкости. Калипса исчезла под градом жареной картошки. Я схватил горсть бумажных полотенец и вытер с глаз колу.

– Если это твои проделки, прекрати, – приказал я Асти.

– Боже мой, почему ты думаешь, что это я? – спросила она с невинным видом. Капля клубничного молочного коктейля громко шлепнулась в ее миску. – Вкусно-то как! Твой друг даст мне рецепт?

Я пропустил ее слова мимо ушей. Остальные посетители поглядывали на нас с подозрением и тревогой. Один девол лег грудью на поднос, чтобы еда не улетела. Бутерброды свистели, проносясь через весь зал, как фрисби.

– Нам придется взять еду с собой, Гас, – крикнул я. – Магическая чрезвычайная ситуация. Ну, ты понял.

– Можешь не объяснять, Ааз, – ответил он и повернулся, чтобы положить завернутую в бумагу еду в белый бумажный мешок. Я сунул через прилавок немного денег и взял пакет в свободную руку.

– Всегда приятно видеть вас, ребята.

– Взаимно, – заверил я его, выталкивая остальных за дверь.

– Куда мы идем? – спросила Асти. – Мы еще не забрали мой футляр.

– Нам лучше поскорее убраться с Девы, – сказал я. – Я не намерен платить за ущерб, который насчитают деволы, если вы трое устроите взрыв в одной из палаток. – Причина, по которой страхование здесь так и не прижилось, заключается в том, что деволы додумались до того, что начали планировать пожары и бедствия, чтобы уничтожать непроданные, не пользующие спросом товары и получать существенное возмещение убытков. Чтобы выяснить, что

на самом деле было в палатках на момент катастрофы, потребовался бы маг или стратег высочайшего класса.

– А как же мой футляр?

– А мои ножны?

– И мой... во что я буду одета? – спросила Келса.

– Забудьте о них. Нам надо поскорее убираться отсюда.

Я был зол: мой обед откладывался из-за трех старинных безделушек, которые не умели вести себя на публике.

Калипса положила мне на локоть свою пернатую руку. Ее большие темные глаза пристально посмотрели на меня.

– Мы должны держать данные им обещания, дорогой Ааз.

– Оглянись вокруг, лапуша, – прорычал я. – На первый взгляд это может показаться дружелюбной территорией, но если поползут слухи, что мы носим с собой трех членов Золотого Клада, нам несдобровать. Ни у кого из нас нет достаточной огневой мощи, чтобы справиться с тысячей торговцев-деволов, желающих заполучить кого-то из вас. Давайте-ка, топаем отсюда.

– О нет, только не обратно в тряпичный мешок! – взывала Асти. – Я отомщу тебе... пфоклятый исфефк.

Я замотал сумку и повернулся к Танде:

– Палатка заколдована против магической огневой мощи. Давай нырнем в нее. А уж потом будем думать, куда нам податься дальше.

Глава 9

– Эй, кто-нибудь есть дома? – крикнула Тананда, когда мы закрыли за собой дверь палатки. Ей никто не ответил. – Я думала, что Гвидо и Нунцио где-то поблизости, но, должно быть, дон Брюс дал им какое-то поручение.

– Оно и к лучшему, – сказал я.

Мне не хотелось ни с кем здороваться. Наверное, зря я связался с Калипсой и ее проблемами. Эта мысль дважды пришла мне в голову, пока мы преодолевали небольшое расстояние от гостиницы «Желтый полумесяц» до нашей входной двери. Тананда просигналила мне, что магия начинает нарастать снова.

Я быстро провел моих спутников мимо драконьего загона, к противоположной стороне улицы, подальше от магазина магических зеркал. Я нарочно избегал зрительного контакта с несколькими знакомыми мне деволами, тяжеловесами по части торговли заколдованным оружием. К счастью, они спорили с каким-то бесом, который пытался продать им самоходную рельсовую пушку. Не иначе как стибрил ее в одном из измерений, далеко ушедших вперед в плане высоких технологий. Сколь легендарным или волшебным ни был Эрзац, он не обладал ни мощностью в десять мегатонн, ни компьютеризированным трехмерным наведением.

– Да, внутри и правда просторней... – начала было Калипса, глядя вокруг широко раскрытыми глазами.

– Да, да, – перебил я ее и, плюхнув Асти на столик прямо у двери, быстро огляделся по сторонам.

Это была одна из самых узких и самых скромных палаток в людном переулке, но внутри нее царила роскошь. Я много лет называл ее своим домом.

– Очень мило, – сказала Келса, когда мы вытащили ее из свертка. – Хотя и очень тихо. Я даже не ожидала.

Внутри ее шара сияла картинка комнаты, но такой, какой та была несколько месяцев назад, когда здесь била ключом бурная деятельность корпорации М.И.Ф. – кто-то выполнял задание, кто-то сверял свои данные с данными приятеля, кто-то совал нос не в свои дела, кто-то

кормил дракона или ловко уворачивался от него. Я почти наяву слышал рычание Гвидо, гундосый альт Нунцио, тенор Скива, учтивый голос Корреша, резко контрастировавший с огромным меховым матрасом, из которого он исходил, мою собственную вкрадчивую речь и пронзительный писк Банни, упрямо напоминавшей о сокращении расходов. Поймав себя на том, что я по-дурацки уставился прямо перед собой, я поспешил отвести взгляд. Если честно, я страшно скучал по тем дням, но они, увы, остались в прошлом.

В атриуме, освещенном солнечными лучами, падавшими через защищенное магией окно в крыше, журчал фонтан. Да, я сказал *в крыше*. Оказавшись за дверью, мы больше не были на Деве, а значит, и не были скованы, как я упоминал ранее, тесным пятачком пространства, как то можно было подумать, глядя на ограждение из парусины и палок, которое служило нашей входной дверью. Здесь мы были в безопасности... я очень на это надеялся.

– Куда мы идем дальше? – спросил я Калипсу.

– Тебе следует вернуться в лавку Станкеля, – напомнила Асти. – Я уверена, что мой футляр уже готов.

– Нет. Где следующее сокровище? – спросил я, не обращая внимания на Чашу. Краем глаза я увидел, как ее щеки стали бронзовыми от раздражения. – Кто-нибудь из них находится здесь, на Деве?

Калипса повернулась к хрустальному шару, чей лик уже исчез в вихре облаков и блесков.

– Нет, не здесь, – отозвалась Келса после минутного размышления. – Боже мой! Здесь так много магических помех! Я не могу пробиться... впрочем, нет, могу. Ха, ты не сможешь удерживать меня долго! Аааа, оооо, ааааа.

– Что ты видишь, Келса? – спросила Калипса, бросившись на колени перед столом, словно плывущий по озеру лебедь. Я тряхнул головой, отгоняя от себя этот образ. Танец Очарования, должно быть, имел некий остаточный эффект. Если я начинаю думать, что мне нравятся худышки в перьях, то мне точно требуется мозгоправ.

– Ты еще не видела Кошелек? – спросил я. Чем раньше я получу денежки и слиняю отсюда, тем лучше.

– Я вообще не вижу Дзынь-Хуа – полагаю, что нам еще не настала пора найти ее. Фолиант где-то скрывается. Что удивительно, он всегда ненавидел суету Золотого Клада. Кольцо находится в каком-то темном месте. Я слышу бульканье, похожее на звуки канализационных труб, и музыку. Я понятия не имею, что это значит. Пока не имею. Дай мне время, дорогой. Что до нашего друга Флейты...

– Где он? – спросил я.

– Я вижу яркие огни, – мечтательно произнесла Келса. – Громкий шум – аплодисменты. Тысячи, нет, миллионы зрителей внимают мелодии. Вокруг царит такое умиротворение, что даже карманные воры стыдятся своих делишек. Да, я вижу ориентиры. Я знаю размах...

– И?

Лицо Келсы снова появилось в шаре – извергиня в тюрбане и дорогих стильных очках. Она мило улыбнулась мне.

– ...это я тебе сообщу, как только ты купишь мне симпатичный футляр-саквояж. Я согласна с Калипсой: ты просто обязан сдерживать данные нам обещания. Иначе испортишь себе карму!

* * *

– Осторожно! Я не хочу, чтобы мой футляр касался ее, – капризничала Асти, пока я шагал по улицам Хейза, города в измерении Эльб.

Мы были замаскированы под представителей местной расы, узколищих и тощих, чей мех имел разные оттенки розового, от бледно-жумчужного до бьющего в глаза ядовито-неонового.

Ни Танде, ни мне не доводилось бывать здесь раньше. Мы не знали, служили ли конкретные цвета обозначением статуса, поэтому я попросил ее облачить нас в три разных оттенка. Я был темно-розовым, но другие были настолько яркие, чтобы раздражать мою сетчатку. Я перебросил пурпурный контейнер на другое плечо, подальше от Тананды, чувствуя себя так, словно парю в психоделическом кошмаре.

– Ты же не думаешь, что мне хочется общаться с тобой больше, чем то необходимо, – сказала Келса в прозрачное окошко своей переноски цвета тыквы. – Твоя аура в данный момент весьма смущена. Я никогда не замечала этого на расстоянии нескольких измерений, и, если честно, лучше бы ты на таком расстоянии и оставалась. Ты мешаешь моему приему.

– Как будто ты способна видеть что-то, кроме галлюцинаций и рекламных роликов, – парировала Асти со скептическим смешком.

– Молчите, вы обе, – огрызнулся Эрзац.

Его темно-синие глаза отражались в стальном клинке – тот был виден через удобный откидной клапан на его новых ножнах цвета вороненой стали и усыпанных бриллиантами-кабошонами, прекрасно дополнявшими драгоценные камни в его золотой рукояти. Ножны были шикарны, но отнюдь не безвкусны, а камни располагались таким образом, чтобы не оцарапать его лезвие, если он вдруг случайно соприкоснется с ними.

– Кто умер и оставил тебя Ка-Ханом?

– Я – глава этой группы!

Я не стал обращать внимание на их свары. Мой кошелек заметно полегчал, став гораздо тоще, чем три часа назад. Из-за того что меня вынудили раскошелиться на две покупки, я пребывал в довольно скверном настроении.

Тананда постоянно пыталась сказать мне, что все не так уж плохо, как могло бы быть. Станкелю не пришлось делать переноску для Келсы с нуля. Он лишь установил окошко, чтобы она могла выглядывать наружу. Поймав на себе умоляющий взгляд Калипсы, я избавил его от необходимости выслушивать ее болтовню, а, записав список бзиков хрустального шара, просто положил его перед кожевником-деволом. Станкель хитро подмигнул мне, как будто понял, что является частью крупной аферы, которую я пытался провернуть.

Умение убедительно блефовать порой дает свои преимущества. Кстати, Станкелю не пришлось делать ничего особенного, кроме как немного подогнать стандартные ножны под длину и ширину Эрзаца и добавить несколько блестящих побрякушек. Мы торговались о цене до тех пор, пока он не позеленел лицом, а я не побагровел, но мы все же покинули лавку с тремя необходимыми контейнерами. Каждый из нас взял по одному, поскольку сокровища Золотого Клада решили, что им всем положен собственный носильщик. Трое их, трое нас. Не скажу, что меня это слишком смущало, просто еще одно неудобство, которое мне пришлось терпеть. Расфуфыренные, в новых нарядах, сокровища прекратили свое нытье, по крайней мере на двадцать ярдов.

Затем все началось заново.

– Друг Ааз, я только что подсчитал количество драгоценных камней, которыми Асти украсила свое новое жилище. Не хотелось бы жаловаться...

– Тогда не надо, – оборвал я его. Увы, чертова штука для чистки картофеля намека не поняла.

– Мне кажется, ты должен позаботиться о том, чтобы мы все были равны – во всех отношениях.

– Тогда почему ты мне сразу ничего не сказал? – огрызнулся я.

– Ты пригрозил мне, что, если я открою рот еще раз, ты скрутишь меня в узел. А Келсу используешь как шарикоподшипник в телеге для перевозки навоза. Что касается Асти, так ее ты вообще пообещал использовать как ночную вазу.

– Да, да, – рассеянно произнес я. – И зря я этого не сделал, кстати.

– Так ли разговаривают с героями истории? – возмутилась Асти, сочтя своим долгом вставить в нашу перепалку два своих медных гроша.

– Именно так. Куда мы идем? – спросил я Келсу в сорок пятый раз.

– Что? – спросила та, как будто только очнувшись. Я забрал у Тананды оранжевый футляр и прижался носом к маленькому окошку. – Куда... мы... идем... сейчас?

– О, как же это мило! – пискнула Келса, и в шаре волчком закружилось зеленое лицо. – Такого симпатичного ридикюля, как этот, у меня не было две тысячи лет... да что там! Две тысячи триста лет! С тех пор были только заплатки, заплатки, заплатки! Или же я сидела на столе под тряпкой. В принципе, я не против, потому что тогда тебя никто не толкает, но, как вы понимаете, когда находишься в движении, важно чувствовать себя комфортно!..

Я простонал.

Потребовалось не менее десяти минут настойчивых напоминаний, чтобы отвлечь Келсу от ее яркого нового окружения, прежде чем она наконец вспомнила название измерения, где мы могли бы найти волшебную флейту по имени Буирни. Это было измерение Эльб. Затем я должен был убедиться, что она направляет нас в ту часть Эльба, где мы могли его найти. Лично я, со своей колокольни, считал это сокровище пустой тратой времени. Флейта не могла ни помочь мне восстановить мою магию, ни возместить то, что постепенно превращалось в существенный долг. Чем скорее мы доберемся до следующего сокровища, тем лучше.

Я не опасался, что взбалмошный хрустальный шар завел нас не туда. Судя по всему, четвертый член Золотого Клада даже не пытался скрыть свое присутствие, скорее как раз наоборот. Ближе к центру города нам стали попадаться наклеенные на стены зданий плакаты с рекламой его концерта.

«Буирни! Играет всю неделю! Билеты от трех серебряных монет! Арена Эльба». Внизу плаката, поверх изображения внушительного здания, была вручную нарисована золотая флейта, усыпанная драгоценными камнями и окруженная ореолом света.

– Кажется, мы нашли его, – сказал я.

– Ты думаешь, он сейчас на Арене? – спросила Тананда.

– О да, – заверила нас Келса. – Он любит разогреться перед игрой. Открыть все клапаны, как некогда говаривал этот молодчик. Иногда я просто настраиваюсь на него, чтобы послушать. Он действительно очень даже хорош...

– К чему этот сюрприз? – спросила Асти. – Конечно, он хорош! Он один из нас!

– Почему ты защищаешь эту дребезжалку? – спросил Эрзац. – Раньше он был тебе безразличен.

– Ты сам никогда не пытался его защищать, – заметила Асти. – Ты всегда говорил ему заткнуться, потому что от его игры тебя коржило.

Я отключил их треп.

Найти Эльбанскую Арену было парой пустяков. Над магазинами и домами маячил изображенный на плакате купол. Я повел нашу компанию узкими переулками и улицами, забитыми повозками с ослами и пешеходами.

Арена высилась в центре площади, в окружении музеев, галерей и общественных скульптур. Это было огромное здание из зеленоватого камня, декорированное в местном стиле, почти в духе рококо, но только шикарнее. Вход представлял собой резную каменную арку из причудливо переплетенных цветов, волосатых нимф, а также всевозможных рыб и птиц, – все позолоченные и раскрашенные так, как будто в местном хозяйственном магазине действовала постоянная скидка на краску из разряда «вырвиглаз».

Еще проще было найти заднюю дверь. В центре задней стены располагалась уменьшенная версия парадного входа с нимфами и прочими финтифлюшками, только в миниатюре.

А вот пройти через нее – это был совершенно иной вопрос.

– Послушайте, – обратился я к двум вооруженным до зубов троллям, что стояли, прислонившись к стене, как будто подпирая ее, – мы друзья оркестра. Буирни рассердится, если вы не доложите ему о нас. Мы специально прибыли из другого измерения, чтобы провести его.

– Так говорят все, – буркнул первый тролль.

– Марф отфюда! – шикнул на нас второй, не удосужившись даже вынуть изо рта зубочистку размером с хороший гвоздь, торчавшую между резцом и клыком.

– Послушайте, – сказал я, доверительно наклоняясь к ним. – Мы проделали долгий путь, чтобы увидеть Буирни. Мы не из этого измерения.

Я кивнул Тананде, и она сняла чары маскировки. Тролли выпрямились.

– Видите? Мы привели с собой несколько особых гостей. Если вы мне не верите, передайте их имена Флейте. Посмотрим, что он скажет. Если он скажет вам вышвырнуть нас, что ж, вышвыривайте. Что вам терять?

– Не люблю прерывать мистера Буирни, – буркнул первый тролль и отвесил нижнюю губу.

Но я-то видел, как он буквально пожирал глазами Тананду. Но такую прожженную троллину, как она, не проведешь. Она моментально раскусила маску глупости, которую мужчины-тролли напяливают на себя, когда находятся в других измерениях. Ее собственный брат Корреш, здоровяк тролль с пурпурной шерстью, скрывал свои интеллектуальные способности, чтобы под псевдонимом Большой Грызть получить работу телохранителя. Я подумал, что эти двое так же гребут лопатой денежки, скрывая свой уровень интеллектуального развития.

– Да ладно вам, – сказала Тананда, юркнув между ними. Обняв каждого, она принялась поглаживать их мохнатые спины. Я знаю, какой эффект она оказывает на другие биологические виды; для представителей ее собственного это прикосновение было сродни короткому замыканию. Оба громилы практически замурлыкали. – Один из вас может просто забежать внутрь и спросить Буирни, не желает ли он увидеть своих старых друзей? Ради меня?

Два тролля посмотрели друг на друга.

– Иди ты, – сказал первый тролль.

– Нет. Мне здесь нравится. Иди ты.

– Я старший. Иди ты.

– Эй, мальчики, – сказала Тананда, не отключая свою личную магию, пока ее пальцы скользили по их спинам. – Войдем мы *все*.

Прежде чем мы вошли внутрь, она восстановила чары маскировки. Кстати, вовремя, потому что в театре жизнь была ключом. За кулисами распорядители в фиолетовых комбинезонах покрикивали на рабочих сцены, тащивших мимо нас части декораций и кативших кронштейны с костюмами. Изумленно разинув клюв, Калипса шагнула следом. Я шел замыкающим, чтобы никто не увязался за нами по коридору.

– Не понимаю, как ты сегодня заработаешь хотя бы малую часть своей награды, Ааз, – сказала Асти. – Ты провалил переговоры. Твоя троллина закрыла сделку, и, я бы добавила, весьма ловко! Не то, что ты!

– Замолчи! – рявкнул я. Я только что восхищался техникой Танды, а замечания кубка высосали из нее всю радость, словно дыра в бочонке с вином. – Мы вошли, не так ли? Мне наплевать, что именно работает, пока что-то работает. Не убеди она их, я бы нашел другой способ. Но мне не пришлось. Конец истории.

– У тебя найдется оправдание для всего, – пренебрежительно фыркнула Асти, пока мы проходили в обитую войлоком дверь. – Впрочем, что еще тебе остается, учитывая твои провалы.

– На что ты намекаешь? Какие такие провалы? – проревел я.

– Тсс! – прошипел один из троллей, отвлекаясь от ласковых поглаживаний Тананды. – Буирни терпеть не может громких звуков, кроме своего собственного.

– Что там за шум? – спросил пронзительный голос, заполнив собой короткий коридор. – Я не слышу собственного свиста!

Тролли открыли двойные двери, украшенные огромными золотыми звездами, и проводили нас через них. Несомненно, мы вошли в зал для аудиенций. Комната была забита мебелью и людьми, но я без труда разглядел самого Буирни. Во-первых, он был единственной золотой флейтой в комнате, возлежа на изумрудно-зеленой бархатной подушке, а во-вторых, на него падал луч прожектора. Сияние его золотого корпуса слепило глаза, отбрасывая все остальное в тень. Я прищурился, чтобы получше его рассмотреть. Буирни был не совсем флейтой. То есть он принадлежал к семейству флейт, но к числу самых маленьких его членов. Он был файфом.

– Кто там? – спросил он. – Ладно, входите, кто бы там ни пришел к Буирни Золотому Голосу.

– Ты хотел сказать, к Буирни Колоссальному Эго, – съязвила Асти страдальческим голосом.

– Асти? Асти, это ты? Мне показалось, что я ощутил возмущения в Силе. Как, во имя писка, твои дела?

– Я тоже здесь, дорогой, – подала голос Келса. – И Эрзац.

Маленькие круглые изумруды наверху флейты выпучились в *огромные* изумруды.

– Вот это сюрприз! Я думал, что, когда мы все встретимся в следующий раз, это будет одним из признаков Финального Апокалипсиса!

– Надеюсь, ничего настолько впечатляющего не случится, – сказала Асти.

– Расскажи мне об этом все! Обожаю сюрпризы, особенно когда они не фатальные! – Буирни издал пронзительный смешок.

Это был своего рода сигнал, потому что остальные эльбанцы, находившиеся в комнате, истерически захихикали. Но Буирни издал резкий свист. Все тотчас умолкли и нервно переглянулись. Прихлебатели. Сикофанты.

– Не фатальные, глупая свистулька, но важные.

– Мы можем поговорить наедине? – спросил я, пытаясь вырвать у Чаши инициативу в разговоре.

– Уступите дорогу, народ, уступите дорогу! – воскликнул Буирни. – Дайте пройти моим старым и самым дорогим друзьям! И еще нескольким новым, – добавил он, с опаской поглядывая на Тананду, Калипсу и меня. – Садитесь, садитесь. Остальные могут вернуться, когда я свистну!

Эльбанские слуги поспешно вышли, но два тролля остались. Шагнув вперед, они встали по обе стороны бархатной подушки. Когда все ушли, изумруды повернулись ко мне.

– Итак, банда снова вместе! – игриво воскликнул Буирни. Но я ни на миг не поверил ему. – У тебя начальственный вид, великан. Просвети меня, что происходит. Чем обязан чести этого визита? Я задолжал кому-нибудь из вас деньги? – Буирни нервно рассмеялся. Барабан на полу рядом с ним издал короткую дробь. – Спасибо, Зильди!

– Я всего лишь мозг этой операции, но хочу, чтобы ты выслушал вон ту стройную девушку. – Я указал большим пальцем на замаскированную Калипсу за моей спиной. – Она хочет тебе кое-что рассказать.

– Сядь, милое дитя, – гостеприимно предложил Буирни. Калипса посмотрела на меня, надеясь получить совет. Я сделал ей знак сесть на маленькую подушечку рядом с подушкой на возвышении. – Клик, расширь луч, чтобы он осветил нас обоих, ладно?

– Понял, босс! – раздался сверху голос. Я поднял глаза. Слепящий свет, который был сфокусирован на флейте, перескакивал с одной части потолка на другую, с каждым мгновением становясь все ярче. – Так устроит?

– Великолепно! – воскликнул Буирни. – Калипса, я не ошибся? Ты милая девочка, да? Не хочешь выпить вина? – Он издал три резких коротких свиста. Вбежала высокая эльбанка

с подносом. Остановившись, она застенчиво улыбнулась нам. – Итак, что Великий Буирни может для тебя сделать?

– Расскажи ему свою историю, – велел я.

Калипса глубоко вздохнула.

– Все началось десять лет назад...

– Как насчет сладостей? – Буирни не слушал ее. Он выдал трель. Следом за первой, толкая поднос на колесиках, в комнату вошла вторая эльбанка. – Это лучшие в городе вафли с кокосовым орехом. По крайней мере, мне так сказали. Сам я, конечно, их не ем.

– Нет, спасибо, – сказал я. Я развернул обеих служанок, вытолкнул их наружу и запер за ними дверь, чтобы никто меня не отвлекал. Затем дал знак Тананде. Наши маскировки рассеялись. Изумрудные глаза Файфа стали еще шире, чем раньше.

– Вы ведь не местные? Троллина, девица с Уолта и извра... изверг. Не трогайте меня, очень вас прошу. Я доставляю удовольствие миллионам!

Тролли шагнули ближе и скрестили мясистые руки на груди.

– Мы здесь не для того, чтобы причинить тебе вред, – произнес я. – Нам нужна твоя помощь. Давай же, малышка, – сказал я Калипсе. – Теперь говори сама.

Она попыталась. Буирни слишком нервничал и толком ее не слушал. Он то и дело прерывал нас предложениями гостеприимства, комментариями о погоде, комплиментами в наш адрес и музыкальными интермедиями. В конце концов она выложила все.

– Поэтому я вызываю к вам, – закончила она, – досточтимый Буирни. Присоединяйтесь ко мне и, пока еще не поздно, помогите моему дедушке освободиться из цепей злого волшебника!

– Какая ужасная ситуация! Я понимаю, почему тут замешаны мои брат и сестры по Золотому Кладу. И эти прекрасные люди вам тоже помогают? Это весьма благородно с их стороны, – сказала Флейта.

– Не очень-то и благородно, – выпалила Асти. – Предполагаются вознаграждения.

– Это не редкость, – упрекнул ее Буирни. – В конце концов, они всего лишь смертные. Без обид! – добавил он, когда я поднялся со своего места.

– Давайте перейдем к делу, – сказал я. – Ей нужен весь Золотой Клад, а значит, и ты. Как тебе это? У нас есть еще три сокровища, они позаботятся о тебе.

Буирни повернулся к Калипсе:

– Девочка, я сочувствую тебе. Я знаю, сколь многое значит для тебя твой дед, но в данный момент у меня слишком много дел, чтобы ввязаться в очередное приключение.

– Буирни! – упрекнул его Эрзац.

– Эрзац, я серьезно. Ты ведь не вырвался бы из самого разгара войны, чтобы ринуться в другую, не так ли?

– Нет...

– Тогда ты поймешь, почему я не могу уйти отсюда. У меня здесь обязательства. Очень важные.

– Ты имеешь в виду те, что в твоих глазах придают тебе вес, – съязвила Келса.

– Естественно, моя сладенькая! – парировал Буирни.

– Но на карту поставлена жизнь моего деда! – воскликнула Калипса, заламывая руки. –

И это важно.

Буирни со свистом вздохнул:

– Так, юная леди, говорят все. Извини.

– Я сделаю все, что угодно, если ты пойдешь со мной!

– Что угодно? – перепросил Буирни с нарастающим интересом.

– В пределах разумного, – твердо сказал я. – Надеюсь, ты не позволишь себе по отношению к этой девушке какую-нибудь неприличную выходку?

– Отнюдь. Я никогда не стал бы просить эту юную леди делать что-то такое, что доставило бы ей дискомфорт. Давайте устроим честное состязание, – предложил Буирни. Ему явно не понравилось выражение моего лица. – Что ж, у меня для вас предложение. Я спонсирую конкурс, в котором ищу самого лучшего певца на Эльбе.

– Как он называется? – нетерпеливо спросила Калипса.

– Он называется «Самый лучший певец на Эльбе». Я сам назвал его так, – гордо заявил Буирни. – Я устраиваю его каждый год в нескольких разных измерениях. Вероятно, вы видели меня в сети кристаллов?

– О да, – сказала Келса. – Последняя победительница на Каллиоппе. Мне казалось, что даже второе место было бы для нее слишком шикарно, но публика почему-то проголосовала за нее...

– Не время для этих разговоров! – оборвал я ее. – Мы говорим о деле.

– Ну что ж, однако она была не так хороша! – Келса стихла, моргая на меня из-за стекол очков.

– Всем плевать, – коротко сказал я и повернулся к Флейте: – Что за предложение?

– Самое простое, – сказал Буирни. – Ты должна выиграть... и тогда я пойду с вами.

– Но ведь это несправедливо, – возразила Калипса. – Я танцовщица, а не певица.

Буирни вздрогнул.

– Как и большинство тех, кто участвует в конкурсе. Но в этом-то и вся фишка. Если тебе действительно нужна моя помощь, ты должна вложить всю себя в это выступление. Выходи со мной на сцену сегодня вечером. Если ты примешь участие в конкурсе и выиграешь его, я пойду с тобой и откажусь от других своих обязательств ради того, чтобы спасти твоего деда. Что скажешь?

Был ли у нас выбор?

Буирни велел троллям вывести нас из гримерки и проводить под сцену в огромную комнату, обладавшую всем очарованием каземата в Мернге. Его грубые каменные стены были увешаны зеркалами и крючками для одежды, где все остальные участники готовились к конкурсу. Я велел Тананде восстановить нашу маскировку, не желая пугать местных жителей. Кроме того, Калипса так нервничала, что ее ноги всю дорогу сюда исполняли фламенко.

– Я даже не говорю на их языке! – причитала она. – Как я могу угодить такой аудитории? Горе Дому Калипсо, что он спасения ради унизился до участия в песенном конкурсе!

– С каких это пор ты стала бояться сцены? – спросил я ее.

– Не волнуйся, дитя, – попытался успокоить ее Эрзац. – Наберись храбрости и сделай все возможное. Все будет хорошо.

– Ты не могла бы дать ей зелье, чтобы успокоить ее? – спросил я у Асти.

– Любые искусственные стимуляторы запрещены! – взвизгнула Келса. – Ее дисквалифицируют.

– Может, так будет даже лучше, – сказала Тананда. – Она слишком нервничает, чтобы принимать участие в конкурсе.

– Останься здесь, – велел я Тананде. – Пойду изучу конкурентов.

Буирни был прав: большинство из них были полный отстой. Что вселяло некоторые надежды на то, что любой писк, который Калипса сможет издать перед аудиторией, прозвучит лучше, чем все остальные.

– Аааа хохххх! А-а-а-а! Ах хи-хи-хи-хи!

Я прищурился. Это было подозрительно похоже на оперу, причем звучало вполне профессионально. Активно работая локтями, я протиснулся сквозь толпу участников конкурса в поисках источника этих звуков.

В самом конце большой гримерки распевалась огромная эльбанка. Ее голос был настолько мощным, что, звеня, отскакивал от стропил и каменных стен. Большинство других

участников конкурса отошли от нее подальше, насколько это только было возможно. Схватив с ближайшего туалетного столика пуховку, я разорвал ее пополам и засунул себе в уши. Даже если соседние со мной эльбанцы и заметили несоответствие между кажущимся размером моих ушей и количеством пушистой шерсти, которую я смог в них набить, они испытывали слишком большие страдания, чтобы громко заявить об этом. Не то чтобы меня это волновало; это был лишь вопрос выживания.

Женщина, ярко-розовая, каким по идее был и я, подмигнула мне, положила нежную руку на свою пышную грудь и запела. Мое сердце затрепетало. Калипса была права. У нас не было ни единого шанса. Я вернулся к своим товарищам, чтобы переждать неизбежное и выработать план Б.

Глава 10

Волнение за кулисами огромного театра ощущалось едва ли не кожей, но я знал: наши шансы равны нулю. Мы с Танандой помогли Калипсе перебрать все песни, какие только она знала, чтобы выбрать ту, которая наверняка понравится публике и Буирни, избегавшего любого контакта с нами с того момента, как нас вывели из его гримерки. Не в нашу пользу было и то, что оперная певица была так же хороша, как и в те минуты, когда она распевалась, но даже самые плохие певцы были лучше нашего кандидата. Продюсер, толстый мужчина в светлой шубе, продолжал шикать на нас. Меня так и подмывало оторвать ему голову, но от этого Калипса не стала бы петь лучше. Потому что случай явно был безнадежный.

– Не знаю, почему мы просто не забрали его и не слиняли, когда у нас была такая возможность, – проворчал я не в первый раз.

– С его стороны вполне резонно устроить такой конкурс, – возразил Эрзац. – Помню, как меня когда-то вогнал в камень один волшебник, чтобы найти того, кто должен стать королем страны.

– Дальше можешь не рассказывать – тебя вытащил двенадцатилетний мальчонка.

– Нет, конечно, нет, – сказал Эрзац. – Это был огромный детина с мозгами слизистой плесени, но у него имелись мускулы, чтобы преодолеть любые возражения со стороны других претендентов. В конце концов он стал королем не хуже других.

– Тсс!

В тот момент на сцену вышел Буирни. Вездесущий софит, Клик, светил на него, выставляя его публике в самом выгодном свете. Маленькие эльбанки в фартуках выходили и полировали его в перерывах между номерами, стряхивая мелкие пылинки. Буирни оказался суетливее, чем любые десять оперных див, которых я когда-либо встречал. Он определенно хорошо выглядел по сравнению со своими незадачливыми соперниками... И звучал лучше. Я заранее набил полные уши ваты, чтобы защитить их, но даже вата не могла полностью заглушить шум.

В антракте я вышел глотнуть стаканчик винца – Кром свидетель, я это заслужил! – и начал бочком подкатываться к людям в баре и в фойе. Так как победителя выбирала публика, толика убеждения, угроз или подкупа наверняка поможет нашему кандидату дойти до финиша.

– Голосуй за Калипсу, – сказал я рослому эльбанцу с белыми усами посередине светлорозового лица. – Она лучшая.

– Кто-то должен быть лучшим, – ответил седоусый с гримасой, которая тотчас сказала мне, что этот конкурс нравился ему примерно так же, как и мне.

– Голосуйте за Калипсу, – посоветовал я столику в задней части бара, за которым сидела стайка матрон. – Она сирота, и ей действительно нужна поддержка.

– А-а-а-а. – Женщины зашептались между собой. Я перешел к группе молодых эльбанцев, хихикавших перед плакатом Буирни.

– Голосуйте за Калипсу. Ведь она его личный друг.

– В самом деле? – спросила одна из женщин, вытаращив глаза. Я постучал указательным пальцем по носу, и молодежь сбилась в кучу. В мужском туалете я загнал в угол парочку представителей сильного пола.

– Если вы себе не враги, то вы проголосуете за Калипсу.

Они попятились от меня.

– Хорошо! Хорошо! Прими таблетку, чувак!

Еще несколько раз выступив в роли посла доброй воли, я вновь ушел за кулисы. Я сделал все, что мог, чтобы набить урну для голосования. За кулисами Калипса расхаживала взад и вперед, возбужденно размахивая руками.

– Что ты так нервничаешь? – спросил я ее, причем не в первый раз. – У тебя нет страха перед сценой. Я вообще не вижу, чтобы ты хоть чего-то боялась. Ты танцевала перед толпой в баре. Ты несомненно хороша. Ты в два счета заткнешь их за пояс! Ты не дрогнула перед злым волшебником. Ты даже не дрогнула передо мной. В чем проблема?

– Я не стану танцевать для этих людей! – заявила она. Ее лицо, замаскированное под эльбанку, было перекошено гримасой отчаяния. – Я им спою. Уолты не поют, они танцуют. Вот увидите. Я проиграю.

– Ерунда, – сказал Эрзац, когда Калипса передала его Тананде. – У тебя все получится. Храброе сердце! Ты представительница великого клана Калипсо! Всегда помни о своих высокопочитаемых предках!

Она слабо улыбнулась ему.

– Калипса! – к нам подбежал потасканный эльбанец средних лет и повесил ей на шею бирку с номером. – Твой выход. – И он вытолкнул ее из-за кулис прямо под лучи прожектора.

– Ни пуха ни пера, малышка, – сказал я.

Потеряй она все перья разом, она и то получила бы лучшие отзывы.

Она была ужасна. В смысле «ужасней ужасного». Она была так напугана, что было видно, как ее бьет дрожь.

– О прелестные цветочки, как милы их лепесточки, – неуверенно запела она. – Дождик льет, пушисты облака, и весна уже пришла, пришла издалека... – ее голос фальшивил на каждом втором слове.

Меня коробило от ужасных рифм, но это было лучшее, что мы смогли придумать в спешке, переводя текст народной уолтской песни на эльбанский. Как вы знаете, есть фразы, которые неизбежно что-то теряют при переводе. Это было не просто потеряно, а потеряно безвозвратно.

Хорошим участникам публика отвечала свистом и аплодисментами. Посредственные получали смесь аплодисментов и улюлюканье. Ужасные убегали со сцены под поурри издевок и насмешек. Усилия Калипсы были вознаграждены полным молчанием. Нет, не совсем полным. Где-то в темноте раздались жидкие хлопки. Единственного ценителя нашей пичужки.

Рабочий сцены выглянул в щель в занавесе:

– Это старик Довачек. Он глуховат. Ему нравится все.

– Она там умирает, – сочувственно сказала Тананда.

– Кто сказал, что Калипса умирает? – воскликнул Эрзац. – Она не умрет одна! Вложите меня ей в руку! Я спасу ее.

– Умирает, но не в буквальном смысле, ты, открывашка для писем, – разозлился я. – Она проиграет. А если и займет какое-то место, то первое с конца. Ей просто нужно расслабиться. Вот и все.

– Все очень просто, – пискнула Асти из сумки у меня под мышкой, – ты просто выйдешь туда.

Я не удостоил ее вниманием. У нас были проблемы посерьезнее.

– Мы точно проиграем в этом раунде, – шепнула мне Танда. – Буирни сказал, что пойдет с нами лишь в том случае, если мы победим. Эх, найти бы где-нибудь говорящий диктофон и раскрасить его в золотой цвет.

– Нет, – сказал я. – С настоящим волшебником подделка не прокатит. Если этот Баррик стоит своей репутации, он тотчас раскусит обман, и тогда ее деду конец.

– А если применить чары иллюзии? Если у нас будут другие сокровища, возможно, он не обратит слишком пристального внимания на...

– Что ж, стоит попробовать, – задумчиво сказал я.

– Тебе не придется этого делать, – заявила Асти из сумки у меня под мышкой. – Выходи и выиграй этот конкурс сам!

– Что? – вскрикнул я. Рабочие сцены недовольно уставились на меня.

– Этому ребенку не добиться успеха. Сегодня ты ничего не сделал, чтобы заработать себе на кусок хлеба, ты бесполезный мешок чешуйчатой кожи. Вперед!

Я посмотрел на огромную чашу зрительного зала.

– Ни за что, – возразил я. – Буирни бросил вызов ей, а не нам.

– Ты сказал, что поможешь ей, и, клянусь всеми Поющими Чашами Афиса, ей сейчас нужна твоя помощь! Иди!

Внезапно мне на правую ногу капнуло что-то теплое. Ее как будто охватило огнем. Запрыгав на левой ноге, я схватился за пальцы правой. Жидкость обстрекала мне руку.

– Кислота! – Я в ужасе отпрыгнул, чтобы не получить ожог.

Я держал футляр на расстоянии вытянутой руки, но Чаша прожгла дыру в коже наверху. Вырвавшийся из дыры спрей едва не попал в меня. Я уронил Чашу и отскочил в сторону от очередного фонтана боли. Следующее, что я помню, это то, что я оказался под горячим, слепящим лучом прожектора.

– Фьююють! – удивленно присвистнул Буирни. – Что ж, весьма неожиданное удовольствие! Спасибо, Калипса! Приветствуем нашего следующего участника, Ааза!

– Пой, уродливая ящерица! – разнесся по арене голос Асти, прозвучавший громче голоса оперной певицы. По залу прокатились смешки. Из моего горла вырвался злобный рык. Никто не смеет смеяться надо мной!

– Давай, Ааз, – ободряюще сказал Буирни. – Срази нас наповал!

Я не мог видеть публику дальше нескольких первых рядов, но знал: за мной наблюдают более десяти тысяч зрителей. И все как один приготовились получить удовольствие. На Извре мой голос считался довольно приличным, да что там – превосходным. От меня требовалось одно – решить, что именно я буду петь. Я знал тысячи песен, начиная от застольных и заканчивая мелодиями бродвейских мюзиклов из сотен разных измерений. Я поковырялся в памяти в поисках лучшей песни, чтобы блеснуть своим диапазоном.

Увы, в моей голове было пусто. Я не мог вспомнить ни одной, самой заваливающей мелодии. Я в отчаянии стиснул зубы. Давай! – приказал я себе. Неужели я, Великий Ааз, испугался сцены?

Где-то в темноте хихикнул чей-то писклявый голос. К нему присоединилось еще несколько смешков. Я стиснул зубы. Я был полон решимости получить назад свои магические силы. В таком случае я вернусь сюда и свяжу из их пушистых шкур гигантский плед.

Но в данный момент шоу должно продолжаться. Наконец мне в голову пришел один мотивчик. Тот, который сразит их наповал.

– Да здравствует Извр! – гаркнул я. – Мы зеленые и чешуйчатые. С нами шутки плохи...

Я сам не заметил, как загорланил гимн Извра, написанный около трех тысяч лет назад. В нем поется, как мы стали независимым, единым измерением, побеждающим наших врагов. Первый куплет – обычное бахвальство, хотя и правда, – про то, как мы, изверги, велики. Во втором перечисляются наши победы в других измерениях. Последующие стихи повествуют о

том, как нужно калечить и мучить наших врагов, и все во имя свободы, с подробным описанием мельчайших деталей, включая то, как мои древние предки поступали с пленными женщинами, чтобы продвигать выбранный нами образ жизни. Всего в гимне было восемнадцать куплетов, которые я не пел со школы. Стоило мне вспомнить первую строчку следующей строфы, как остальные вспоминались сами собой. Казалось, я вернулся в класс начальной школы мисс Гримнац. Я начал расслабляться, во всю мощь моей глотки горланя высокие ноты и, как угрозы, урча низкие.

После второго куплета зрители в первых рядах, которых я мог видеть, несмотря на бывший мне в глаза свет софитов, тревожно заерзали. После четвертого куплета некоторые из них начали вставать и красться к дверям. Шестой куплет, в котором довольно подробно описываются раскаленные щипцы и плети, заставил их броситься к выходу.

Слабаки, подумал я.

Я закончил гимн, не переврав ни строчки. В конце я вытянул вперед руки, ожидая, что за этим последует шквал аплодисментов. Увы, вместо бурных рукоплесканий раздались редкие и робкие хлопки.

– Эй, послушай! – пискнул Буирни, когда я посмотрел поверх огней рампы на невидимую аудиторию. – Сочувственные аплодисменты лучше, чем полное их отсутствие, согласен?

Барабан изобразил короткую дробь.

– Спасибо, спасибо, – скромно сказал Буирни. – Теперь голосование! Все сдают свои бюллетени. – Он взглянул в темноту зрительного зала. – Там есть кто-нибудь?

Тролли неуклюже покинули сцену. Но уже через пару секунд вернулись. Один из них размахивал листом бумаги.

– Вот тебе голос, – сказал он.

– Один голос? – удивился Буирни.

– Там только один парень. – Тролль сделал вид, будто считает на пальцах. – Да. Один.

– Всего один, – подтвердил второй тролль. – Тот старый розовый тип. Он не очень хорошо слышит.

– Ну ладно, – слабо пискнул Буирни. – Кто выиграл?

Тролль указал на меня:

– Он.

– Кто? Я выиграл? – растерянно переспросил я и тут же гордо выпрямился. – Я имею в виду, да, я выиграл! Разве кто-нибудь сомневался в этом хоть минуту?

Тананда подскочила и поцеловала меня в знак признательности.

– Ни на секунду, красавчик.

– Ты мой герой! – заявила подбежавшая ко мне Калипса и повисла у меня на руке.

– Ты звучал как аллигатор, который полощет горло шарикоподшипниками, – прокомментировала Асти. – Но ты победил. Молодец! Напитки за мой счет.

– Обойдусь без них, – сказал я, ставя на первое место долг, а выпивку отодвигая на второе, что совсем на меня не похоже, и повернулся к Буирни. Тот с тревогой посмотрел на меня со своей подушки. – Хорошо, я выиграл твой идиотский конкурс. У тебя есть чемодан, который ты хочешь взять с собой?

Буирни посмотрел на меня с некоторым недоумением:

– Э-э-э... это еще зачем?

– Ты ведь идешь с нами, не так ли?

– Вообще-то нет. Я не могу.

– Нет? – проревел я. – Как это? После того как я вышел на сцену и спел? Готов на что угодно спорить, ты идешь с нами.

– Нужно выполнять уговор, Буирни, – строго сказал Эрзац.

Буирни повернулся к своим товарищам по Золотому Кладу:

– Знаете, вы мне никогда не нравились. Привести извра... извра... *извращенца* в МОЙ театр!

Я ничего не смог с собой поделаться.

– Я ИЗВЕРГ! – гаркнул я и потянулся, чтобы сорвать его крошечные манжеты. Тролли схватили меня и закрутили руки за спину.

Буирни ахнул.

– Не так быстро, не так быстро, э-э-э... изверг! Я просто дернул твою цепь, как говорится. Хотел проверить, как сильно ты нуждаешься в моей помощи. Ты не поверишь, сколько бездарных искателей славы приходят ко мне в надежде живенько набить карманы деньгами в мире трубадуров. Конечно, я помогу тебе. В конце концов, я член Золотого Клада! Наша работа – бороться за правое дело. Я присоединюсь к вам...

– Хорошо, – я расслабился, и тролли отпустили меня. – Собираем вещички и делаем ноги отсюда. Прежде чем мы сможем вытащить дедушку Калипсы из тюрьмы, нам нужно найти еще три сокровища.

Буирни писком выразил протест.

– Не так быстро! Я присоединюсь к вам через полгода, когда закончится мое нынешнее турне.

– Полгода!

Калипса устало опустилась с ним рядом.

– Но ты нужен мне сейчас! У моего дедушки всего пара недель до того, как Баррик его убьет! Не знаю, как он вообще еще жив в ужасных темницах злого Баррика, питаюсь ужасной пищей и подвергаясь чудовищным пыткам!

Буирни повернул к ней большие сочувствующие изумруды:

– Что ж, юная леди, мне очень жаль. Эта программа, над которой я работаю, повышает самооценку тысяч потенциальных участников многих профессиональных гонок. Как вы понимаете, потребности многих перевешивают жизнь одного, даже самого преданного фаната. Насколько скверной может быть тюремная еда? Да и пытки... позвольте рассказать вам о пытках! Я вынужден выслушивать тысячи неподготовленных певцов, чтобы найти жалкую горстку тех, что смогут подняться на сцену и покорить зал! Вот это пытка! Я проведу здесь еще неделю, потом еду в Импер, затем в Зоорик, затем в Химер, так что мне было приятно увидеть всех вас, но, если только вам не нужны билеты, боюсь, я больше ничего не могу для вас сделать.

– Это важно!

– Как и это, юная леди.

– Возможно, важно для твоего эго, могучий фэйф, – сказал Эрзац.

Музыкант издал пронзительный звук, от которого у меня заломило зубы.

– Дело не только в моем эго! Если бы вы знали, сколько жизней меняется здесь, вы бы не отзывались так пренебрежительно. Конечно, это поднимает мою самооценку. Это битва за изящные искусства, за души этих людей. Я вижу впереди гармоничное схождение, которое объединит силовые линии в шести измерениях. Между этими расами установится мир. Это будет величайшее событие с тех пор... с тех пор... как *никогда*. Что ж, был рад видеть вас. Надеюсь, этого больше не случится. Думаю, к тому времени, когда мой тур закончится, вы найдете другой способ спасти дедушку Калипсы. Пока.

Я со вздохом покачал головой:

– Твоя беда, приятель, в том, что ты слишком много протестуешь, но у тебя есть одно большое слабое место.

– И какая?

– Ты портативный. – Я потянулся к нему.

– Нет! Не трогай меня! – Он издал ужасающий вопль. Пронзив мои чувствительные барабанные перепонки, вопль этот впился в мой мозг, и я не мог даже пошевелить руками, чтобы

защитить уши. Внезапно мелодия изменилась. Одна моя нога поднялась и вновь опустилась. Затем то же самое сделала другая. Мои руки зажили отдельной жизнью, как будто в них вселился дух танцора диско. Они без капли изящества задержались и затряслись, как пьяные гости на свадьбе, но это были ягодки по сравнению с тем, что вытворяли мои ноги. Хоп-хоп-хоп, вжик, хоп-хоп-хоп, вжик, дрыг-дрыг. Музыка была неотразима. Я не мог остановиться.

– Ааз! – крикнула Тананда, кружась, словно безумный дервиш. – Сделай что-нибудь!

– Я пытаюсь, – прорычал я сквозь стиснутые зубы. – Я изображаю испанскую панику.

Очевидным решением было заставить Буирни перестать играть. Борясь со своими зараженными диско-ритмом ногами, я из последних сил пытался придвинуться к нему ближе. Я как будто плыл против течения. Чем усерднее я старался контролировать мои нижние конечности, тем безумнее танцевал. Калипса крутилась и кружилась вокруг нас, как балерина, угловившая в центрифугу сушильной машины. Я приблизился к Флейте на пару футов, но дальше как будто прирос к месту.

– Немедленно останови музыку! – приказал я Буирни.

– Ни за что! – крикнул он. Музыка не стихала, даже когда он говорил. Похоже, этот фэйф был мастак по части многозадачности. – Я буду играть, пока ты не уйдешь и не оставишь меня в покое. Мне хорошо и здесь.

– С каких это пор, – спросил Эрзац, подпрыгивая на спине Калипсы, – ты или кто-то из нас стремился к счастью?

– Что ж, я признаю, что пришел к этому довольно поздно, дружище, но это действительно здорово. Тебе стоит попробовать!

– Я не собираюсь «пробовать». Моя радость заключается в служении другим. Ты не можешь заставлять этих людей танцевать вечно.

– В этом нет необходимости, – сказал Буирни. – Мои тролли в два счета вышвырнут тебя на улицу, вот и все.

– Они, как и мы, застряли в твоих музыкальных чарах, – заметил я. – Если ты их отпустишь, мы тоже освободимся.

Буирни посмотрел мимо меня. Оба его телохранителя притопывали и прихлопывали. Повсюду вокруг нас рабочие сцены отплясывали буги-вуги. Личные помощники Фэйфа водили за кулисами хоровод.

– О, – сказал он. – Я забыл. Что ж, если ты пообещаешь уйти, я перестану играть.

– Ты дал мне обещание, – сказала Калипса. – Теперь ты пойдешь со мной.

– Ты не можешь меня заставить, маленькая леди, – самодовольно заявил Фэйф.

– Еще как могу! – возразила Калипса, легко запрокидывая голову. Ее ноги так и летали. – С представителями рода Калипсо шутки плохи! Музыка меня не остановит!

С этими словами она задвигалась в такт в музыке, добавляя взмахи рук и пируэты. Ее ноздри раздувались, руки взлетали над головой, пальцы шелкали в такт барабанному бою. Кружась на пальцах ног, она приближалась к Буирни. Она ТАНЦЕВАЛА так, как никто до нее не танцевал. Я был околдован, я забыл, что мои ноги были пленниками. Буирни ускорил темп, заставляя ее отступить, но Калипсу далеко не оттолкнуть. Она осталась рядом с ним. Когда он выдавал стаккато, она стучала пятками по полу. Когда он насвистывал тарантеллу, она выкидывала замысловатые коленца. Он попробовал горячий джаз. Ее большие глаза вспыхнули; она подпрыгнула и приземлилась на шпагат, затем вновь вскочила и, кувырком перекатившись назад, встала на одной ноге, как фигуристка. Буирни как замороженный следил за ней. Я тоже был очарован, но не собирался этого показывать. Что до меня, пусть этот фэйф думает, что для Калипсы это прогулка по парку.

– Видишь, она способна выдержать все, что ты ей сыграешь, – задыхаясь, сказал я. – Ну так как, сдаешься?

– Ни за что! – сказал Буирни. Он поменял темп, перейдя в ломаный ритм. Калипса даже не моргнула. Добавив к работе ног пируэты и прыжки, она щелкнула пальцами и устремила на него свои блестящие глаза. Музыка Буирни сбилась с ритма. Ага, похоже, теперь он в ее руках. Калипса кружила над ним, замедляя темп. Музыка в ответ тоже замедлилась. Мои ноги перестали стучать по сцене, словно телеграфные ключи, и перешли на медленный тустеп. Теперь я мог нормально видеть их. Калипса взяла флейту с его подушки и с видом победительницы подняла ее над головой.

– Ну, так как? Теперь ты уступишь мне? – требовательно спросила она.

– Вы еще спрашиваете, юная леди!

Глава 11

– Молодчина, – ухмыльнулся я. – Ну, флейта, ловко же тебя обставили, и по части пения, и по части танцев. Что скажешь?

– Думаю, я влюблен, – сказал Буирни, и изумруды приобрели форму сердца. – Юная леди, я пойду куда угодно, куда вы меня только пошлете!

– Э... я... ну, хорошо, – с сомнением в голове сказала Калипса. Я покачал головой. Ей предстоит научиться увереннее воспринимать свои успехи.

Файф выдал измученную коду, которую я, будучи настроен крайне предвзято, назвал бы «бритье и стрижка, раз-два-три». Я резко остановился, жадно хватая ртом воздух. Тананда, все еще вертясь, налетела на меня. Я поймал ее до того, как она упала.

– Меня тошнит, – сообщила Асти из моего бокового кармана.

– Нас обоих, – сказал я. – У тебя есть какое-нибудь зелье от укачивания?

– Сейчас приготовлю, – сказала она. Чашу кубка тотчас наполнила бледно-розовая жидкость. Уровень сразу просел на пару дюймов. Асти вздохнула: – Ах, так лучше.

Я наклонил ее и выпил изрядный глоток того, что осталось. Пахло мятой и собачьей шерстью, но головокружение сразу же отступило. Я передал чашу Тананде, и та с благодарностью проглотила остаток зелья. Калипсе это было не нужно. Она даже не выглядела запыхавшейся. Буирни был в восторге. Он продолжал трещать без умолку.

– Вы более чем достойны того, чтобы я служил вам, милая леди! Я не могу дождаться встречи с вашим дедушкой. Если вы хоть немного похожи на него, он, должно быть, удивительный человек! Когда я думаю, как давно я не встречал равного себе... Я даже затрудняюсь сказать, но точно не в ЭТОМ веке! Не желаете стать моей протеей? Мы вместе сочиним красивую музыку, то есть я сочиню музыку, а вы под нее станцуете. Клянусь, никто еще не делал такой оригинальной интерпретации моего балета-польки! Не могу дождаться, чтобы исполнить для вас еще несколько своих сочинений. У меня их тысячи, их никто никогда не слышал, не говоря уже о том, чтобы под них танцевать!

– Отвали! – прогремел из ножен Эрзац. – Я был раньше тебя призван к воспитанию этой девы!

– Ты? Чему способен научить меч столь юную девушку? В ней нет ничего от воина! Посмотри на эти ноги! Взгляни на эти изящные руки!

– Я вижу в этом ребенке большие задатки, и общество такого фривольного музыкантишки, как ты, вряд ли пойдет ей на пользу!

– Фривольного! Кого ты называешь фривольным? Мечи сродни парадному платью, они нужны лишь время от времени, а затем их кладут в шкаф до следующего раза! Музыка же звучит каждый день!

– Вот-вот! Именно поэтому ты не имеешь права тратить ее время на каждый свой писк, – сурово возразил Эрзац. – Негоже такой талант распылять по пустякам.

– Кто, по-твоему, ты такой? – разозлился Меч. Он был великолепен в своем гневе. – Я вижу в этой девушке многообещающие задатки, каких я не видел со времен великой Марису! Было бы преступлением тратить их на дутье в какую-то дудку!

Буирни явно не собирался оставлять эту тему:

– Но у тебя есть Марису. Позволь же этой девушке работать со мной! У нее музыкальные способности. Ей место рядом со мной!

– Боже мой, Марису! Я не думала о ней много лет! – сказала Келса.

– Кто такая Марису? – спросил я.

– Протеже, подававшая большие надежды, – со вздохом произнес Эрзац. – Она могла достичь чего угодно, любой цели, к которой стремилась. Я был весьма опечален, потеряв ее.

Лицо Тананды смягчилось.

– Что с ней случилось?

– Она вышла замуж за красивого принца, – ответила Келса.

– И они жили долго и счастливо, – мрачно добавил Эрзац.

– Полагаю, это трагедия, если ты боевой меч, – сказала Тананда, стараясь не рассмеяться.

– Ах, прекрасная леди, вы даже не представляете, какая это великая трагедия! – Меч перевел взгляд на Калипсу: – Для меня будет честью научить вас моему ремеслу, если вы пожелаете научиться.

– Как насчет моего ремесла? – спросил Буирни. – Музыка гораздо ближе к ее природному таланту, нежели умение колоть и рубить!

– Эй, погодите, – взревел я, вставая между ними. – С чего вы взяли, что вообще имеете КАКУЮ-ТО власть над Калипсой?

Оба тотчас заткнулись и сердито посмотрели друг на друга, затем Эрзац повернулся ко мне.

– Прости меня, Ааз, – сказал Меч с виноватым видом, – если я покусился на твои права. Я не понимал, что ты взял ее в качестве протеже.

– И как ты мог... ЧТО?

– Как и мои товарищи, я полагаю, что ты разглядел всю глубину талантов этой юной леди, – сказал Эрзац. В его глазах цвета вороненой стали читалось понимание. – И твое вмешательство в нашу беседу означает, что ты также заявил на нее права. Я не стану вмешиваться, друг Ааз. Если тебе хочется быть ее учителем, что ж, я не стану возражать.

– НЕТ! Мне больше не нужны ученики, – заявил я, возможно, чуть резче, чем хотел. При звуке моего голоса все рабочие со сцены бросились к дальнему концу кулис. Я заметил, что Калипса выглядела чуть обиженной. Эрзац, напротив, смотрел довольным взглядом.

– Тогда все в порядке. Если ты не возражаешь, я выступлю в роли ее инструктора. Думаю, что обучение этого ребенка боевым искусствам пойдет нам всем на пользу. Что скажете, барышня?

– Я... – Калипса на секунду замешкалась с ответом. – Я не думала об этом. Меня заботит безопасность моего дедушки.

– Тогда подумай, – вкрадчиво произнес Эрзац. – Ты мудра. Любое подобное начинание требует взвешенного решения.

Я ушел. О чем я только думал? Я не чувствовал потребности обучать кого-то магии или чему-то еще. Мой последний ученик имел огромный успех, но потом взял все да и бросил. Как и любой другой учитель, я не мог приписать себе все лавры за его достижения. Я лишь распознал талант и направил его на путь, по которому он собирался идти, с моей ли помощью или без оной. Он просто делал успехи быстрее, чем мог бы справляться один. Вот и Калипсе тоже не повредит иметь наставника. У нее имелся ум и талант – качества, которые позволят ей стать отличницей, независимо от области обучения. Сбив был не единственным, кого я когда-либо обучал. Так почему я не спешил ставить кого-то на его место? Когда я присоединился к

Танде и Калипсе, это не входило в мои планы. Я не вызывался добровольно учить ее чему бы то ни было. Моя договоренность с ней была чисто деловой.

Ох, в данный момент мне не хотелось бы затрагивать эту тему.

– Мы можем поговорить об этом в дороге, – резко сказал я. – Нам предстоит найти еще три сокровища. Давайте поскорее двигать отсюда.

– погоди, подожди минутку! – Продюсер, ковыляя, подошел к нам. Похоже, он натер ноги, что неудивительно, поскольку он в одиночку танцевал в углу танец деревянных башмаков. – Ты не можешь уйти! А как же твой контракт?

– А что с ним? – беспечно спросил Буирни. – Конкурс окончен.

Здоровенный эльбанец повозился с планшетом и сунул его нам.

– Вот твой отпечаток, – заявил он, указывая на круглую чернильную кляксу в нижней строке. – Ты согласился остаться на весь сезон!

– Сезон закончился, мой добрый человек, – сказал Флейта. – Разве это не так, когда ты проводишь конкурс и объявляешь победителя? У нас есть победитель!

Менеджер с тревогой посмотрел на меня.

– Но мы... мы надеялись, что победителем станет эльбанец.

Я подошел к нему ближе.

– Вы хотите сказать, что предвзято относитесь к извергам?

– Вообще-то, нет... но Буирни, детка, ты не можешь уйти, не попрощавшись со своими фанатами! К полуночи я мог бы собрать здесь десять тысяч твоих поклонников! По десять золотых за билет... Это самое меньшее, что ты можешь сделать, ведь ты оставляешь меня с пустым театром до конца года! Я к чему веду, как мне найти за такое короткое время другого музыканта твоего уровня? Да и вообще, уже поздно, детка! Ты ведь не собираешься уезжать ПРЯМО СЕЙЧАС, верно?

Изумруды повернулись ко мне, затем снова к менеджеру, затем к Калипсе.

– Что ж... крошечный взрыв прощальной феерии не повредит, не так ли?

– А как же мой дедушка?! – возмутилась Калипса.

– Еще одна ночь в заточении не доставит ему больших страданий, чем те, которые он уже перенес, юная леди, – вкрадчиво произнес Буирни и начал источать нежную музыку, которая легко вливалась в наше сознание и столь же легко вытекала из него. – Что скажешь? Вам всем будет полезно немного отдохнуть и выпустить пар. Я знаю, как устают смертные после танцев...

– Не поддавайтесь на его речи, – произнес Эрзац, и его голос пронзил воздух. Я мотнул головой, стряхивая чары голоса Буирни. – Он просто пытается тянуть резину, исключительно ради собственного эго.

Мы с продюсером переглянулись.

– Может, позволим ему выйти на бис? – спросил я, увидев в ближайшем будущем несколько моих собственных денежных знаков. – Как там гласит старая пословица? «Пусть они всегда желают большего».

* * *

На следующее утро я чувствовал себя отдохнувшим. Слава Буирни была такова, что, хотя о прощальной вечеринке не было объявлено до самого начала концерта, через два часа зал был под завязку набит его фанатами, аплодирующими, плачущими, орущими. Буирни исполнил попури из своих лучших хитов, созданных в нескольких десятках измерений за такое же количество столетий. Мне было понятно, почему продюсер не хотел отпускать от себя гарантированный источник дохода. Я отвел его в сторонку и договорился о части выручки, на том основании, что я не увел его звезду в тот момент, когда Буирни объявил о том, что покидает сцену. Продюсеру это не понравилось, однако он все-таки раскошелился. Небольшая выпук-

лость от «гонорара» в моем кошельке не шла ни в какое сравнение с теми убытками, которые я уже понес ради Калипсы, но и упустить даже такую возможность было бы грешно. Благодаря этой сделке я смог побаловать себя, любимого, на последующей вечеринке.

Остальные не возражали против задержки. Келса не сомкнула глаз, всю ночь гадая в углу. Зная, что в запасе у нас есть несколько свободных часов, Асти, не теряя зря ни минуты, уговорила Буирни одолжить ей его бригаду рабочих по металлу и прошла полный курс «лечения». После чего я с трудом ее узнал. Вмятин как не бывало. Каждый дюйм ее корпуса был отполирован до ослепительного блеска. Она была в таком замечательном настроении, что разбудила нас ни свет ни заря и приготовила для всех эспрессо с добавлением чего-то еще, что как рукой сняло похмелье, от которого я страдал, поглотив пару ящиков дешевого красного вина, которое рекой лилось на вечеринке. Двое рабочих сцены собрали для меня со столов все, что оставалось от закусок. Конечно, нормальным изврсским завтраком это было трудно назвать, но, по крайней мере, я смог протянуть до следующего перекуса. Золотой Клад был спрятан в футляры. Единственное, что мне было сейчас нужно, – это подсказка, куда направить наши стопы.

– Отлично, – сказал я, хлопнув в ладоши. – Давайте отправимся с этим шоу на гастроли. Куда мы едем? – спросил я Келсу. – Я собираюсь задать этот вопрос только раз, только один раз, и лишь потому, что я в таком хорошем настроении.

– Нет проблем! – заверила меня Келса. – Я постараюсь увидеть... не мог бы ты заткнуться!

Эти слова были адресованы Буирни, который в этот момент что-то говорил. Свита его прихлебателей суетилась вокруг, и я не мог разобрать, о чем он бубнит.

– Пусть маленькая леди понесет меня. А Эрзац пусть отдаст кому-то еще, – предложил Буирни.

– Немыслимо! – взревел Меч.

– Я понесу вас обоих, – сказала Калипса.

– Но мы не можем прикасаться друг к другу. Я терпеть не могу его эманации.

– Мне тоже не нравятся твои флюиды, – парировал Буирни.

– Отлично, – с облегчением сказал я. – Она может посадить по одному на каждое плечо.

Пойдем.

Буирни предостерегающе свистнул:

– Не так быстро! Я не могу обойтись без моего антуража.

– Что? – изумился я. – Ты в своем уме!

Файф был явно чем-то возмущен.

– Ты серьезно считаешь, что я пойду с тобой, засунутый в твой нагрудный карман, как дешевая авторучка? У меня есть багаж! Кстати, у тебя есть мулы?

– Нет. – Я был тверд.

– Грузовик?

– Нет.

– А как насчет обоза? Думаю, нам вполне хватит восьми повозок.

Я скрестил на груди руки.

– Ты получишь для себя одну сумку. Если не хочешь ни с кем ее делить, то им придется путешествовать отдельно. Калипса не понесет никого, кроме тебя.

– О, это не проблема, – ответил Буирни, и его мундштук изогнулся в улыбке. – Клик!

Со стропил на нас упал луч софита.

– Зильди!

К нам вразвалочку подкатил малый барабан. Я разглядел, что он стоял на трех ножках, сделанных из гнутой проволоки диаметром около полудюйма.

– Посмотрим... Буффанда, где ты, дорогая?

– Иду, Файфи! – послышался из-за кулис игривый голос. В следующую секунду оттуда вылетел оживленный лоскут для полировки и обвился вокруг тощего тельца Буирни.

– Остальные девушки укладываются. Дай нам минутку. Кисточки тебе тоже нужны?

– Разумеется! – сказал Буирни. – Я должен хорошо выглядеть в дороге!

– Ты не возьмешь все это с собой, – сказал Эрзац.

– Почему это? – удивился Буирни. – Они мои друзья. Они помогают мне сохранять вдохновение.

– Так не пойдет. Пора научиться быть самодостаточным.

– А по-моему, нужно шагать в ногу с веком, брат! Разве ты никогда не испытываешь ощущения, что тебе нужна секция поддержки? Так сказать, для поднятия духа?

– Конечно, нет, – сказал Эрзац. – Это выглядело бы глупо на поле битвы! Если тебе нужно вдохновение, или как ты там это называешь, не проще ли подпевать самому себе воодушевляющим тоном и таким образом поднимать этот самый дух?

– Нет. Я предпочитаю аплодисменты. В звуке рукоплесканий есть нечто такое, чему я бессилён сопротивляться.

– Дилетант.

– Зануда.

– Вертопрах.

– Глухня!

– Ничтожество.

– Мудозвон!

– Недостойный самозванец! Сердце нашей Арфы было гораздо больше и горячее, чем когда-либо будет у тебя!

– Ах, вот как! – вспыхнул Буирни. – Ты все еще думаешь, что здесь должна быть она, а не я! Что ж, брат, извини, что я не порвал себя на куски на поле боя! Зато в свое время я спас множество жизней, а также обогатил культуру измерений, через которые прошел. Сомневаюсь, что ты мог бы сказать о себе то же самое!

Два других сокровища добавили в разговор свою пару медяков. Теперь все четверо дружно поносили друг друга. По земле прокатился рокот.

– Ааз, – с тревогой сказала Тананда. – Магия собирается снова.

– Немедленно прекратите, – рявкнул на них я. – Эй! Или вы решили вызвать еще один взрыв?! ВСЕМ МОЛЧАТЬ!!!

Все тотчас посмотрели на меня.

– Приношу мои извинения, добрый Ааз, – смиренно произнес Эрзац. – Мы так давно не собирались вместе, что даже я забыл о бедствиях, которые мы можем вызвать.

– Ладно, – буркнул я, – давайте-ка убираться отсюда. Выход. Сцена пустеет.

Глава 12

– Я знаю, что Фолиант где-то недалеко, – заявила Келса, когда мы подошли к перекрестку. – Я это чувствую. Но он оградил себя чарами. Не могу сказать вам, где именно. На его страницах записана вся мудрость веков, и его магия обманет любых мудрецов. Ой, рифма! – Келса безумно захихикала. Буирни сыграл туш, а малый барабан Зильди, чтобы заглушить ясновидящую, выдал дробь. Файф все еще дулся из-за того, что делил Калипсу с Эрзацем, но, поскольку он не хотел отпугнуть потенциальную ученицу, то действовал на нервы, так сказать, в ограниченном диапазоне.

На этот раз я сделал вид, что ничего не заметил.

Я осмотрел местность. Здесь было много живых изгородей. И кустов. И деревьев. Не более того. Мы шли уже больше суток. Судя по указателю, мы находились вблизи Пикерея,

местечка с населением 80 человек. В Пикине, измерении, в котором мы находились, мой глаз не заметил ничего примечательного, за исключением умения местных жителей варить пиво. Мы сделали это открытие в нескольких небольших придорожных харчевнях. Нам всегда казалось, что Фолиант был в нескольких часах ходьбы. По словам Тананды, над головой изгибались лишь считанные силовые линии, но увя – заместо магии в этом краю почти не развилось никаких технологий. Как результат, обитатели измерения, пикины, обходились мускульной силой, своей или вьючных животных. Во избежание неприятностей мы замаскировались под черных пикинов.

– Зачем крутому магическому предмету прятаться в такой дыре? – удивился я.

– У каждого из нас свои задачи, Ааз, – укоризненно произнес Эрзац. – Мы не стремимся оказаться в гуще волнующих событий. Куда мы попадем – это определит рука судьбы.

– Я понял. Где именно судьба уронила Фолиант? – спросил я.

– Хм... Я не думаю, что сейчас он пребывает между заданиями, – заявила Келса, то выпучивая глаза, то прищуриваясь. – Он находится в конце... самого длинного пути... милое местечко, все современные удобства, четыре спальни, теплая уборная сзади, кухня, столовая, налог на имущество за текущий год тридцать пять монет, хорошая школа, но очень долгая дорога на работу...

– Где это? – потребовал я ответа. – Я устал гадать.

Она растерянно заморгала.

– Местоположение – это и есть самое главное. Как ты считаешь?

Я попробовал еще раз:

– Что за мастерская?

– Смешанного назначения, – ответила Келса. – Я вижу инструменты для выделки кожи, плотницкие инструменты, небольшую наковальню, несколько форм для отливки свечей...

– Похоже на бутик в Новой Англии, – прокомментировал я. – Ты можешь отвести нас туда?

– Я не могу указать тебе путь. Я могу лишь сказать «жарко» или «холодно».

– Ладно, – сказал я, теряя терпение. – Как насчет вот этого пути?

– Тепло, – сказала Келса. Я повернул направо. – Горячо. – Я зашагал вперед. Остальные поспешили за мной. Поверхность дороги была изрыта и изрезана колесами повозок, но это было лучше, чем по колено в грязи плестись по обочине. Мы преодолели холм и направились к сплошной линии деревьев.

– Вы не возражаете, если я, пока мы идем, буду свистеть? – спросил Буирни. – По моим наблюдениям, это помогает скоротать время.

– Только потише, хорошо? Не хочу раздражать местных.

– С чего ты взял, что это будет их раздражать? Я знаю много пикинской музыки. Им она понравится. ЕЩЕ КАК.

– Я буду крайне признателен, если ты воздержишься от пения, Буирни, – устало сказал Эрзац. – За последние несколько часов мы слышали слишком много голосов, и я предпочел бы звуки природы.

– Хорошо, ставлю вопрос на голосование, – невозмутимо заявил Файф. – Всем, кто за прекраснейшую, расчудесную музыку, аплодисменты, пожалуйста!

Барабан, ковылявший позади нас на коротеньких металлических ножках, выдал резкую дробь.

– Спасибо. Спасибо! В качестве первого номера я хотел бы исполнить свою версию «Полета шмеля» с джазовой вариацией, которую я сочинил специально для кронпринца Велвена...

– Тихо, – шикнула на него Асти.

– Но мне казалось, что тебе нравится моя музыка!

– В кои-то веки я согласна с Эрзацем, – сказала она. – Дай нам всем паузу.

– Четвертинку паузы, половинку или одну восьмую? – уточнил Буирни.

– Целую! – рывкнул я. – И я скажу тебе, когда она закончится.

Буирни обиженно вздохнул:

– Я должен был знать, что вы не любители музыки. За исключением курицы мисс Калипсы. Скажите, милая леди, почему вы путешествуете в обществе столь равнодушных к прекрасному персонажей, если можете путешествовать с таким очаровательным спутником, как я?

– Ла-ла-ла! Смотрю, ты обожаешь звук собственного голоса, – съязвила Асти.

– Зато ты звучишь, как отрыжка в воздушном кармане, – огрызнулся Буирни.

– Лучше скажите, как возник Золотой Клад? – спросила Тананда, прерывая их бесконечную перебранку.

– О, это интересная история, – ответил Буирни, обрадованный вопросом. – Я сложил об этом песнь. В ней восемь тысяч стихов. Не желаете ли послушать? Это поможет скоротать время! Вам понравится припев. В нем поется: «Жил-был клад»...

– Нет! – взревел я.

Птицы и мелкие зверушки выскочили из кустов и бросились во все стороны.

– Боже мой, великан, ну и голосище же у тебя, – сказал Буирни. – Я мог бы сыграть инструментальную музыку, чтобы юная леди могла станцевать! – Его изумрудные глаза блеснули, глядя на Калипсу. Та походила на застенчивую девушку на танцах, которую третирует пара назойливых болванов. Я топнул ногой.

– Никаких песен, – сказал я. – Никаких эпосов. Никаких стихов. Никаких декламаций. Никаких танцев.

Файф надулся:

– С вами скучно. Как насчет шутки? Эй, Калипса, я знаю несколько анекдотов о танцорах. Парень заходит в барре, подходит к другому парню и говорит: «Послушай, ты часто здесь танцуешь?» Другой парень говорит: «Нет, но мои дети крутят тут плие». Поняла? Барре? Плие?

Калипса рассмеялась.

– Я раньше не слышала этот анекдот.

– Спасибо, спасибо, я буду здесь всю неделю. Не забудьте дать официанту чаевые.

– Так вот как ты развлекал королей и императоров? – спросил я. – Почему-то я не впечатлен.

– Боюсь, шутка оказалась выше твоего понимания, изверг, – огрызнулся Буирни. – В следующий раз я буду говорить медленнее.

– Давайте лучше расскажу я, – сказал Эрзац. – При необходимости я могу отсечь все лишнее.

– Браво, Эрзац! – воскликнул Буирни. Барабан выдал короткую дробь. – Это надо же, какой юморист! Нет!

– Я сказал что-то смешное? – удивился Меч.

– Разве ты не сказал это специально? – спросил Буирни. – Отсечь? Все лишнее? С ним все ясно. У него нет чувства юмора.

– Клад, – начал Эрзац, повышая голос, чтобы перебить сопрано Буирни, – появился почти случайно. Это произошло в великом измерении Валхал.

– Валхал? – спросил я и порылся в своей памяти. – Никогда о таком не слышал.

Эрзац издал певучий звук, похожий на вздох.

– Неудивительно, ибо его больше нет. Я расскажу тебе, что с ним стало. Тысячи лет назад произошла ужасная война между четырьмя противниками, народами Торнесса, Оди-ска, Фрейабурга и Хеймдейла. Правитель каждого возжелал захватить целиком самый плодородный и богатый континент.

– Эта песня мне знакома, – сказал я.

– В свое время их слава гремела повсюду. Естественно, что с тех пор о них пошли легенды. Четыре армии, и каждая – легенда силы и доблести, и у каждой – по одному из нас.

– Без меня, конечно же, – поспешила сказать Келса. – Меня там не было. Пока еще не было.

– Верно, – согласился Эрзац. – Это были я и Асти, Дзынь-Хуа и Пилиус, Великое Копье. Каждый из нас находился на пике своих возможностей. В том же году меня привез в Валхал странствующий торговец-девол, у которого император Тома приобретал оружие для предстоящей битвы. Армии встретились на поле брани и чести. Они храбро сражались друг с другом, используя наши способности и таланты, а также силы простых копьеносцев...

– Извините за выражение, – добавила Келса. – Но только *это единственное* копье действительно что-то значило.

– ...смертных солдат, – продолжил Эрзац, одарив ее долгим страдальческим взглядом. – Тем не менее они остановились. Все четверо стояли лицом друг к другу над квадратом территории, который позже стал известен как «Земля Ничейной Победы». Никто не мог пробить линию обороны противника. Когда многочисленные атаки не дали никакого продвижения вперед, наши военачальники попытались положить конец войне путем переговоров. Таков был мой совет, во всяком случае.

– Мой тоже, – добавила Асти. – Я устала исцелять раны от ударов мечом или булавой, тем более все было без толку!

Я кивнул:

– Разумно. Я бы тоже так поступил.

– Да. Это была наглядная демонстрация всей тщетности войны: убийство простых пешек, не давшее, несмотря на все усилия, продвинуться вперед ни на дюйм. Они остановились у небольшой долины. Там был зал со сводчатым потолком, давно заброшенный, но все же довольно большой, чтобы четверо военачальников и их советники могли воспользоваться им в качестве места встречи. Это был исторический момент: мы все собраны вместе четырьмя военачальниками, пытавшимися выработать мирное соглашение. Пиво текло рекой. Фактически, мы просто купались в нем!

– Это было самое лучшее мое пиво, – мечтательно вздохнула Асти. – Для этого случая я придумала особый рецепт.

– Да, похоже, вечеринка удалась, – заметил я.

– В присутствии этого катализатора мы почувствовали себя другими. Наши ауры наложились друг на друга, и произошло изменение.

– Бывала я на таких вечеринках, – заметила со снисходительной улыбкой Тананда.

– Я не это имел в виду, – холодно сказал Эрзац.

– Это то, что ты думаешь.

– Мы стали разумными и осознали существование других. Мы были чем-то много большим, нежели носители определенных способностей, сотворенные нашими создателями. У нас была цель. То, чего не хватало в каждом из нас, пробудили другие.

– Похоже на какое-то общество взаимного восхищения, – сказал я.

– Не совсем, – сказала Асти. – Я знала лишь то, что я больше не единственный магический предмет. Я привыкла делиться, но не привыкла к вниманию к себе. Мне это не нравилось.

Эрзац посмотрел на нее:

– Равно как и никому из нас. Мы привыкли быть индивидуальностями. Тем не менее нельзя отрицать, что в тот знаменательный момент мы были равны, ведь каждый обладал уникальными навыками, которых не было у других. Неизбежно мы пришли к взаимному уважению. Когда комната была наполнена нашей силой, смертные осознавали, что они находятся в присутствии величия, хотя и не ведали, где его источник. Обнаружив, что этот источник

именно мы, волшебник Луки решил объединить свои ресурсы, чтобы сделать одну нацию более великой, чем любая другая до нее, и отразить варварские орды, которые посягали на границы ее земель. Мы поклялись друг другу, бессмертные среди смертных, что будем сражаться лишь за тех, кто действительно нуждался в наших услугах.

– Поистине эпические битвы, которые нужно было выиграть, – сказала Асти. – Не эти мелкие стычки на границе, битвы за пару дюймов земли или руку прекрасной дамы. Лишь те битвы, которые положат конец угнетению, освободят поработанных и сохранят окружающую среду.

– Это так героически с вашей стороны! – сказала Калипса, сжимая в восхищении пернатые руки. Эрзац выглядел довольным.

– Да. Поскольку мы отказались оказывать услуги по урегулированию мелких приграничных споров и поднимать друг против друга щит...

– Так сказать, – вставила Асти.

– ...владыки мира были вынуждены прибегнуть к дипломатии. Когда же мы вмешивались, все могли сказать, что дело серьезное. Одна только наша репутация заставила подавить многие восстания лишь благодаря слухам о нашей причастности, так что крови проливалось гораздо меньше и случалось это реже, чем когда-либо прежде. Воцарился мир. Четыре правителя восседали бок о бок на тронах в огромном дворце, построенном на месте сводчатого зала. Золотое было времечко, – добавил Эрзац со вздохом.

– Какое-то время мы наслаждались по-настоящему приятной жизнью. Нас прославляли за нашу мудрость и щедрость. Для нас была построена Великая Казна, где с нами могли консультироваться как сильные, так и слабые мира сего. Мы позировали художнику, который создал колоды карт с нашими портретами, Таро, потому что сами карты были сделаны из волокна этого вездесущего корня. Четыре масти, для нас, четырех сокровищ. Их использовали для гадания, а также для азартных игр, это был первый картонный оракул.

– Я видела их, – призналась Тананда. – Но я думала, что четвертая масть состоит из монет. Разве это не изображение Кошелька?

Эрзац и Асти переглянулись. Чаша беспокойно хмыкнула.

– Что ж, когда ты с ней познакомишься, то увидишь, что Дзынь-Хуа не очень...

– Фотогенична, – подсказала Келса. – Они этого не скажут, а я скажу. Она жуткая уродина. Талантливая, но бррр! Впрочем, это не имеет значения! Важно то, что внутри. Я всегда так говорю!

– Пока внутри золотые монеты, мне без разницы, как она выглядит, – сказал я.

– Это были слова короля Бротмо, – сказал Эрзац. – Того, чье царство Одинск располагалось к северу от Торнесса. Он шел на битву, потрясая Великим Копьем. Его народ был очень беден, поэтому богатство, данное им Дзынь-Хуа милостью лордов Фрейабурга, облегчило их скудную жизнь. Он нес огромное копье в битве против влафлингов, хищных волков, хлынувших с холмов, которые не давали торнессианцам житья. Все помогали друг другу.

– Но Валхалу было мало служить домом лишь четверем знаменитым сокровищам. Все четыре правителя стремились выделить себя из числа других. Сначала была эскалация престолов. Все лидеры пытались получить наивысший. Это прекратилось только после того, как леди Хеймдейла фактически свалилась со своего трона, с высоты в шестьдесят футов, и разбилась насмерть.

– Мда, не повезло бедняжке, – прокомментировал я.

Эрзац хмыкнул.

– Да, особенно с приземлением. Затем – богатство регалий. Затем размер свиты. Нехватка места и ресурсов стала причиной ожесточенных распрей. Пришлось восстановить правила относительно того, сколько слуг может иметь при себе каждый монарх, когда он или она находится на совете с остальными тремя. В результате каждый из четверых тайно отправ-

лял посланников во все концы земли, в попытке найти еще одно эпическое сокровище, чтобы добавить его к Золотому Кладу, чтобы оно в свою очередь добавило веса к его или ее имени.

– К нам приносили все больше и больше сокровищ. Едва соприкоснувшись с нами, они просыпались и осознавали свою силу. Некоторых из них мы приняли в члены Золотого Клада. Остальные были недостойны нашего общества. В конце концов, достойными оказались только двенадцать из нас. Как и следовало ожидать, это породило сильную зависть, но мы должны были блюсти стандарты качества. Никто не может полагаться только на свою репутацию, хотя, как ты, добрый Ааз, можешь судить, это помогает избежать бесполезных телодвижений, если ваш противник трепещет от того, что он услышал.

– Верно, – сказал я. – В нашей организации, корпорации М.И.Ф., соблюдались подобные же стандарты. Помогает, если все согласны с тем, что каждый, кто работает в ней, является ее частью.

– Вот как? – спросила Асти. – Итак, у тебя была дружба... Разумеется, не с этим наивным ребенком, а с этой зеленой девкой. Я с уверенностью могу сказать, что вы двое знаете друг друга как облупленные. Вы не всегда общаетесь словами.

– Да, у нас была ассоциация, – сказал я, – и чертовски крутая. Когда было нужно, мы могли надрать любую эпическую задницу.

– Да, смертные порой верят, что способны достичь такого же братства, как и мы, – произнес Эрзац с ностальгическим вздохом. – Это была такая дружба, какой никогда не бывало ни до, ни после. Мы были поистине счастливы в обществе друг друга. Ты не знаешь, каково это быть частью группы, где каждый эксперт в своей области, уважающий таланты других, способный победить любого, кто заманется на него, всегда зная, что его спина защищена так же надежно, как если бы он был помножен на целую армию.

– Конечно, знаю, – сказал я. – В корпорации М.И.Ф...

– О, смертного эквивалента просто не существует, – самодовольно прервал меня Буирни. – Никогда не было и быть не может. Ты не мог знать, что значит быть членом такого сообщества, как наше. Уникальное!

– Что, дьявол тебя возьми, ты об этом знаешь? – рявкнул я. Из-за постоянных оскорблений от вечных сокровищ Золотого Клада во мне начал развиваться комплекс неполноценности. Как будто я не знал, что такое настоящая дружба!

– К тому же твоя жалкая банда не взяла бы на себя миссий, призванных изменить будущее всей расы, – сказала Асти.

Я терпеливый человек, но даже я начинал выходить из себя.

– Ты сошла с ума, сестрица! Да моя корпорация М.И.Ф. выше любой кучки авантюристов, наемников, легендарных героев, смертных или бессмертных... если у вас что-то и было, у нас это было лучше. То, что мы делаем... что *делали*, было жизненно важно! Я помню время, когда наша команда объединилась, чтобы положить конец войне между бандами, которая назревала на Базаре...

– Возможно, это было важно, как вы, смертные, считаете, – сказала Келса, глядя на меня. – Но это было не так важно на высшем, космическом уровне, как наши приключения, мой дорогой.

– По твоему скромному мнению, – огрызнулся я.

– Я говорю только правду! Я все знаю, все вижу!

– Все взрываешь, – съязвил я. – Ты такая потрясающая, что вечно попадаешь на блошиные рынки и в салоны гадалок. Так вот куда попал великий Золотой Клад, я прав?

– Добрый Ааз, мы тебя обидели, – виновато произнес Эрзац. – Возможно, я прекращу свое повествование. Я разболтался, как вон та грошовая свистулька.

– Эй, кого это ты называешь грошовой свистулькой? – возмутился Буирни. – Я ни разу в жизни не взял за свою музыку ни гроша! Я играю исключительно во имя искусства!

– Нет, – сказала Тананда. – Ты вовсе не оскорбляешь нас, Эрзац. – Она бросила на меня укоризненный взгляд и провела длинным пальцем по лезвию. – Я хочу услышать остальное. Ты прекрасный рассказчик.

Эрзац зажмурился. Казалось, он почти мурлычет.

– У вас, конечно же, есть своя магия, хозяйка.

– Продолжай, – сказала она ласковым голосом. – Так как же ты оказался на блошином рынке?

– Увы, – вздохнул Эрзац. – Превратности судьбы, в очередной раз. Ах, что это были за дни! Пока мы пребывали в Валхале, между нами существовал мир. Рассказывать больше не о чем. К сожалению, наша утопия была временной. Многим из нас было опасно пребывать в обществе других. Каждый считал себя выше своего соседа. Сила, которую мы генерировали вместе, начала нарастать. Первый взрыв разрушил сокровищницу, но не повредил нас.

– А ты вспомни Барабан, дорогой, – сказала Келса. – Его голову разорвало пополам.

– Но ведь корпус остался цел! Головы легко заменяются. Было решено разделить, прежде чем мы вновь расколем Валхал. Предупреждение пришло слишком поздно. Слишком большое количество нас, волшебных предметов, было собрано вместе. Мы заспорили о том, как нам лучше защитить наш мир. И не смогли договориться. Сила все нарастала и нарастала. Луки, а ему в наблюдательности не откажешь, попытался предупредить властителей четырех царств, чтобы те ушли, прежде чем случится катастрофа. Они не вняли предостережению. Никто не хотел уходить и оставлять поле другим, по крайней мере они так думали. Увы, подобный образ мыслей имел катастрофические последствия.

– Взрыв, когда он прогремел, разнес все измерение Валхал, – сказала Асти. – Он убил всех живых существ и разметал нас в разные стороны. Мы оказались в самых неожиданных местах. Когда пыль осела, я очутилась в витрине с посудой в универмаге в Импере.

– А я подседа на игру в кости на Титании, – сказала Келса. – Это было так увлекательно!

– Я попал прямо в руки джазовому музыканту из Нолы, – сказал Буирни. – Мой первый вкус славы!

– А я резал салями в Троллии, – тяжело вздохнул Эрзац. – Я искал следы нашего давнего дома, но, похоже, он был отсечен от измерений, если вообще существует поныне.

– Мы были лучше, – самодовольно сказал я. – Я имею в виду, мы никогда не взрывали целое измерение.

– Если вы настолько лучше нас, – съехидничала Асти, – то почему вы больше не вместе? Эрзац ответил прежде, чем я успел взорваться:

– Думаю, у всех нас есть свои недостатки. С тех пор я вручил себя в руки тех, кто готов сражаться в эпических битвах. Как насчет твоих друзей?

– Не хочу об этом говорить, – отрезал я. – Все в прошлом. Возможно, хорошее не должно длиться вечно.

– Ерунда, – возразила Асти. – Посмотри на нас! Нам суждено длиться вечно. Мы прочны, как это и должно быть. Мы редко собираемся вместе, но по-настоящему никогда не расходимся.

Мне стало больно. Я обиделся.

– Вряд ли он это имел в виду, Асти, – строго сказал Эрзац.

– Откуда ты знаешь, о чем он говорит? От твоего авторитаризма мне порой сводит ножку, – сказала Чаша, презрительно покатав рубины.

– Он и его спутники, возможно, стремились к такой беззаветной дружбе, как наша.

– Прошу, не пытайся убедить меня, что он вовсе не жадный эгоист.

– Хорошо, – рыкнул я, – не буду.

– Я написал про нас песню, – объявил Буирни, прерывая спор в последней попытке либо помириться, либо повыпендриваться, я не был уверен, что именно имелось в виду. – Теперь, когда вы знаете предысторию, она будет намного интереснее. – Жил-был клад...

– НЕТ! – проревел я. Земля почти задрожала от звука моего голоса. Буирни явно не ожидал от меня такой вспышки гнева.

– Мне хватило бы простого «нет, спасибо», – укоризненно произнес он.

– Я знаю, твоя компания была важна для тебя, – сказала Калипса. – Но Эрзац прожил столько тысяч лет и совершил так много важных поступков. Не сомневаюсь, что рядом с Кладом ты наверняка чувствуешь себя ничтожным. Потому что я тоже это чувствую.

– Дитя мое, никогда не теряй чувства собственного достоинства, – ласково сказал Меч. – Твое приключение только начинается. Однажды ты поймешь: встреча с нами – это самое важное, что когда-либо могло с тобой случиться.

Я открыл было рот, но тотчас захлопнул его. Я понял, что никогда не смогу убедить их в качестве того, что я имел и что потерял. Тананда сочувственно посмотрела на меня и махнула рукой, мол, лучше не надо, не заводишься. Что ж, если может она, то смогу и я. Чтобы потом никто не говорил, будто я позволяю воспоминаниям влиять на мое настроение.

– Послушайте, – сказал я. – Есть кое-кто, у кого мы можем спросить дорогу.

Глава 13

Унылый, открытый во все стороны пейзаж позволил нам заметить возчика более чем за полчаса до того, как мы приблизились к нему. Черношерстный пикин с любопытством, но без страха рассматривал нас. Когда я поздоровался с ним, он остановил свою повозку и оперся локтем на обтянутое домотканой дерюгой колено.

– Едешь в Пикерель? – спросил я, стараясь не выдать свое нетерпение.

– Как-то так, – ответил он. – А вы идете оттуда?

Ошибиться было невозможно, поскольку дорога, на которой мы стояли, вела прямо от этой небольшой деревушки.

– Да, – коротко сказал я. – Ты, часом, не мог бы нам помочь? Мы тут ищем кое-кого.

– И вы его нашли, – сказал возчик, с довольным видом откинувшись на спинку сиденья.

– Не тебя.

– Значит, вы его еще не нашли, – предположил возчик. Я протянул руку и схватил за нагрудник комбинезона.

– Я иду уже два дня, и я не в настроении выслушивать глупые мужицкие шуточки.

Пикин смахнул мои руки и сел прямо.

– Нет нужды распускать руки, – обиженно сказал он. – Мне казалось, ты будешь рад завершить то, что собрался сделать. Кого же ты ищешь?

– Он прав, друг Ааз, – сказал Эрзац. – Возможно, будь ты чуть конкретнее...

– Заглохни, – сказал я. – Куда мне до вас четверых. – Я вновь обратился к местному жителю: – Я пытаюсь найти одного человека, который живет... где-то в этом направлении. В самой глуши. Он все время учится. У него есть книги.

Возчик неторопливо, задумчиво, почесал мех на плече.

– Сдается мне, – сказал он, – вам нужен кто-то из живущих в дикой пустоши. Счастливый стелильщик полов живет где-то там. Очень изобретательный парень. Исследует грязевые лужи, топи болот и поля в поисках подручных материалов, глины и других скромных минеральных сокровищ, из них он делает изразцы и художественные мозаики, до которых большой любитель. Он принимает у себя тех, кто хочет пожить в тихом месте. Это его территория. – Возчик неопределенно махнул рукой позади себя.

– Я вижу, – заметил я, – значит, это болото Веселого Плиточника.

Я посмотрел на возчика, ожидая аплодисментов. А зря. Ни разу в жизни я не видел такого пустого взгляда.

– Можно выразиться и так, незнакомец. Следуй тропами диких зверей. К нему дороги нет. Желаю удачи.

– Что он сказал? – требовательно спросила Калипса, следуя за мной по пятам, пока я искал кого-нибудь другого, у кого можно было бы спросить дорогу. – И что ты сказал перед этим? Почему он выглядел таким озадаченным?

– Так, – сказал я, обернувшись к ней. – Это превращается в обычную обузу. Я могу замаскировать тебя под местную жительницу. Могу сопровождать тебя через сотню измерений, чтобы помочь найти сокровища веков, но у меня нет времени давать тебе уроки языка! Если ты чего-то не понимаешь, помалкивай. Я сам скажу тебе, если это важно. У меня достаточно проблем, требующих неотложного внимания.

Калипса вздрогнула.

– Извини, Ааз, но я лишь хочу знать, что происходит, чтобы помочь...

– Ты не помогаешь, – отрезал я. – Просто заткнись. Я скажу тебе, когда тебе действительно нужно будет что-то знать.

– Фи, типичный изверг! – раздался голос Асти сквозь кожу футляра. – Рывкает, рыкает, рычит и ни разу не подумал о чьих-либо чувствах.

Я встряхнул ее вместе с ее переноской.

– «Заткнись» относится и к тебе, сестрица. Ты с комфортом на мне едешь, и я не заслуживаю тех оскорблений, которыми меня при этом награждаешь. Я же делаю все, что в моих силах. Извини, если я предпочту оставить ее одну. Надоело выступать в роли гида по измерениям, через которые мы проходим.

– Я знаю языки всех стран, через которые я прошел за все мои годы, – сказал Эрзац. – Я был бы рад помочь Калипсе с переводом.

– Но ты ведь не можешь быть с ней везде, куда бы она ни пошла, – резонно заметила Келса. В ее глубине возникла картинка Калипсы, проходящей в дверь с изображением женского силуэта.

– О, это поправимо, – сказала Асти. – Вынь меня отсюда, изверг. Не хочу портить свой футляр. – Не успел я вынуть ее из переноски, как Чаша наполнилась ярко-зеленой жидкостью. – Выпей это, дитя мое. До последней капли.

Калипса явно нервничала.

– И что будет со мной?

– Что будет? Ты заткнешь за пояс этих двоих в том, что касается языков. Ты будешь понимать все языки всех существ, какие только есть во всех измерениях.

– Ты это, полегче! – сказал я. – Если она начнет разговаривать с рыбами и деревьями, кто-нибудь непременно сочтет ее сумасшедшей.

– Почему нет? – сказал Асти. – Ты ведь разговариваешь с кубками и мечами. Давай, Калипса.

Калипса дрожащими руками подняла кубок. Нервно взглянув на меня и Тананду, она окунула клюв в жидкость и запрокинула голову так, чтобы та стекала ей в горло. Сделав глоток, она отчаянно закашлялась.

– Фу! Какая гадость!

– Я не говорила, что это будет вкусно, – сказала Асти. – Ты пробуешь языки тысячи измерений. Конечно, так или иначе, неприятный запах изо рта неотвратим.

Калипса держала кубок на значительном расстоянии от себя.

– Языки! – казалось, ее вот-вот вырвет.

– Все равно выпей, дитя. Зажми нос... ах, у тебя его нет. Представь, что это лекарство. В некотором роде. Оно излечит твое непонимание.

– Выпей, дорогая, – сказала Келса. – Тогда ты сможешь понять, что Ааз бормотал о тебе себе под нос.

– Что он делал? – Калипса осуждающе посмотрел на меня. Она схватила Чашу обеими руками и пригнула клюв к пенящейся жидкости.

– Что я бормотал? – подозрительно спросил я.

– Боже, неужели я сказала это вслух? – удивилась Келса, но глаза за очками лукаво блеснули.

– Пейте, пейте, пейте, арвернианцы... – запел Буирни. – Давай, Калипса! Не думай, просто пей!

– Чух-чух, чух-чух! – приговаривал Эрзац. Калипса скривилась, но сделала второй глоток. Потребовались новые уговоры и увещевания, но вскоре кубок опустел и выпал из обессиленных рук Калипсы. Я в самый последний момент поймал Асти, прежде чем та упала на землю. Тананда поймала Калипсу.

– С тобой все в порядке? – спросила она.

– Это было ужасно, – сказала Калипса. Она выглядела потрясенной. Ее обычно высокий голос блуждал по всем октавам. – Я чувствую себя странно.

Мы с Танандой улыбнулись друг другу.

– Чему ты улыбаешься? – спросила она.

– Ты только что сказала это на идеальном тролльском, – ответил я.

– Я не говорю по-тролльски!

– А теперь говоришь, – сказал я. – И по-изврски. А теперь давай, нам пора в путь.

Тананда некоторое время развлекалась, проверяя новый талант Калипсы, а именно разговаривала с ней на языках, которые усвоила за эти годы. Я отрешился от их болтовни, предпочел побыть наедине со своими мыслями. Я завидовал, что Золотой Клад преподнес Калипсе такой замечательный подарок. Лично мне пришлось овладевать иностранными языками в поте лица своего. Тем не менее я был вынужден согласиться с тем, что у нас не было времени на то, чтобы она чему-то училась. Переводить же все, что мы слышали, а затем объяснять нюансы культурных отсылок, сопровождавших сказанное, – та еще морока! Эта девушка была тако-оо-оой юной. Лично я никогда не был таким зеленым. Образно выражаясь. Никто из тех, кого я знал, не был... впрочем, нет, неправда. Я был почти уверен: Асти даст зелье и мне, и Тананде, если мы попросим. Но я скорее предпочту, чтобы мою чешую поскребли скребком для краски, чем стану кого-то о чем-то просить. У нее уже сложилось ложное представление о моем чувстве справедливости в отношении вознаграждения, и я не собирался давать ей больше никаких новых поводов. Я уже устал выслушивать перечисление моих недостатков, по ее бессмертному мнению.

– Горячо, – сказала Келса, когда мы подошли к перекрестку.

– Куда теперь? – спросил я.

– Думаю, налево. Жаль, что мы ищем Фолиант, а не путешествуем с ним, потому что в его указателе есть все адреса мира. Абсолютно любой адрес и сведения типа «кто есть кто»! Конечно, мы не знаем имени человека, у которого он гостит... это такая путаница. Его голова просто забита именами, я даже не могу выбрать его собственное!

Я отключил ее треп и повернул налево.

– Все еще горячо?

– Да! Горячо.

Я зашагал по узкой тропе следом за Танандой. Это был просто след, который, как мне показалось, оставили местные жвачные животные. Мои ноги то и дело скользили. Грязь была утрамбована до состояния резиноподобной поверхности с достаточным количеством росы на ней, чтобы сделать ее неимоверно скользкой. Я был вынужден смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться об оголенные корни.

– ...Горячо... горячо... горячо... холодно!

– Холодно? Я думала, ты сказала, жарко! – удивилась Тананда.

– Будет холодно, если ты пройдешь через этот куст прямо впереди, – сказала Келса, моргая, и превратилась в очень даже хорошенькую троллину в дорогах бриллиантовых очках. – Мост вон там.

– Кстати, я знаю песню про мост! – вызвался Буирни. – Это трагическая панихида. Тебе это понравится. Она наверняка ускорит наш поход.

Я сделал вид, будто не услышал его.

– Сюда, – сказал я, когда мы поднялись на очередную илистую кочку в начале третьего дня нашего похода. – Я слышу стук молотка.

– Молодец, Ааз! – каркнула Келса. – Да, я как раз собиралась сказать... Вот он. Справа, сразу за кустами боярышника.

Я шел впереди. Когда мы подошли ближе, постройка грязного цвета на другой стороне роши начала принимать четкие очертания. Один толстый овальный этаж сидел поверх нижнего уровня, который расползался во все стороны и выглядел при этом так, будто он строился на протяжении многих веков. Когда его обитатель решал, что ему нужна еще одна комната, он просто проделывал дыру в стене и строил рядом с ней другую. Из нескольких десятков труб, торчавших из черепичной крыши, валил дым. Мы остановились ярдах в десяти от дома.

– Выключи музыку, – рявкнул я на Буирни. – По идее это то самое место.

– О, слава хореографам! – воскликнула Калипса и направилась к входной двери. Я оттащил ее назад.

– Не так быстро! Что ты делаешь?

– Так мы войдем внутрь? – спросила Калипса, озадаченно переводя взгляд с меня на Танду. – Или нам лучше не пользоваться дверью?

– Это может оказаться не так просто, как кажется, – сказал я.

– Конечно, просто, – сказала она, широко раскрыв глаза. – Поднимаешь защелку, толкаешь ее... я что-то упускаю?

Я застонал. Она была так юна, так наивна!

– Коварство, – сказал Эрзац. – Дорогое дитя, это крайне изолированное место. Живи ты здесь одна, вдали от всякой помощи, разве ты не опасалась бы посторонних? Ты бы наверняка придумала, как себя защитить.

Калипса смутилась.

– Я всегда жила в деревне, – сказала она.

– Дома стоят примерно в десяти футах друг от друга, верно? – уточнил я. Она кивнула. – Когда у соседки на столе лимбургер, ты зажимаешь нос?

– Что такое лимбургер?

– Забудь, – оборвал я ее. – Келса, это место заминировано?

– Нет, но есть одна деталь, которая может тебя заинтересовать, хотя все детали этого квеста интересны, они отлично будут смотреться в саге, которую Буирни когда-нибудь напишет, но...

– Я? – беспечно спросил Буирни. – Ну и дела! Она станет всемирно известной?

– Конечно, дорогой, – сказала Келса. – Как и все твои песни. Но, Ааз...

– Заткнись. Танда, давай-ка закосим под местных. Не хочу пугать этого парня. Просто хочу быть одним из братства. Как тебе это?

– Применяю чары маскировки, – сказала Тананда, закрывая глаза, чтобы сосредоточиться.

– Вот это да! – воскликнула Калипса, как только заклинание подействовало. Она превратилась в стройную красавицу с черным мехом, если, конечно, местных жителей можно назвать красивыми. – Ты даже уродливее, чем обычно!

– Огромное спасибо, – буркнул я.

Эрзац сказал, что Пейдж – это полностью интерактивный гримуар, так что имелась некоторая вероятность того, что мы имеем дело с магом. Танда превратила меня в чародея местного разлива, грозного, но общительного. Я предложу обмен, а если он откажется, предложу конкурс, чтобы выиграть у него Фолиант. Я был готов на любое мошенничество, лишь бы при любых обстоятельствах добиться успеха. Танда и Калипса были одеты как пара симпатичных учеников, несших мою магическую ношу, а именно Золотой Клад. Я надеялся, что мы сможем заключить некое мирное соглашение. У нас оставалась неделя и еще пара дней, и Калипса с каждым днем нервничала все больше.

Я постучал в дверь палкой, которую позаимствовал из пленницы, и теперь она выполняла функцию посоха волшебника.

– Кто-нибудь есть дома? – спросил я.

Ответа не последовало. Я заметил, что дверь приоткрыта. Что никогда не сулит ничего хорошего. Открытая дверь могла означать все что угодно, от ведра с водой до термоядерной гранаты, которая взорвется, когда мы переступим порог.

– О, Ааз, – сказала Келса. – Ты должен знать одну вещь...

– Не сейчас, – сказал я. – Отойди.

Встав сбоку от дверной рамы, я толкнул дверь концом посоха. Петли взвыли, как дюжина баньши с похмелья, и дверь хлопнула о внутреннюю стену.

Из дома облаком лилового дыма, с истошным воем и воплями хлынули измученные баньши. Их пустые глазницы горели как раскаленные угли. Растопырив костлявые пальцы, они устремились на нас. Их открытые пасти блестели рядами острых клыков.

Калипса закричала. Я схватил ее за руку и потащил за собой. Ее пальцы царапали землю. Как только Калипса пришла в себя, она вырвалась из моей хватки и со всех ног бросилась вперед, как заправский олимпийский спринтер. Тананда устремилась за ней. Таким образом я остался в тылу. Кровожадные призраки плыли за мной бурливой волной. Я то и дело оглядывался на них через плечо. Что я мог сделать? У меня не было никакой магии, чтобы разогнать их. Они настигали меня. Их мерзкие хари ухмылялись. Их когти были в считанных дюймах от моего черепа. Им ничего не стоило разорвать меня в клочья. Я прибавил скорости.

Идти по заболоченной тропе было тяжело. Я почувствовал, как что-то схватило меня за ногу. Я споткнулся и, падая, увидел корень. И тут же перекатился через голову. Мои когти и клыки нацелились в сторону врага, я был готов сражаться до победного конца.

Облако призраков продолжало проплывать мимо меня, вопя и завывая. Странно, но на меня они не обратили ни малейшего внимания и через несколько ярдов растворились в пелене желтого дыма.

– Тусовщики, – буркнул я с отвращением и, встав с земли, отряхнулся. – Кстати, довольно безвкусное сочетание цветов.

– Какое позорное падение, – заметила Асти из своего футляра. Я вытащил ее из болотистой лужи на краю тропинки, в которую она упала. – Брр! Я по уши в грязи! Не забудь счистить с меня всю грязь, изверг. Не могу поверить, что ты на это купился!

– Умолкни, – рявкнул я на нее и направился туда, где исчезли мои спутники. В этот момент, сжимая в каждой руке по ножу, из-за гребня холма выскочила Тананда. Я подозревал, хотя и не мог видеть, что, по крайней мере, один из них был заколдован против магической атаки. Позади нее, сжимая в обеих руках Эрзац, выбежала Калипса. Они увидели, что я стою, целый и невредимый, но весь в грязи. Я помахал им.

– Я ценю ваши усилия, – сказал я. – Ничего страшного. Товарищеская взаимовыручка. Наш новый друг не обделен чувством юмора. Я запомню это, когда мы будем вести с ним переговоры. – Я наклонился, чтобы взглянуть Келсе в глаза. – Если не ошибаюсь, ты сказала,

что дом не заминирован. Я мог бы сломать себе шею, пытаясь убежать от этих мультяшных призраков!

– Что ж, я бы отнесла этот небольшой спецэффект к той же категории, что и розыгрыши, – сказала она. – Видишь ли, мины-ловушки обычно предполагают смертельный исход. По крайней мере, мне так кажется.

– Не важно, – сказал я, прерывая ее. – Пошли. Если это худшее, чем он швыряет в неожиданных посетителей, значит, он слабак. Забираем книжницу и сматываемся отсюда.

Подобрав свой посох там, где я его бросил, я потыкал им во входную дверь. Я поводил им, проверяя, нет ли электрических глазков, растяжек или замаскированных ям-ловушек. Больше ничего не произошло. Я осторожно выглянул из-за дверного косяка. Передняя комната была пуста.

Я подошел ближе. Комната казалась заброшенной, причем совсем недавно. Я видел на полу пыль, очерчивающую места, где ранее стояли кровать, сундук и четыре маленьких квадрата, которые, вероятно, были ножками стола. Подобные линии имелись на встроенных в стену полках, что наводило на мысль о том, что у хозяина комнаты имелась большая библиотека, которой здесь больше не было. По всему полу были разбросаны бумаги. Я поднял одну из них. Это оказался просроченный счет из магазина канцелярских товаров.

БАЦ! Мое внимание привлек донесшийся из глубины дома стук. За ним последовала череда красочных фраз, ни одну из которых я не мог отнести к разряду проклятий, хотя они и свидетельствовали о некоторой фантазии в том, что касалось озвучивания досады и раздражения. Очень хотелось надеяться, что тот, кто был нам нужен, не совсем преуспел в бегстве. Я дал Тананде знак выйти наружу и обойти дом вокруг. Мы могли бы взять его в клещи, если только он не выскочил в другое измерение. Танда кивнула мне и вышла за дверь.

– Кто-нибудь есть дома? – крикнул я.

– Я здесь! – крикнул в ответ приветливый голос.

– Говорить буду я, – сказал я, продвигаясь вперед.

Мы с Калипсой (я шел впереди) пробрались через разросшийся дом. Он был поделен на несколько жилых помещений, по несколько комнат в каждом, оформленных в своем собственном стиле. За пустыми парадными залами располагалось скромное жилище знахарки-травницы, которая, видимо, ночевала в своей же лавчонке и отличалась забавным вкусом в том, что касалось нижнего белья, часть которого сушилась на стеллажах рядом со сноруортом и корнем гиппорема. Каморку за ней, судя по формулам, накорябанным мелом на стенах и полу вокруг ветхой кровати, скорее всего, занимал студент-математик. Из соседних комнат доносился стук – там мускулистый мужчина в фартуке шлепал на широкий деревянный рабочий стол пыльные формы.

Он поднял глаза и улыбнулся. Правда, улыбка его слегка померкла, стоило ему увидеть мою грозную персону. Это был тот самый Счастливый Плиточник. Впрочем, его врожденный оптимизм быстро взял верх, и он подошел ко мне, чтобы поздороваться. Тананда появилась позади него и пожала плечами.

– Приветствую тебя, друг! – сказал он. – Чем могу быть полезен?

– Я ищу великое сокровище, – сказал я.

– О, да у меня этого добра здесь немерено, наверняка вам что-то понравится, – любезно сказал плиточник. – Только что закончил партию флорнезианских замков с настоящим золотом в глазури. Неплохо подойдет для зала, предназначенного для аудиенций, если это вам интересно. Могу предложить очень привлекательные условия оплаты...

– Нет, нам нужна книга, – сказала Калипса. – Огромный фолиант. В золотой обложке. Возможно, украшенный самоцветами. И, кажется, он еще умеет говорить.

– А! – воскликнул пикин, раскачиваясь на пятках. – Похоже, вам нужен волшебник Фрум.

– Он дома? – спросил я, сердито взглянув на Калипсу.

– Нет, нет, – ответил плиточник. Поскольку мы не были покупателями, он вновь принялся вытаскивать свои изделия из рамок, в которых те затвердевали. – Он недавно прошел здесь со своей огромной книгой, бормоча себе под нос «Они здесь». Должно быть, он имел в виду вас.

– И куда он пошел? – спросил я.

– Этого я не могу вам сказать, – с усмешкой ответил плиточник. – Он просто исчез. Вжик, и нет его! Вон там, – указал он скребком для стола. – Это было похоже на магию.

– Почему ты не сказала мне, что Фолиант исчез? – рыкнул я на хрустальный шар, когда мы вышли на улицу.

– Неправда, я пыталась, – огрызнулась Келса. – Ты велел мне молчать. Я же стараюсь выполнять твои желания – это показатель моего растущего уважения к тебе, дорогой, – но и...

– Что «но»? – вновь перебил я.

– Просто так случилось! В тот момент! За миг до того, как мы вошли внутрь. Должно быть, он был в курсе, так как прочел о нашем приближении к Фолианту. Видишь ли, Пейдж привык следить за текущими событиями.

Я застонал и закатил глаза.

– Выходит, весь этот трехдневный поход был бессмысленным!

– Три дня заключения моего дедушки? – вздохнула Калипса.

Келса заморгала, превращаясь из извергини в уолта и обратно.

– О, вовсе нет! Он бы не ушел, если бы мы не приехали сюда. Надо просто пойти туда, где он сейчас.

– И где же это? – процедил я сквозь зубы. Келса просияла, точь-в-точь как вывеска пивной.

– Это Вейгас!

Глава 14

– Держитесь меня! – воскликнул Буирни, когда мы зашагали по многолюдным улицам. В дверях ярко окрашенных зданий сновали туда-сюда посетители всех рас из всех измерений. Многие из них имели пресыщенный вид заядлых игроков, но большинство, в изумлении разинув рот, глазели на предлагаемый ассортимент аттракционов: танцоров, азартные игры, варьете, сценические феерии и все такое прочее. Это очень напоминало Базар, только по части индустрии развлечений. В Вейгасе была ночь, но, с другой стороны, ночь была здесь всегда, по крайней мере в те разы, когда я посещал его. Флик, прожектор Файфа, направил на нас слепящий луч, который освещал нас лучше, чем дорогу у нас под ногами. Я то и дело натыкался на прохожих, которых ослеплял софит.

– Я знаю это место как свои пять пальцев, – заявил Зильди, малый барабан, и даже издал короткую дробь.

– У тебя нет рук, какие уж там пальцы, – смущенно заметила Калипса. Эрзац сидел на ее спине. Ткань, в которую он был замотан, скрывала все, кроме его глаз. Местные законы о запрете ношения оружия, тем более сильнодействующего магического, были, как и в любом другом месте, довольно строги, но если учесть, сколько бабла переходило здесь из рук в руки... В общем, я решил, что нас вряд ли остановят.

Местная полиция едва справлялась с настоящей преступностью: пьяные, шатаясь, десятками выходили из отелей с деньгами, полученными за игорным столом. В любом случае, наш Меч окружали маскировочные чары, делавшие его похожим на набор блестящих булав для жонглирования. На такое вряд ли кто позарится. Остальные члены Золотого Клада также были замаскированы, за исключением Буирни. Я решил, что иметь при себе музыкальный инструмент – не вредно. Тем более что скрыть его свиту не было никакой возможности.

– Что ж, будь у меня рука, я бы знал ее так же хорошо, как я знаю Вейгас, – доверительно произнес Буирни. – Вы только оглянитесь по сторонам. Это же истинное чудо магии и технологий! У меня в течение десяти лет, проведенных здесь, был театр, вон там, чуть дальше по этой улице. Полный оркестр, девушки из кордебалета, бутафория!

– Звучит как атрибутика райской жизни, – сказала Тананда. – Почему ты ее бросил?

– Просто началась война. Однорукие бандиты против наперсточников. Да, это была еще та разборка, скажу я вам! Бандиты записали меня в свою клику. Мне казалось, что они сражались немного честнее. Я написал для них просто потрясающие военные марши! Это была долгая изнурительная битва. Мы практически потеряли спонсоров, так долго все тянулось. Как минимум двенадцать сезонов с летними повторами. Конечно, мы одержали победу и мир был восстановлен, но ущерб оказался поистине ужасным. Можно сказать, нас раздели до нитки, и боюсь, что раздевание до сих пор продолжается. – Его изумруды лукаво перекатывались из стороны в сторону. Тананда рассмеялась. Калипса, как обычно, смутилась.

Мы зашагали по широкому проспекту. Следуя указаниям Келсы, мы искали казино «Львиная голова». Я пребывал в дурном настроении. Этот волшебник Фрум явно не жаждал расставаться со своим сокровищем, но кто бы поставил ему это в упрек? Не знаю даже, почему я просто не улетел оттуда. Был прекрасный вечер. Время от времени среди какофонии голосов и музыки явственно раздавалось звяканье игровых автоматов. Я любил время от времени навещать Вейгас. Яркое-оранжевое здание казино «Шоу фонтана», пылающее в лучах прожекторов, находилось через дорогу. Мне ничто не мешало зайти туда, попросить метрдотеля усадить меня за мой обычный столик рядом со сценой в Театре Игрока и чуток расслабиться. Пока вы бросали кости, рядом отплясывали красотки в микроскопических нарядах, а напитки подавали в бокалах ростом с изверга. Я почти почувствовал стопку фишек в своей руке. Готов поспорить, Баррик удовольствовался бы и теми четырьмя сокровищами, что были у нас. Думаю, он сомневался, что Калипса вернется даже с одним сокровищем, тем более к назначенному сроку. Но нет, мы вынуждены преследовать упертого мага, который таскает с собой с места на место стопудовый справочник.

– Как нам не дать Фруму улизнуть из города, прежде чем мы снова его догоним? – спросил я Келсу.

– В данный момент он не знает, что мы здесь, – сказала Келса, сияя мне улыбкой из сумки Тананды. Она была замаскирована под большую золотую рыбку в аквариуме, но ничто не могло скрыть диамантовые очки. – Он очень рад, что скрылся до нашего прихода. Боже мой, как же я обожаю делать эти самые свежие бюллетени!

– Тогда загляни чуть дальше в будущее, – сказал я. – Хочу знать, где мы найдем Фолиант, а не только то, о чем он думает в данный момент. Задействуй свой талант на всю катушку.

– Я предсказываю... – теперь глаза плавали в глубине блестящего шара. – Я предсказываю, что он не сможет сбежать от вас, как только вы... будете окружены... ему подобными... – Она моргнула, и ее лицо вновь обрело фокус. – Я сказала что-нибудь интересное?

– Ему подобными? – переспросила Тананда. – То есть здесь есть еще пикины?

– Конечно, есть! Есть Малкин из Брумтауна и целая семейка Скрузов...

– Не они, – сказал я, щелкнув пальцами. – Он в Клубе Волшебников.

– Почему именно там? – спросила Танда.

– Где же еще? Здесь никто не задаст неудобных вопросов. Он тащит тяжеленный том в твердой золотой обложке. Этот город кишит карманниками и грабителями. Внутри казино есть охрана, но все, что происходит снаружи, никого не касается. Никому не интересно, напали на вас, ограбили или развели как лохов. Это плохо для рекламы. Что бы ни случилось с вами в Вейгасе, все в один голос заявят, что этого не было – и секретарь, и мэр, и полиция, и пресса. Клуб – идеальное место, где такой важный магический предмет, как Фолиант, будет в безопасности.

– Звучит разумно, добрый Ааз, – сказал Эрзац.

Даже у Асти не нашлось ни одного слова сарказма. Я ухмыльнулся:

– Еще как разумно! Пойдемте.

Я расправил плечи и с гордым видом зашагал вперед. Остальные послушно поплелись за мной следом. Приятно было вновь ощутить себя главным.

– Вы уверены, что не хотите небольшую экскурсию, пока находитесь здесь? – пискнул Буирни, отчаянно пытаясь вернуть себе лидерство. – Я знаю абсолютно всех! Я могу провести нас за кулисы на все концерты! Городской совет должен мне кучу услуг за озвучку тематических песен для их рекламы.

– Может, в другой раз, – сказал я, вырываясь на пару шагов вперед от Калипсы, подальше от его голоса. – Если вы вдруг забыли, напомню: мы ограничены во времени.

– Ты здесь бесполезен, Буирни, – сказал Эрзац. – Как и везде.

– Я?! – взвизгнул Файф, отчего все в пределах пятнадцати футов заткнули уши руками. – А как насчет Меча? Скольких, по-твоему, танцовщиц из варьете и игроков нам придется убить в погоне за волшебником, у которого есть Пейдж?

– Не тратьте время зря, – брюзгливо сказала Асти. В брезентовом чехле она напоминала жестяную походную фляжку, на которую никто даже не позарился бы. Увы, скромная эта маскировка стала причиной ее вечных капризов и нытья. – Пусть смертный попытается заработать себе на жизнь. Пока он сделал маловато, прямо скажем.

Я тряхнул ее обиталище:

– Послушай, сестрица, да я бы с радостью променял тебя на дырявое ведро, если бы не эта барышня. Более того, я бы на время зашвырнул тебя в пустыню. Пусть стадо страдающих от жажды верблюдов попинают тебя как следуют!

– Ты не посмел бы!

– Еще как посмел бы, – ласково промурлыкала Тананда, подмигнув мне. – На то они и изверги.

– Извращенцы! – испуганно пискнула Асти.

Калипса перевела взгляд с Меча на Чашу.

– А по-моему, Ааз и Тананда отлично справляются со своей работой, – сказала она. – Без них я бы просто не нашла никого из вас. Тем более так быстро. Не иначе как вы служили неким великим героям, если те умели делать вещи эффективнее, чем они!

Я приосанился.

– И все это за один день, малышка, – сказал я. Возможно, я все-таки чему-то да учил ее, несмотря на мое нежелание заниматься ее формальным образованием. По крайней мере, она меня ценила.

Я пружинистым шагом зашагал вперед.

– Хмм! – фыркнула Чаша. – Вообще-то наносить бальзам на душевные раны – это по моей части.

Клуб Магов не афишировал свое присутствие. В силу их природы в шоу на Вейгасе было задействовано множество практикующих чародеев и магов, от иллюзионистов до известных трансформеров, имевших в своем распоряжении разные приспособления от зеркальных ящиков до сложных спецэффектов, при виде которых кинопродюсеры от зависти обмочили бы штаны. Это было отличное место, чтобы расслабиться в перерывах между шоу и пожаловаться на боссов казино и клиентов. При этом можно было не волноваться, что что-либо из сказанного вами когда-либо будет услышано другим живым существом. Место было защищено самыми изощренными чарами плюс добавьте к этому существ-хранителей, таких как драконы и змеи-оборотни, имевших особый вкус к нарушителям порядка.

Я вступил в этот клуб во время моего первого визита сюда, много лет назад, когда только окончил школу. У меня имелся членский билет и клубный перстень. Ни того ни другого при

мне сейчас не было, и я поклялся хранить тайну. Клятва эта, помимо всего прочего, требовала от нас того, что мы никогда не должны раскрывать секреты наших братьев и сестер-волшебников. Это обещание нередко скрывало тот факт, что половина магических действий в Вейгасе вовсе не были магией, являясь, по сути, просто сложными техническими эффектами, которые мог проделать любой пентюх, ковыряя одним палец в носу, а другим нажимая на кнопку. А самым лучшим в клубе были профессиональные семинары. Главным было произвести достойное впечатление, отчего там уделялось огромное внимание зрелищности. Много лет назад я сам прочел здесь несколько лекций. Я знал, что одноклубники будут рады меня видеть. И наверняка помогут поймать нашего беглого волшебника.

Здание располагалось в на редкость темном переулке между самыми большими театрами. Клик был единственным источником света на сотню ярдов в любом направлении. Бочком подбравшись к хорошо замаскированному дверному проему, я постучал условным стуком.

Тук-тук-тук, да-да-да-да, тук-тук-тук. Бум-бум-бум. Тук-тук-тук-тук-тук. Тэп, тэп! В центре двери появился круглый глазок.

– Кто желает войти сюда? – спросил хриплый голос.

– Еще один искатель, – ответил я.

– По какому праву ты желаешь это сделать? – продолжал голос.

– По праву общих интересов и братства, – сказал я. – Послушайте, может, пропустим остальную мутотень? Сегодня вечером я не могу потерять и двадцати минут.

Голос сделался надменным:

– Мы придерживаемся определенных стандартов, и их следует соблюдать! Итак, продолжим, что привело вас сюда?

Это был вопрос номер три из пятидесяти одного. Я вздохнул:

– Поиск мудрости.

* * *

– ...И как зовут соискателя, который подает прошение о допуске в соответствии с уставом и правилами сего благородного учреждения? – наконец спросил голос, почти час спустя. Остальные ждали позади меня, вне пределов слышимости, так как весь пароль должен оставаться секретом. Я услышал, как Асти и Буирни хихикнули. В моей жизни мне не раз случалось терпеть унижения, но не в последнее время. Я процедил сквозь зубы последний ответ:

– Ааз. Аазмандиус. А теперь открой эту проклятую дверь!

– Аазмандиус... минуточку, только проверю списки. Да, членские взносы уплачены вовремя. Заходи, ищущий, и добро пожаловать!

Глазок захлопнулся. Я отступил. Часть стены открылась, обнажая двойные двери из чистого золота, инкрустированные огромными нефритовыми символами – большинство символов были весьма забавными шутками, понятными только другим магам. Например, тот, что располагался слева от меня, когда я шагнул внутрь, на редком древнем диалекте Импера гласил: «Ешьте у Джо». Другой был сложным рецептом рагу из морских водорослей.

Стоило мне войти, как две скудно одетые особы в розовых и голубых блестках, стоявшие по бокам дверного проема, вскинули руки в перчатках и приняли соблазнительные позы.

– Та-да-да-а-а! – воскликнули они хором.

Тананда кошачьей походкой прошла внутрь – она всегда чувствовала себя непринужденно, где бы ни находилась, а вот Калипса разинула клюв и пялилась на все, как самая настоящая неотесанная деревенщина.

Я был вынужден признать, что в этом месте имелись весьма впечатляющие штуки. Под потолком с люстрами между тройными изображениями огнедышащих драконов кружились иллюзии воздушных гимнастов. Я тотчас понял, что ошибся: тот, что посередине, действи-

тельно был драконом, частью системы безопасности клуба, ведь даже продвинутым магам обычно требовалось специальное защитное устройство, чтобы их не слопал дракон, которого лично они не впечатлили. Это чудовище кирпичного цвета с пятью головами цеплялось за выступ, напоминая перевернутую рождественскую елку. Когда мы вошли, он опустил одну голову, чтобы обнюхать нас. Я сделал знак остальным, чтобы они не двигались, пока чудовищный нос бегал по нам вверх с одной стороны и вниз по другой. На мое счастье, я уже сталкивался с этим раньше. Драконы никогда не забывали запах людей, к которым они были равнодушны, и тех, кого они ненавидели. Им редко, если вообще когда-либо, нравился недракон. Глип, вонючий поганец Скива – я имею в виду любимец, – был редким исключением. Тананда подмигнула ему, когда дракон отодвинулся, в ответ на это ящер выпустил клуб дыма с запахом серы.

Я почувствовал себя как дома. Маги и чародеи из сотен измерений тусовались тут поодиночке или небольшими группками, всасывая алкоголь и другие наркотические вещества. Справа от меня один толстый Кобольд демонстрировал вульпину с выпученными глазами, как нужно выдыхать облако огня. Дальше за ними внушительная группа волшебников-бесов в кричащих прикидах, которые только сами бесы считали стильными, вели громкую дискуссию о шкафах. Все как в старые добрые времена.

– Бар вон там, – произнес надменный голос, потеплевший лишь на самую малость. Как оказалось, он исходил от коротышки с длинным тонким носом и большими прозрачными глазами – нахохленного шибздика.

– Пока обустроивалась новая библиотека, мы были вынуждены перенести его из первоначального места хранения. Половина книг продолжала впитывать алкоголь. Впрочем, там до сих пор можно выпить. Некоторые члены клуба нуждаются в рюмке или двух, пока читают.

– Спасибо, – сказал я. – Вы не могли бы сказать мне, приходил ли сюда в последние пару часов один из моих приятелей? Он – пикин. У него есть книга, которую он обещал дать мне почитать.

– А-а-а, этот тип! Да, он в библиотеке. – Длинноносый шибздик указал нам на огромную картину маслом с изображением комнаты, полной книг в кожаных переплетах на резных деревянных полках. Это была магическая иллюзия, прикрывавшая дверной проем. Пара ассистентов стояла рядом, приветствуя каждого, кто проходил сквозь него. – Явно не дурак по части выпивки. Но не слишком разговорчив.

– Спасибо. – Я двинулся в указанном направлении. – Пойдемте, – сказал я Тананде и Калипсе. – Библиотека! Там полно высоких полок. Мы можем окружить проходку и незаметно подкрасться к нему.

– Боюсь, что нет, добрый Ааз, – прошептал мне Эрзац, скрытый под иллюзорной маскировкой в виде вращающихся булав. – Я чувствую присутствие Пейджа, а он может почувствовать нас. И предупредит Фрума. Нам следует поторопиться.

– Тоже верно. – Я ускорил шаг. – Пошевеливаемся.

В пяти футах от написанной маслом картины мы наткнулись на невидимый барьер. Я толкнул его, но он, похоже, тянулся во все стороны. Я бросился обратно к консержу.

– Что за фигня? – потребовал я.

– Простите? – сказал шибздик и заморгал, глядя на нас. – Две ваших смазливых помощницы – *полностью* квалифицированные чародеи? Потому что, если нет, они не смогут войти. Приносим извинения за доставленные неудобства, дамы. Но таковы правила. Вы это знаете. Глава 18-я «Правил Клуба чародеев и магов и Гримуара».

Я пожал плечами, давая знак остальным. Это подстава как-то выскользнула из моей головы. Большая приемная и бар были единственными частями клуба, куда допускались посторонние, то есть не являющиеся его членами. А жаль, так как это было весьма интересное здание. Здесь имелся свой собственный, красиво обтянутый плюшем театр для клубных представ-

лений, где чародеи пробовали друг на друге свои новые номера, частные комнаты для банкетов и деловых встреч, мастерские для ремонта магических предметов и винный погреб, который бы удивил метрдотелей в соседних отелях.

– Все в порядке, – сказала Тананда, неторопливо направляясь к низким, обитым бархатом диванам и кушеткам для бесед, что были расставлены уютными группами по всей огромной комнате. – Мы просто устроимся поудобнее.

– Скажи, Буб, – сказал я, отводя коротышку швейцара в сторону. – Нет ли способа устроить там частную встречу с моим другом? Не хочу никого беспокоить, но между нами должен состояться серьезный профессиональный разговор.

Шибздик в упор посмотрел на меня:

– Вы знаете правила, касающиеся порчи декора. Никакой зажигательной магии, никаких призывов к стихиям, никаких боеприпасов, за исключением тех, что оговорены в Конвенции Магов.

Я поднял ладонь в невинно-примиряющем жесте.

– Если кто-то и порвет обои, то это явно буду не я, – пообещал я ему.

– Ну, хорошо. Я поговорю с остальными. Спрошу, согласятся ли они дать вам немного уединения. Пойдемте со мной.

Я проводил его до двери библиотеки. Он шагнул, но обернулся и бросил на меня озабоченный взгляд.

– Что? Я не могу тратить на это всю ночь!

Я врезался в невидимый барьер. Я постучал по нему ладонями, потом кулаками. Барьер не издал ни звука, но я не мог двигаться дальше.

– Что, черт возьми, здесь происходит? Я член клуба с хорошей репутацией.

– Хмм. – Шибздик подошел ко мне, затем поднял ладони и, обойдя вокруг, нахмурился. Снова проверил руки. Затем кого-то поманил. Из-за трапеции на потолке вылетел серокожий, крылатый и клыкастый громила в смокинге. Я узнал в нем Савону, кнута, обитателя измерения, в котором я бывал довольно редко, отчасти потому, что местные жители напоминали мне вампиров на стероидах. Деревенские жители с факелами и вилами не бегают за ними, они обычно от них убегают. Кнуты были весьма долговечными, весьма умными и весьма стойкими. Клуб нанимал их на службу на протяжении тысячелетий. Я подозревал, что нынешние сотрудники вполне могут быть теми, первоначальными. У них есть чувства, подобные чувствам летучих мышей, включая слух, такой острый, что на их фоне изверги кажутся такими же глухарями, как пожилые пентюхи. Если вы шепотом закажете себе напиток, кнут за стойкой приготовит его для вас и силой мысли отправит к вашему столу. Они поборники отличного обслуживания, но у меня при их виде по-прежнему по коже пробегают мурашки. Когда рядом с вами неожиданно появляется кнут, – это хороший способ потренировать сердечно-сосудистую систему в положении сидя.

– Чем могу служить, мистер Поулька? – очень вежливо спросил он.

– Проверьте его, мистер Савона, – сказал шибздик.

Левая бровь кнута поползла вверх:

– Но это мистер Аазмандиус.

– Это он так говорит. Проверьте его. Что-то здесь не так, почему он не может пройти сквозь барьер «только для членов клуба»?

Савона пристально посмотрел на меня. Его большие черные глаза просверлили меня до самого позвоночника. Он понизил голос:

– Мистер Аазмандиус не может пройти сквозь барьер, потому что его линии доступа к силовым линиям нарушены.

– У него нет магии? – удивился мистер Поулька. – Тогда почему главная дверь пропустила его? Даже если незнакомец ответит на все вопросы, это не значит, что портал узнает его.

– В сумке, которую он несет через плечо, лежит очень мощный магический предмет, – ответил Савона, нацеливая когтистый ноготь на сумку Асти. – Без сомнения, дверь подумала, что магия исходит от него. То же самое касается и сопровождающих его женщин. – Он поклонился Тананде и Калипсе. Танда в ответ игриво пошевелила парой пальцев и призывно улыбнулась. Лицо Савоны приобрело более темный оттенок серого. Даже кнуты не были застрахованы от чар троллины.

– Предметы? Какие предметы?

– Отлично! – сказал я, от души хлопнув Поулька по спине. – Ты меня застукал! Это сработало!

– Что сработало? – спросил Поулька, сосредоточенно сморщив личико.

Я доверительно подался вперед:

– Совет директоров не хотел, чтобы об этом было известно, но они решили проверить систему безопасности здесь, в клубе, чтобы убедиться, что она исправна. За последний месяц они прислали еще нескольких своих представителей, возможно, вы заметили кого-то из них? Они кажутся совершенно нормальными, но в них есть что-то этакое, не так ли?

Поулька явно оторопел, но Савона тихо откашлялся.

– Как девол, который на наших глазах утроился? У него имелся только один членский билет, но он просил впустить все три своих симулякра, сэр.

– Я помню. Мы впустили его. Мне это не понравилось, но на карточке было его лицо. Правда, мы не позволили ему купить три напитка по цене одного.

– Да, верно, – сказал я. – Ты с ним тоже отлично справился.

Поулька нахмурился.

– Итак, позвольте мне уточнить – вы разрешили Правлению временно лишить вас ваших сил, чтобы вы могли активировать барьеры «только для членов клуба»?

– Точно. И проверить, смогу ли я уговорить вас впустить меня в остальные помещения клуба, даже если я не отвечаю требованиям. – Я от души рассмеялся. – Но вы строго придерживались процедуры. Они будут действительно довольны вами, мое вам слово!

Поулька пришел в ужас.

– Зачем кому-то это делать? Оставить вас... беспомощным!

– Что ж, – сказал я, приняв скромный вид. – Порой приходится жертвовать собой ради клуба, верно? Правило № 46: член клуба всегда должен заботиться о благополучии своих товарищей.

– Это Правило № 47, – не без ехидства поправил меня Поулька.

Савона вновь прочистил горло. За мягким звуком послышалась угроза. Его клыки сверкнули.

– Он лжет, мистер Поулька.

– Нет, – с жаром заявил я. – Я просто хороший парень, всегда готовый помочь.

– Я впервые слышу об испытании системы безопасности. Я руковожу этим отделом уже 1043 года. Совет ни разу не проявлял никаких признаков недовольства моей работой или работой моих коллег. Не было никаких серьезных нарушений, которые могли бы спровоцировать их на проведение подобного теста. Подозреваю, что он потерял свои силы при неких иных обстоятельствах. Боюсь, однако, что такая потеря действительно является основанием для исключения его из числа членов клуба.

– Погоди, погоди! – сказал я. – Я все еще маг. Конечно же! Чтобы пройти квалификацию, требуется гораздо больше, чем просто сила. Не мне вам объяснять. Есть еще ловкость рук, отвлечение внимания, иллюзии, и ничто из этого не требует магии.

– Тоже верно. – Поулька щелкнул пальцами, и в его руках появился розовый цилиндр, весь в блестках. Он сунул его мне. – Если ты все еще фокусник, то вытащи из этой шляпы кролика.

Теперь на меня уставились все. Тананда начала делать руками какие-то пассы. Не иначе как решила попробовать вытащить для меня кролика у всех за спиной. Из всех питейных заведений во всех измерениях это было самым неудачным трюком. Все, кто находился в гостинной, вытаращились на нее.

– Есть!

Савона нацелил коготь, и Тананда с Калипсой от плечей до бедер обволоклись коконом из лент.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Любое постороннее вмешательство запрещено. Продолжайте.

Теперь я был предоставлен самому себе.

– Ну? – спросил Поулька. Я нутужно ухмыльнулся.

– Да ладно, я не занимаюсь кроликами, – сказал я. – Такая мелочовка не по моей части.

– Мелочовка, говоришь? – Высокий, худой, синекожий волшебник в негодовании вскочил с места. Он был примерно на три фута выше моих немаленьких габаритов и угрожающе навис над мной.

– По-твоему, извлечение кроликов из цилиндра мелочовка? Так знай, я уже более пятидесяти лет удивляю кроликами гостей Борейского дворца!

– Послушай, я не пытаюсь тебя обидеть, – сказал я, с трудом подняв руку, чтобы хлопнуть этого зануду по спине. – Просто я люблю более яркие эффекты, только и всего.

– Вот и произведи для нас такой, – сказал Поулька. – Один, без помощников. Без этих новомодных штуквин, которые есть у тебя. Только ты сам. Ну, давай же, удиви нас.

Я известен тем, что умею импровизировать, но бывают случаи, когда даже самые лстыивые речи бессильны помочь.

– Послушай, – сказал я, наклоняясь к шибздику и по-дружески ухмыляясь. Он тут же отпрянул. – Согласись, некрасиво ставить в неловкое положение старого члена клуба, не так ли? Которому изменила удача и все такое прочее. Я верну их на днях. Более того, именно об этом я и пришел поговорить со своим приятелем – о восстановлении моих магических сил. Ты ведь не станешь этому мешать? Я на протяжении десятилетий был членом клуба с безупречной репутацией. Разве я не заслужил маленького послабления?

– Что ж... – лицо Поульки слегка смягчилось, но не лицо Савоны. – Должен довести до вашего сведения, что мониторы выявили характер скрытых вещей у мистера Аазмандиуса и его коллег. Они *запрещены*, сэр.

Клянусь, мои уши слышали заглавную букву З. Теперь мы привлекали всеобщее внимание. Я попытался ублажить этого ретивого упряма.

– Это всего лишь часть теста, Савона, не более того.

– Мне очень жаль, сэр, но нет никаких дополнительных правил, которые бы разрешали вам пронести в эти помещения магический меч, особенно такой огромной внутренней силы...

– Меч, – пискнул Поулька, но Савона еще не закончил.

– ...Или прибор для прогнозирования. Более того, последний будет запрещен в любом месте города, так как способен предсказать исход ставок, что в свою очередь может привести к потере миллионов за игорными столами. Показания точности зашкаливают.

– Хм, – сказал я. – Никогда не думал об этом. – В конце концов, Келса могла пригодиться. Но Поулька не был настроен на дискуссии.

– Где он, этот прибор? – спросил он, дрожа от ярости.

– Вот у этой молодой леди. – Савона указал на Тананду. – Она создатель чар иллюзии, скрывающих обычный вид всех предметов.

– Вы планировали обмануть казино? – спросил Поулька, встав передо мной. – Использовали клуб как жульническую... базу? Это возмутительно!

– Нет, мы здесь не для этого, – возразил я. – Послушайте, все, что я хочу, это поговорить в библиотеке с моим другом.

– У нас есть только ваше слово, сэр, – произнес громила кнут. Он опустил арбалет так, что острие стрелы смотрело мне прямо между глаз.

– Боюсь, мистер Аазмандиус, – с достоинством произнес Поулька, – я вынужден просить вас покинуть это место.

– Покинуть? – переспросил я, отчаянно глядя на дверь библиотеки. За ней ждал Фолиант. Эх, если бы я мог просто... дотянуться... до него... Я вновь уперся плечом в невидимый барьер. – С какой стати я должен покидать это место! Я здесь на законных основаниях!

– Что ж, вы утратили членство, и так будет до тех пор, пока вы не восстановите свои силы, ибо только они дают право доступа. Иначе бы вас сюда просто не пустили. Где ваш членский билет?

Все присутствующие устремили на меня взгляды, бормоча:

– Этот тип точно с Девы.

Шибздик хлопнул в ладоши, и в его протянутой ладони внезапно возникла прямоугольная картонная карточка. Слева бледно-голубым цветом был нанесен замысловатый тисненый логотип Клуба Магов. Мой подвижный портрет был нанесен на правую половину над моей подписью. Юный я, изображенный на картинке, улыбался, как идиот, которого угостили конфеткой. Мой рот шевелился. Я разговаривал с волшебником, делавшим волшебное фото. Я рыкнул на этого тупого парня, который даже пальцем не пошевелил, чтобы помочь. Поулька цыкнул языком. Он щелкнул пальцами по карте, и та вспыхнула ярким пламенем. Изверг на фотографии беззвучно закричал и рассыпался в пепел.

– Ты не можешь так поступить со мной! – проревел я.

– Это мой долг, – сказал Поулька. Зря, зря он напустил на себя такой самодовольный вид. – Вы нарушили несколько положений нашего устава. Вы мошеннически воспользовались членством, не проинформировали комитет об изменении обстоятельств, пронесли в клуб запрещенные магические предметы, совершили попытку нападения на другого члена клуба и, наконец, нарушили спокойствие членов Клуба Магов, который более семи тысяч лет был известен у наших братьев и сестер как оазис тишины и покоя! Выведите его, мистер Савона, – заключил шибздик, величаво махнув тощей ручонкой. – Если вдруг они попытаются вернуться, разрешаю прибегнуть к презрению, а также применить смертоносную силу.

– Эй, погоди! – воскликнул я.

– Боюсь, мне придется выбросить вас на улицу, мистер Аазмандиус, – сказал Савона с искренним сожалением. Я попытался обойти его, но сделать это оказалось непросто. В следующий миг крылатый тип уже сжимал мне шею когтями, а мою правую руку завел за спину.

– Нет, ты не посмеешь, – заявил я, пытаясь вырваться из его хватки, но он неумолимо толкал меня к входной двери. – Да ладно тебе, не притворяйся. Спроси у Правления. Они скажут тебе...

– Та-да-да-да! – пропели ассистенты, подняв руки, когда дверь распахнулась. К тому моменту я уже был в воздухе. Я приземлился примерно в тридцати футах дальше по переулку. Пока я поднимался, перед моими глазами возникли две пары ног.

– Что случилось с лентами? – прорычал я Тананде и Калипсе.

– Савона перерезал их, – ответила Тананда с легкой улыбкой, протягивая руку, и рывком поставила меня на ноги. Я выпрямился. Порой я забываю, какая она сильная. – Всего одним взмахом когтя! Мне нравятся мужчины с приличным маникюром. Он дал мне свой номер. У нас будет свидание, если я когда-нибудь вернусь сюда снова.

Глава 15

– Что же, это был позорный провал, – сказала Асти, пока я стряхивал с себя пыль. – От начала и до самого конца. Ты не только не заполучил Пейджа, но и Фрум снова сбежал.

– А ты могла бы сделать лучше, сестрица? – спросил я и оглянулся. Дверной проем исчез, его вновь сменила щель на уровне глаз.

– Конечно, могла бы! Твоя история была хилой отмазкой с самого начала. Заявить им, что ты тайный дознаватель. Ха!

– Это почти сработало! – сказал я в свою защиту.

– «Почти» – ключевое слово, – сказала Асти. – Ты был жалок.

– Жалок! – проревел я.

Тананда сочувственно положила мне на плечо руку. Я пожал плечами.

– Скажем так, ты был неумел. Тебе это больше нравится? – спросила Чаша.

– К твоему сведению, дорогая, у меня все было хорошо, пока я не врезался в ту стену. Я должен был это предвидеть.

– Как ты мог увидеть невидимую стену? – спросила Калипса.

Я покачал головой:

– Мне следовало попросить увидаться с Фрумом публично, попросить Поульку привести его туда, где мы могли бы на него наброситься.

Чаша закатила выгравированные глаза:

– Ха! Тогда бы он позвал на помощь. Пока ты разбирался с силовиками, он убежал бы обратно в безопасные комнаты членов клуба, куда тебе вход воспрещен. Все равно неудача. Абсолютное отсутствие подготовки – и это в месте, которое, как ты утверждаешь, ты знал как свои пять пальцев. Ты должен был помнить о защитных чарах. Ты мог бы придумать более убедительную историю прикрытия. Они с порога поняли, что у тебя нет никакой магии, кроме нас и той древней безделушки в твоём кармане. Ты мог бы придумать историю получше. Я могла бы придумать ее даже во сне!

– Тогда почему ты этого не сделала, сестрица? – рявкнул я, глядя ей в глаза. – Ты только и умеешь, что придираешься и критиковать. Я думал, ты участвуешь в нашем деле. Но ты предпочитаешь придираешься ко мне, а не помогать!

Глядя на гравировку Асти, можно было подумать, что та выполнена на граните, а не на золоте.

– Смертный, ты потерпишь неудачу или добьешься успеха, только действуя самостоятельно. Ты можешь попросить нас о помощи, но мы не станем вмешиваться и спасать тебя от... твоего жалкого отсутствия стратегии. Буирни предложил свою помощь, но ты ее отверг. В таких обстоятельствах я не вижу необходимости предлагать тебе свою.

– На мой взгляд, в целом его подход был правильным, – вставил Эрзац.

– Спасибо, – сказал я.

Но Меч еще не закончил меня критиковать.

– Но даже в этом случае ты не приложил достаточно усилий. У тебя сильный характер, почему ты не использовал его?

– Или обаяние! – пискнул Буирни. – Чуть больше дружелюбия не помешало бы.

– Ладно, я понял, – сказал я, жестом приказывая им заткнуться. – Сколько можно на мне ездить! Я не обязан оправдываться перед вами за свои действия. Да, эта попытка провалилась. Но мы еще живы, и Калипса тоже. Если только я не спрошу ваше мнение, держите свои комментарии при себе. Я вернусь туда, даже если мне придется вступить в поединок со всей командой. Я поймаю этого Фрума. – С этими словами я хрустнул суставами пальцев. – Пойдемте.

– Бесплезно, – весело сказала Келса. – Он ушел. Исчез, как только мы заспорили.

Я разинул рот:

– Почему же ты ничего не сказала?

– Ты жутко злишься, когда я перебиваю тебя, но я серьезно думаю, дорогой Ааз, что тебе следует избавиться от этой дурной привычки, поскольку она нередко противоречит тому, что тебе нужно знать в определенные психологические моменты...

– Не важно, – огрызнулся я.

– Видишь? – сказала Асти. – Калипса, дитя, в будущем слушайся нас. За нашей спиной бесценный тысячелетний опыт. Этот изверг уже не раз вводил тебя в заблуждение. Времени осталось в обрез. Не трать его зря.

– Вот-вот, – рыкнул я. – Я готов терпеть, когда вы четверо грызетесь между собой, но я жутко устал, мне надоели ваши придирки, когда я стараюсь изо всех сил. Забудьте. Не хочу брать с собой никого, кроме Келсы.

Келса моргнула огромными желтыми глазами.

– Я польщена!

– Вот не надо. Не будь от тебя пользы, я бы даже не посмотрел в твою сторону. – Я обменял футляр с Асти на сумку для боулинга Тананды, в которой лежала Келса. – Я пойду за Фрумом без вас. Встретимся в харчевне на Ори, – сказал я Тананде.

Она взяла меня под руку и прильнула ко мне. Я с подозрением посмотрел на нее. Я был страшно зол и не хотел попусту тратить свою злость.

– Ты не можешь вот так взять и уйти, Ааз, – сказала она.

– Еще как могу, – возразил я. – У меня есть И-Скакун. С его помощью я вмиг догоню этого парня. Я лучше работаю в одиночку. – С этими словами я вытащил из кармана мой гаджет.

– Нет, – сказала Тананда.

– Что? – взревел я. – Я всегда работал один!

– Но не лучше, – сказала она, с легкой усмешкой в уголках рта. Она забрала у меня Келсу и передала ее Калипсе, которая стояла в ярких лучах Клика. Тананда отвела меня в сторонку.

– Дело ведь не только в том, сколько нытья и придирок ты терпишь от сокровищ Золотого Клада, не так ли? – тихо сказала она. – Я тоже скучаю по Скиву. Но я еще ни разу не видела, чтобы ты думал интенсивнее или работал эффективнее, чем когда ты пытался соответствовать тому образу, который сложился в его кудрявой головушке.

– Драконий навоз, – ощерился я. – Может, мне просто надоело, что другие критикуют все, что я ни сделаю. Вы, женщины, вечно пытаетесь найти более глубокое объяснение простым вещам.

Ее улыбка растянулась в широкую ухмылку.

– Может быть. Драконий навоз реален, как и то, о чем я говорю. Знаешь, почему он вернулся в Пент?

– Он устал от нас, – сказал я, небрежно махнув рукой. – Я знаю, что он чувствует. Когда я слишком тесно сотрудничаю с кем-то, у меня развивается клаустрофобия. Я к этому не привык. Вероятно, он чувствовал, что больше не в силах выдерживать это давление. Вот и я чувствую себя точно так же.

Танда покачала головой:

– Не надо мне лгать. Он вернулся, чтобы доказать, что достоин работать с нами. Как будто мы могли соответствовать его стандартам. Признайся честно, ты одновременно и гордишься Скивом, и завидуешь ему. Он в большей степени реалист, чем я когда-либо могла подумать, после той первой встречи на Базаре, когда мне ничто не мешало украсть все кости из его наивной тушки и он этого даже не заметил бы, но у него есть этот сияющий образ нас с тобой как его лучших товарищей. *Партнеров*. Это слово теперь имеет для меня особое значение. Помимо Корреша, я почти никогда не доверяю никому, с кем работаю, но я доверяю всем вам,

и я поняла, что вам стоит доверять, потому что Скив на многое открыл мне глаза. Ты даже не веришь, что достоин доверия, потому что вечно думаешь о том, какой ты жадный.

Асти играет на этом, и это обидно, не так ли? Но для извергов это естественно, тут нечего стыдиться. Скив принимал это во внимание, и я тоже. Ты отталкиваешь нас, хотя мы идеальные напарники. Ты почему-то вбил себе в голову, что, если Скив помахал нам ручкой, это значит, что тебе больше не с кем тусоваться. Но он этого не сделал. Он велел уйти в первую очередь себе самому. Думаю, он надеялся, что остальные из нас останутся вместе. Но признай, Ааз, он был своего рода клеем. В моей профессии нельзя слишком привязываться к кому бы то ни было, но я привязана к нему. Он мне как родной, да и ты тоже. Итак, кузен, ты намерен пошевелить мозгами и взять нас с собой или собираешься пойти туда один?

Терпеть не могу, когда мои личные чувства вытаскивают наружу и швыряют мне в лицо, как свадебный торт, но, как сказала Тананда, она старый друг и знает меня как облупленного. Меня неприятно задело, когда Эрзац намекнул, что, мол, у смертных нет и не может быть такой крепкой дружбы, как у них, во что по большому счету с трудом верилось, потому что они все время цапались.

– Хорошо, – сказал я, сохраняя видимость сопротивления. – Но если ты пойдешь со мной, очень прошу мне не мешать.

– Постараюсь. – Она схватила меня за уши и крепко поцеловала в губы. – То-то же, Ааз, – сказала она. – Давай, Калипса, пошевеливаемся!

БЭМС!

Контраст между Вейгасом и Томбургом был настолько резким, что я было подумал, что мы перескочили из цветного мира в черно-белый. Там, где неон расцвечивал не только здания, но и одежду жителей Вейгаса, жители Томбурга, сидевшие, сгорбившись над книгами за письменными столами в кабинках вокруг меня, были все как один облачены в блеклые, землистого цвета одежды, что хорошо сочеталось с пропахшими плесенью томами на ближайших полках. Мы были в тесноте. Танда и Калипса оказались буквально прижаты друг к другу.

– Где он? – спросил я у Келсы.

– Тсс! – К моему лицу вплотную придвинулась чья-то круглая физиономия. С пальцем, прижатым к губам известным каждому жестом. Я отпрыгнул. Лишь долгий опыт удержал меня от того, чтобы от неожиданности не врезать ему между глаз кулаком. Но как только я сориентировался, я понял, что не прочь это сделать. Вот уж не думал, что круглое лицо можно сморщить в такую гримасу неодобрения. Владелец лица был цилиндрической формы, как минимум с девятью парами рук и ног, росшими по всей длине тела.

– В чем, черт возьми, твоя проблема, Буб? – рыкнул я.

Указательный палец отодвинулся от пухлого личика и ткнул в табличку на колонне между двумя высокими шкафами, до отказа набитыми книгами.

ТИШИНА, гласила эта табличка. Для пущей убедительности указательный палец постукал по ней несколько раз.

– Что это, монастырь?

Пухленькое существо покачало головой. Я огляделся по сторонам. Книжные полки позади меня были не единственными. Более того, казалось, что они тянулись вдоль прохода, в котором мы стояли, почти до бесконечности. Стоило мне обуздать свой гнев и прислушаться, как я услышал дыхание десятков невидимых существ, шелест переворачиваемых страниц, ученических, склонившихся над книгами в невидимых кабинках. Мы были в библиотеке. Я повернулся к Тананде и Калипсе:

– Что за?..

– Тсс!

Я хмуро посмотрел на библиотекаря, но все же понизил голос:

– Что за подлые уловки?!

– Что я тебе и говорила, – сказала Келса, в кои веки без обычной издевки. – Ты найдешь Пейджа здесь, среди его братьев по полкам!

– Ты говорила не это, – напомнил я ей.

– Но что-то в этом роде. Какая разница? Он здесь. Осталось лишь поймать его. Я это предвидела!

– Ты много чего предвидишь, – буркнул я. Книжный червь за моей спиной снова цыкнул на меня.

– Ладно, – выдохнул я. – Буду говорить шепотом!

Червь кивнул и медленно пополз прочь, для того чтобы приструнить другого посетителя.

– Где именно он находится? – спросил я Келсу. – Нет, не говори. Покажи мне.

Хрустальный шар затуманился, затем прояснился. В его глубине я увидел еще один ряд книжных полок, идентичных тем, что были позади нас.

– Это не поможет, – шепнула Калипса. – Они все похожи.

– Не совсем, – прошептала Тананда в ответ. – Смотри! Он стоит под табличкой с буквами «Фе-Фи». Похоже, ему нравится стоять рядом со своими инициалами.

Я усмехнулся:

– Тогда пойдем и сделаем этому Фруму большой-пребольшой Фо-Фум! Я устал играть с ним в догонялки по всем измерениям. Мы разделимся и окружим его.

Я взглянул вверх. Местные особи, похожие на книжных червей-переростков, не просто ползали по проходам. Я видел, как они, просматривая ряды обложек, цеплялись за края полок и даже за потолок.

– Сможешь забраться туда? – спросил я Тананду.

– Как два пальца, – ответила она, быстрым гибким движением взобралась на ближайший ярус и исчезла наверху.

– Затем ты прыгнешь на него сверху. Я зайду справа. Калипса, ты зайдешь слева. – Я наклонился и ткнул указательным пальцем в лицо Буирни. – Один писк, и ты станешь у меня U-образным изгибом под моей раковиной, с дырками или без оных. Усёк?

– О, я понял, – ответил тот. – Я буду пиано пианиссимо.

– Никакого пиано. Ни единой ноты музыки, пока мы не выйдем на улицу. Не хватало мне, чтобы нас выбросили отсюда. Идем.

– Я могу усыпить всех в библиотеке, – предложила мне Асти, когда я на цыпочках прошел мимо полок «До-Ду». – У меня есть чудесный снотворный газ, который тотчас свалит любое дышащее существо.

– Нет, спасибо, – ответил я. – Только не сейчас, пока Тананда на потолке. Но ты можешь прыснуть им во Фрума, если мы сумеем подобраться к нему достаточно близко. Просто постарайся уберечь меня от твоего чудо-газа, договорились?

– Ааз, у меня в этом деле тысячелетний опыт!

– Если честно, лично я предпочту опытному ветерану удачливого новичка, – огрызнулся я.

Не знаю почему, но в библиотеке меня всегда клонит в сон. В воздухе не только слышны тихие шорохи, но и сам воздух застыл, как стекло. В окна лился солнечный свет, в залах стояло приятное тепло, а запах старых книг действовал на мой организм как снотворное. Меня так и тянуло вцепиться себе в щеку, чтобы не заснуть.

Я удостоился нескольких раздраженных и нескольких удивленных взглядов, пока пробирался к букве Ф. Но присутствующие не проявили никакой нервозности в отношении извергов, что, на мой взгляд, является признаком интеллекта. Обычно мы нападаем, только если нас провоцируют. Или оскорбляют. Или если мы голодны.

Мой острый слух сообщил мне, что Тананда, перелезая через штабеля томов, из последних сил пытается удержать Келсу от болтовни. Эрзац шепотом давал Калипсе советы, пока та обходила Фрума с правого фланга.

Я осторожно двинулся вперед, высматривая, не мелькнет ли где черная шерсть. Я так и не смог хорошенько рассмотреть нашу добычу ни в одном из двух измерений, через которые мы только что гнались за ним, но вероятность того, что здесь, в публичной библиотеке в Томбурге, окажется еще один пикин, была ничтожной, а то и нулевой. Я слышал вокруг себя тихое дыхание читателей и прочих посетителей, пришедших поводить носом между книг, за исключением одного пожилого книжного червя в углу, который громко сопел. Я ухмыльнулся ему, проходя мимо.

Выпученными на стебельках глазами он читал какой-то роман. Как только я отключился от его сопения, как услышал, что рядом работает еще один дыхательный аппарат. Этот – громко *сипел*, но не от похоти, а от страха. Не иначе как наш парень. Я на цыпочках двинулся дальше.

Я обошел следующий ряд книг. Вот он! Подобно его соплеменнику и другу-плиточнику, вместо лица у него был перевернутый треугольник, заросший черными волосами. Одет он был в длинную коричневую мантию, перехваченную в талии ремнем, на ногах – пара ботинок, которые скорее подходили для зависания в барах, чем для дальних походов. Прижавшись спиной к полкам, он посмотрел налево, затем направо. На левом плече у него висела огромная сумка, в которой вполне мог поместиться драгоценный фолиант из чистого золота. Я отступил, чтобы он меня не увидел.

Затаившись в тени, я перебрал свои варианты. Я никак не мог замаскироваться под местного жителя. Заверни я за угол, он бы просто сбежал в другом направлении. Я не слышал Эрзаца, значит, Калипсы еще не было. Я искал глазами Тананду. В зависимости от движения наверху полки, ей, чтобы добраться сюда, может потребоваться какое-то время.

И тут меня осенило. Я проскользнул в проход позади этого типа и направился к противоположной стороне ряда полок. Если в самый удобный момент нырнуть вперед, я смогу схватить его сзади и не отпускать, пока кавалерия, так сказать, не поднимется наконец на холм. Я впился взглядом ему в затылок, присел и приготовился к прыжку.

– Чем могу помочь? – спросил меня приятный голос. Это ко мне незаметно подкралась дама – книжный червь.

– Тихо! – рявкнула Асти. – Он пытается устроить засаду.

– Покорно благодарю! – рявкнул я. Звук наших голосов насторожил Фрума. Перед тем как он бросился вправо, я заметил в его глазах испуг. Оттолкнув непрошеную помощницу в сторону, я пустился в погоню. – Зачем ты это сказала?

– Но ведь мы не нуждались в ее помощи, не так ли? – раздраженно огрызнулась Асти. – Она могла предупредить его о нашем присутствии!

– То есть ты сделала это ради меня? Огромное спасибо.

– Тсс! – прошипели несколько книжных червей, цепляясь за стены. Я ускорил темп. В тишине шаги пикина были прекрасно слышны. Он то и дело нырял в проходы между полок, то вправо, то влево, надеясь сбить меня со следа, но это плохо ему удавалось.

Когда я пересекал проход, над моей головой, словно белка, прыгающая с дерева на дерево, промелькнула тень. Тананда подмигнула мне и указала влево. Я двинулся вправо. Нужно было загнать Фрума в угол, прежде чем тот успеет выскочить за дверь.

Внезапно шаги прекратились. Я остановился посреди длинного коридора. С одной его стороны тянулись полки пыльных коричневых томов толщиной в три дюйма, с другой – окна. С первого взгляда я понял, что мы на втором этаже, над улицей. Тананда снова взлетела на полки, и шаги возобновились. Я развернулся и бросился в погоню.

Я помчался к ближайшему перекрестку проходов. В центре стояла небольшая группа книжных червей, державших книгу размером с кровать. Фрум выскочил из коридора напротив.

Заметив меня, он выпучил глаза и бросился влево. Я был вынужден кувырком перелететь через открытую книгу, чтобы броситься за ним вдогонку.

– Ой! – запротестовала Асти, когда я вскочил на ноги. – Ты это полегче с приемчиками дзюдо, ладно?

– Если только у тебя нет летающего зелья, я должен постоянно двигаться, детка, – сказал я.

– Я непременно его сварю, обещаю, – ответила она. – Просто перестань меня пихать!

Фора, которую получил Фрум, помогла ему оторваться от меня, но не от Танды. Я свистнул, и в ответ услышал пронзительный свист, который донесся примерно через пять рядов полок. Лавируя между посетителями библиотеки, я бросился на свист напарницы. Вскоре Тананда свистнула снова. Звук был ближе. Я посмотрел вверх.

– Куда он побежал? – спросил я.

– Тсс! – зашикали на меня читатели.

В этот момент мимо нас через ближайший поперечный ряд промелькнуло черно-бурое пятно. Мы переглянулись и бросились за ним вдогонку. Но где же Калипса?

Впереди маячил зигзагообразный знак, универсальное обозначение лестницы. Фрум устремился на первый этаж. Я прибавил скорости. Не хотелось бы иметь дело с охраной, если та в этом месте имеется. Поганец оказался довольно шустрым и в два счета оторвался от меня.

Неожиданно полки с книгами закончились, и моему взору предстало открытое пространство с перилами лестницы в дальнем конце. Я увидел Фрума, с толстой сумкой на ремне и все такое прочее. Он бежал впереди меня. Но внезапно резко остановился и вскинул вверх руки. Я тотчас поспешил наверстать упущенное. Тананда спрыгнула с полок и бросилась за мной следом.

Глава 16

Как только я поравнялся с ним, я понял, почему он остановился. Наверху лестницы стояла Калипса. Она вытащила Эрзац и нацелила острое под его дрожащий подбородок. Фрум посмотрел на меня и вновь на нее.

– Пожалуйста! Прошу вас, не трогайте меня! – взмолился он.

– Спокойно, дитя, спокойно, – сказал Эрзац. Калипса, похоже, была напугана не меньше пикина, но крепко сжимала в обеих руках Меч. – Он не представляет для тебя угрозы. И никуда не сбежит. Используй меня как средство устрашения, но не как оружие. Не наклоняйся вперед, иначе ты проткешь ему горло.

– Спасите! – замычал Фрум. Кожа под мехом отчетливо позеленела.

– Я пытаюсь, – сказала Калипса, хотя тряслась не меньше, чем сам Фрум. Острие Меча ходило ходуном вверх и вниз. Я просунул под него палец и чуть приподнял.

– Ах, вот ты где, друг Ааз! – воскликнул Эрзац.

– Как ты узнал, где его искать? – спросил я.

– Эрзац догадался, – сказал Калипса. – Он велел мне отвести его к плану этажа. И всего лишь взглянув на схему, сказал, что Фрум, вероятно, побежит к этому месту. Что тот и сделал. Я исполнила Танец Скорости, чтобы привести нас сюда, опередив Фрума. Мне есть чему поучиться у Эрзаца! – Она с благоговением посмотрела на клинок. Тот скромно потупил темно-синие глаза.

– Я лишь предлагаю свои скромные таланты, если вижу, что им есть применение.

– Хорошая работа, – сказал я и повернулся к съезжившемуся беглецу: – Мы пришли за Пейджем. Отдай его нам. Немедленно.

Трудно одновременно выглядеть напуганным и бросающим вызов, но у Фрума это получилось. Он выпятил острый подбородок.

– Т-т-ты не можешь его получить.

– Послушай, – прорычал я. – Я не за тем гнался за тобой через три измерения, чтобы услышать «нет». Может, дня три назад я и был склонен к переговорам и даже готов предложить тебе что-то взамен, но это времечко, как говорится, тю-тю. Фолиант у тебя. А нужен он *нам*. Быстро гони его сюда. – Я протянул руку.

Фрум с видимой неохотой снял с плеча толстый ремень и передал мне сумку. Я схватил ее.

– Вы не имеете никакого права, – заявил он. – А вот я имею право на свой исходный материал. Вы мешаете моей работе!

– Вот как? – спросил я, глядя ему в глаза. – А по-моему, ты вмешиваешься в жизнь деда этой юной леди. А это будет поважнее твоей карьеры.

– В его жизнь? – переспросил Фрум. Внезапно он показался мне менее раздраженным и испуганным, зато в глазах его промелькнул интерес. – Можно чуть подробнее?

Калипсу не нужно было упрашивать, у нашей девочки тут же открылись все шлюзы.

– Видишь ли, мой дед – великий Калипсо...

Я открыл сумку и вытащил книгу, которую нашел внутри.

– Вот, – злорадно произнес я, помещая ее в поле зрения Асти. – Снова скажешь, что я облажался?

– «Чушь и брехня. Отчет о моих годах в качестве деревенского дурачка в Королевстве Руизмотто», – прочла Асти на корешке. – Да, я согласна, это вполне может быть историей твоей жизни. Это не Пейдж.

– Что? – удивился я и посмотрел на книгу.

– Кроме того, у него литая золотая обложка, – напомнила мне Асти. – Это же – сафьяновая телячья кожа отвратительного зеленого оттенка. Издан, я бы сказала, лет пятьдесят тому назад, судя по запаху.

– Я бывал в Руизмотто, – пискнул Буирни. – И знаю песню о королеве, правившей пятьдесят лет назад. У нее был очень большой нос. Хотите послушать?

– Нет! – рявкнул я.

– ...И чародей Баррик оказался плохим соседом, тираном, который терроризировал нас...

Я снова сунул руку в сумку. И верно, там был еще один том.

– Эта штукавина просторнее, чем кажется. – Я вытащил и его. На блестящей черной кожаной обложке серебром было написано «Том III».

– Не то.

Я продолжил вынимать книги из сумки Фрума. Похоже, та была бездонной. Чего в ней только не было – и пространные личные отчеты, и истории, сборники стихов, легенд и мифов. Затем я вспомнил пыльные полки в его кабинете на Пикине. Я сердито посмотрел на Фрума.

– Тебе пришлось захватить с собой всю коллекцию книг? – спросил я.

– Я... – Фрум сглотнул. Я заметил, что он еще довольно молод. – Отчет о ваших победах в Золотой Книге вселял ужас. Я просто испугался возвращаться. Ты намерен вырвать мне кишки и завязать их узлами?

– Только если я не найду того, что ишу, дубина, – сказал я. Мне не хватило места на столе, и я складывал книги по полу. – Где он?

– Его здесь нет, – сказала Келса.

– С чего ты взяла? – огрызнулся я, вытаскивая весь комплект энциклопедии, по одному толстому тому за раз. За ней последовали «Полное собрание приключений Крошки Немо», книжки изврских карикатур, «Кулинарная книга Юной Драконши» и не менее пятнадцати руководств о том, как писать рассказы.

– Мой любезный Ааз! Это все обычные книги. Здесь нет ни одного магического текста. Это сборники рассказов. Романы.

– Хватит водить меня за нос! – Я встряхнул Фрума. – Где она?

– Я никогда не скажу вам, где спрятал Золотую Книгу, – заявил он, с вызовом тряхнув головой. – Я лучше умру.

Я вплотную приблизил лицо к его лицу.

– Это легко устроить.

– Золотую? О, я ее видела, – сказала Тананда. – Так это был Пейдж?

Она поспешила обратно к последней нераскученной полке и поднялась на второй ярус. Фрум тотчас сник.

Тананда поднапряглась и сжала пальцы вокруг толстого тома. Теперь, когда я смотрел в нужном направлении, я и вправду увидел проблеск золота.

– В чем дело? – спросил я.

– Я не могу его вытащить!

– Это как понимать, ты не можешь его вытащить? Наверно, он просто слишком тяжел, чтобы вытянуть одной рукой.

– Нет, он вообще не двигается.

– А вот и они! – объявил нежный голосок.

Это вверх по лестнице прокрался какой-то книжный червь и поднял верхнюю часть своего тела, указывая в нашу сторону. Вокруг него появились еще несколько других его собратьев, одетых в униформу с золотой тесьмой на фуражках, и взяли нас в плотное кольцо. Целый отряд собрался вокруг Тананды и, прежде чем она сумела взобраться на верх полки, повел ее прочь.

– Итак, – прошептал их начальник, поднявшись и глядя мне прямо в лицо. – Вы нарушаете покой этого заведения. Вы обязаны немедленно уйти.

– Мы еще не можем уйти, – сказал я. – Мне нужна книга!

– А по-моему, у вас есть все книги, которые вам нужны, – возразил он. – Когда вы закончите их читать, возвращайтесь. Но только тихо! А пока, будьте добры, уходите, или нам придется применить силу!

– По крайней мере, разрешите нам взглянуть на книгу вон на той полке, – сказал я. Эти персонажи не производили впечатления силачей. Я подумал, что как только мы снимем фолиант с полки, то сможем воспользоваться И-Скакуном.

– Это исключено, – заявил библиотекарь, пока его помощники запикивали коллекцию Фрума обратно в его сумку. – Все книги на наших полках становятся частью нашей постоянной коллекции. Их можно получить только по читательскому билету. Выведите их отсюда, – приказал он охранникам.

Работая на Калипсу, я не раз подвергался атакам подобного рода и не собирался допустить, чтобы это повторилось снова. Стряхнув с себя все эти крошечные ручонки, я с достоинством спустился по лестнице впереди книжных червей.

– Вы совершаете ошибку, – заявил я. – У нас есть разрешение находиться здесь. Мы снимаем об этом месте документальный фильм. Вы только что удостоились роли законченного злодея. У вас есть шанс заставить нас изменить свое мнение.

– Тсс! – в унисон зашипели охранники.

– О, позвольте мне получить эту книгу! – взмолилась Калипса, но они вытолкали и ее. Нас вывели в фойе. Длинные очереди книжных червей ждали у стола, чтобы библиотекарь занес выбранные ими книги в их формуляры.

– Если вы не послушаете меня, я буду танцевать до тех пор, пока вы не начнете умолять меня не делать этого! – сказала она и вскинула руку.

Я схватил ее.

– Лучше сделай это снаружи! – сказал я и кивнул в сторону двери. Она вытаращила глаза, но затем кивнула и расслабилась. Черви вывели нас на улицу и, брезгливо отряхнув руки, оставили там. Фрум споткнулся и, прижимая сумку к груди, полетел в сточную канаву. Рядом с нами, взвизгнув тормозами, остановился автомобиль в форме чаши с тремя книжными червями в нем. Водитель погудел Фруму клаксоном, вернее пропищал, так как звук рожка был скорее похож на писк возмущенной канарейки. Фрум снова вылез на тротуар и направился ко входу.

– Я возвращаюсь за Пейджем, – заявил он. – Я объясню, что это ошибка. Вы не сможете меня остановить!

– Это кто сказал? – рыкнул я, бросаясь за ним следом. – За Пейджем возвращаюсь я! А тебя я переброшу через вон то здание!

– На глазах у всех этих людей? – сказал Фрум. – Да они сомнут тебя, прежде чем ты ударишь меня дважды. Это самая законопослушная цивилизация. Я намерен забрать свою книгу! – Он повернулся, чтобы открыть дверь. Я прыгнул и перегородил ему путь. Он попытался обойти меня. Я железной хваткой схватил его за руку.

– Потанцуем? – спросил я. – Буирни, начинай!

Пронзительный звук флейты заставил всех, включая Фрума, обернуться. Влетев на высоту примерно двадцати футов, Клик, софит, направил на Калипсу свой самый яркий свет. Барабан начал отбивать похотливый ритм.

– Покажи им, на что ты способна, девочка! – сказал я.

Взмахивая руками словно крыльями, Калипса закружилась под музыку. В мгновение ока ее Танец Завораживания привлек внимание прохожих. Пухлые круглолицые книжные черви толпились и толкались, чтобы получить беспрепятственный обзор. Похожие на чаши автомобили как будто приросли к месту. Их пассажиры выскользнули на тротуар, чтобы присоединиться к быстро растущей толпе. Чтобы посмотреть на Калипсу, книжные черви карабкались на стены и фонарные столбы.

Со своей стороны, Калипса умело манипулировала аудиторией. Грациозно проплывая мимо толпы зевак, она флиртowała с парнями в первом ряду и даже пернатými руками щекотала им подбородки. Она задействовала в своем танце Эрзаца. Повращав сверкающим клинком над головой, она затем опустила его и ласково погладила. Дети восторженно глазели на нее. Заметив это, возмущенные матери поспешили одной рукой закрыть своим чадам глаза. Я тоже смотрел на нее, разинув рот, наслаждаясь каждым ее движением. В эти минуты все на свете отошло на второй план. Была лишь эта стройная девушка-уолт и ее танец.

Внезапно за уголок моего рта зацепился чей-то палец и повернул мою голову. Я обнаружил, что смотрю в глаза Тананде. Моя напарница покачала головой:

– Не можешь не пялиться на красивую девушку, а?

– Спасибо, – сказал я.

– Не за что. Она хороша, правда?

Произведенный на Фрума эффект оказался именно таким, как я и надеялся. Волшебник-пикин прекратил попытки оторваться от меня. Разинув рот, он во все глаза смотрел на Калипсу. Я отпустил его и подмигнул ей, стараясь не слишком пристально следить за ее движениями.

– Держи его там, пока я не вернусь, – сказал я Тананде. – У меня есть идея.

– У тебя есть идея? – спросила Асти, когда я толкнул дверь. – Это стоит заголовка.

– Заткнись, – рявкнул я с превеликим удовольствием. – Мы входим в библиотеку.

Я уверенно подошел к столу. Если самец томбургской лани удивился, что к нему обратился изверг, то он хорошо это скрыл. Я одарил его своей самой приветливой улыбкой.

– Добрый день, – вежливо сказал я. – Я хочу подать заявку на читательский билет.

Через открытую дверь внутрь с улицы проникли аплодисменты и восторженные вздохи. Библиотекарь за столом поправил на мясистом носу толстые очки и посмотрел через мое плечо.

– Что там происходит?

– Кто знает? – сказал я. – Так могу я подать заявку?

В мгновение ока я стал гордым обладателем читательского билета Главной библиотечной системы Томбурга. Пару минут спустя я был на площадке, где Фрум положил Фолиант. Тот соскользнул с полки мне в руки, как говорится, без шума и пыли. Через две минуты я стоял в очереди у стола. Тот же библиотекарь, у которого я только что получил мой читательский билет, выдал мне его домой.

– Вы можете держать его столько, сколько пожелаете, – сказал он. – Если вдруг на него возникнет межбиблиотечный запрос, мы используем наш хрустальный шар, чтобы найти вас.

– Давайте, – беспечно ответил я. – Хорошего вам дня.

Выйдя на улицу с Фолиантом под мышкой, я помахал Калипсе и Тананде.

– Он у меня! – крикнул я.

Последним грациозным вращением Калипса вложила меч в ножны и закончила танец.

– А-а-а-а-а! – Толпа испустила вопль разочарования. Книжные черви озадаченно взглянули друг на друга и расползлись по своим делам. В считанные мгновения тротуар был свободен от всех, кроме горстки случайных прохожих.

Фрум несколько раз моргнул, затем пришел в себя. Увидев Фолиант, он схватился за него. Я вырвал его у него из рук. Он был выше меня, но слаб, как мартини в стрип-клубе.

– Сожалею. Он пойдет с нами.

– Вам это никогда не сойдет с рук, – задыхаясь, заявил он.

– Уже сошло.

– Но что я буду без него делать? – сказал Фрум. – Он подарил мне столько идей!

– Идей? – Настала моя очередь растерянно моргнуть. – Ты ведь волшебник. Используй силовые линии, как и все остальные.

– Волшебник? – озадаченно уточнил он. – Я не волшебник. Я рассказчик.

– Кто-о-о? – спросил я, опешив. – Мы думали, ты использовал Пейджа в качестве гримуара. Ты ведь член Клуба Магов.

– Нет, нет! – воскликнул Фрум. – Я показываю фокусы. Это делает мои выступления интереснее. Пейдж научил меня прыгать по измерениям. Это так легко, что на это способен каждый.

– Не каждый, – прорычал я.

Фрум, казалось, не заметил.

– Пейдж – великий учитель. Он нечто большее, нежели обычный гримуар! Он полон удивительных историй, корни которых уходят в глубь тысячелетий. Воистину поразительных историй. Многие из них имеют отношение к Золотому Кладу. – Он посмотрел на Эрзаца и Келсу: – Это ведь некоторые из сокровищ, не так ли? Я узнаю их по его описаниям. Они действительно столь чудесны, как гласят легенды?

– Тссс! – рявкнул я, оглядываясь на пешеходов, проходивших мимо нас с обеих сторон. – Да, это так. Но не нужно бульварных заголовков.

– Поразительно, – задумчиво произнес Фрум, не в силах оторвать от них глаз. – Я всегда вёл очень тихую размеренную жизнь. Все, что я делаю, это сижу в маленькой комнате и сочиняю истории, которые продаю, чтобы заработать себе на жизнь. Лично со мной ничего не происходит. Однажды в поисках вдохновения я пошел в пещеру, чтобы написать рассказ о подземных ужасах, и нашел его там, на полке, сияющего, как...

– Как маяк в ночи? – договорил я.

– Да! Тебе следует стать писателем. Пейдж был моим лучшим источником материалов, лучше, чем любая другая книга за всю мою жизнь. Я был невероятно продуктивен, а он давал

отзывы на мои сочинения. Когда я прочел в его архивах, что вы придете за ним, скажу честно, я запаниковал. Я собрал все, что у меня было, и сбежал. Он больше, чем просто сокровище, он мой друг, мой наставник! Ты уверен, что ты... не вернешь его мне?

– Извини, малыш. Где-то найдешь, где-то потеряешь.

Фрум мгновенно сник.

– Как я могу пойти на Сейлеманорский фестиваль без него?

– Если наша погоня за тобой через измерения не дала тебе материала для потрясающего эпоса, – сказала Тананда, – значит, ты просто не можешь быть хорошим рассказчиком.

– Не говоря уже о горе, случившемся с Калипсой, – добавил я. – И ты только что встретил четырех других членов Золотого Клада. Там в библиотеке к твоему горлу был приставлен Эрзац, Великий Меч.

– Я... – Фрум посмотрел на каждого из нас. Похоже, до него начало доходить. – Это он? Значит, у меня **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** было собственное приключение, не так ли?

– Еще какое! – сказала Тананда, бочком пробираясь к нему, с улыбкой, призванной сразить его наповал. – И ты можешь сказать своим слушателям, что бросил вызов могущественному Аазу, одному из самых крутых и ловких парней, которые когда-либо жили на Извре, и что ты победил его два раза из трех.

– Эй, минутку! – сказал я. – Кто это вообще говорит?

– Как кто? Фрум, конечно – ответила Тананда, подмигнув мне, и провела пальцами по рукаву его мантии. – Разве не так?

Похоже, у него случился приступ сухости во рту.

– С какой стати я... как я могу ответить отказом? Да, получится чудесное повествование! Я стану хитом фестиваля. Что... как ваше имя, прекрасная леди?

– Тананда, – ответила троллина, – убедитесь, что правильно его записали.

Пикин уже копался в своей вместительной сумке в поисках пера и блокнота.

– И что вы такое исполняли, что я буквально прирос к месту, мисс Калипса? – спросил он.

– Танец Завораживания, – сказала она.

– Это было... это была фантастика, – сказал он, восхищенно на нее глядя. – Удачи вам в освобождении вашего деда.

– Спасибо, – скромно сказала она. – Вы проявили любезность, позволив мне взять Пейджа.

– Всегда пожалуйста, – сказал Фрум. – Взамен прошу лишь одно: сообщить мне, чем все завершится. А потом берегись, Мориgrimский Фестиваль лучших рассказчиков. Пока!

И он исчез.

БЭМС.

Глава 17

– МОЛОДЕЦ, – неохотно буркнула Асти. – Это было почти великолепно.

Я шагал по главной улице Томбурга, выискивая глазами удобный переулок, в который мы могли бы нырнуть, чтобы не прыгать через измерения на глазах у толпы. Может, Фруму и нравилась публичная демонстрация магии, чего я точно не мог сказать о себе.

– Да, если подумать, наверно, это было довольно ловко, – сказал я.

– По шкале от глупого до гениального я бы дала тебе шесть баллов.

Я оскалился:

– Прекрати, сестрица! Кто еще помог собрать пятерых из вашего Клада, и всего за двадцать дней?

– Двадцать один, – внезапно подал голос Фолиант, находившийся у меня под мышкой.

– Хм, еще один делегат подал голос, – сказал я и перевернул толстый том, чтобы посмотреть обложку: самоцветы и нефрит складывались в картину грандиозного пейзажа, обрамляющего изображение большого мягкого кресла со светящейся лампой над ним. Я повернул его еще раз, чтобы взглянуть на корешок. Там, где у других книг сверху была эмблема издательства, у Пейджа имелось крошечное личико с сапфировыми глазами и кривым ртом в форме дингбата.

– Почему ты ничего не сказал Фруму перед тем, как он ушел?

– Ненавижу прощания, – признался Пейдж. – Предпочитаю счастливые концы.

– Кто сказал, что у этого не будет счастливого конца?

– Пейдж никогда не любил конфронтаций, – сказал Эрзац. – Это жутко раздражает. Он не станет даже защищаться в споре.

– Я не нужен Фруму, – сказал Пейдж. – Увы, я не смогу научить его большому количеству магических приемов, но он станет величайшим рассказчиком этой эпохи. У меня есть подтверждение в моих собственных будущих анналах. Смотрите страницу 2398, а также страницы с 3567 по 3582 включительно. Мне очень жаль. Меня не будет с ним, чтобы стать свидетелем его успеха, но я все равно буду знать о нем.

Келса, которая в своих диамантовых очках выглядела как издание «Ридерс дайджест» для близоруких, на мгновение затуманилась.

– О да, дорогой. Весьма успешен. Взгляни!

Я перевернул Фолиант и стал листать страницы, пока не нашел первое упоминание. И точно: на меня смотрела иллюстрация веселого лица Фрума, чуть более серого, чем я только что видел. Он восседал на подушке посреди моря поклонников. Картинка венчала статью под названием «Магическое слово». Ниже была приведена довольно обширная биография. Я даже заметил в середине текста свое имя. Я перешел ко второму сборнику, которому суждено было стать самым известным из всех литературных работ Фрума.

– Неплохая жизнь, – прокомментировал я.

– Если это сбудется, – сказал Фолиант. – Есть ничтожная вероятность того, что этого не произойдет, но я бы сказал, что его шансы превышают 98 процентов. Смотрите мой раздел «Статистика», глава 2, страницы с 6104 по 6106.

Внизу каждой страницы появлялся логотип с изображением лица Пейджа. Я обратился к тому, что на странице 3570.

– У тебя там записана *вся история*?

– О да, с того момента как меня переплели, я храню в себе архивы всех цивилизаций, даже тех, которые больше не существуют.

– То есть у тебя летописный запор, а? – спросил я. Все недоуменно посмотрели на меня, кроме Тананды. – Забудьте. А есть что-нибудь про то, как Калипса спасает своего деда?

– У меня есть бесконечное количество возможных результатов этого квеста, – сказал Пейдж. – Смотрите страницу 4000. Если развернуть вкладку, на ней представлена ветвистая диаграмма. Увы, слишком много переменных не дают мне отправить окончательное мнение в печать.

– Значит, твои страницы все время меняются?

– Естественно.

– Ты знаешь, что мы пытаемся сделать?

– Конечно, знаю. Я внимательно слушал рассказ Калипсы, когда она излагала его Фруму. Надо сказать, она ни на запятую не отклоняется от рассказа к рассказу. Даже я и то вряд ли мог сделать лучше.

– Спасибо, – сказала Калипса.

– Не за что. Что вовсе не означает, что я уже устал слышать это снова и снова, – продолжил Пейдж. – В своей главе «Убедительные повествования» я предлагаю время от времени

изменять темп и даже детали вашего рассказа – заметьте, не жертвуя точностью, но опуская одни факты и подчеркивая другие в зависимости от аудитории. В случае с Фрумом вам повезло, так как ему нужны ВСЕ подробности. Это сделало его весьма способным учеником. Я не смею даже надеяться найти другого столь же многообещающего рассказчика в этом столетии. Если только, – Пейдж пристально посмотрел на Калипсу, – у вас хороший слух, вы разговорчивы и определенно обучаемы. Не желаете получить ученую степень в области литературы?

– Отвали, книжка. Она моя протеже, – бросил ему Эрзац.

– Понятно. – Пейдж на мгновение замолчал. – Да, так написано в разделе «Текущие события» на страницах 300–600. Увы. Я не ожидал успеха, но на древе событий еще остались достойные ветви. Я должен все основательно изучить. Мне требуются тишина и покой!

– Послушай, ты намерен с нами сотрудничать или нет? – спросил я. – Ты отнял почти пять дней нашего времени. Если мы в ближайшие несколько дней не выберемся и не найдем Кошелек и Кольцо, дед Калипсы станет историей.

– Простите, – вздохнул Фолиант. – Просто я страдаю от информационной перегрузки. Иногда я просто не поспеваю за ней. Обещаю, я готов к сотрудничеству. Более того, я к вашим услугам. Если честно, я сам в ужасе. Я в курсе того, на что способны извращенцы. На моих листах полно отчетов, содержащих сведения, от которых свертываются страницы.

– Не стоит верить всему, что читаете, приятель, – фыркнул я. – Я никогда не мучил книгу, которая этого не заслуживала.

– Если я ошибся в фактах, я бы хотел их исправить. Мы выступаем против Баррика, который заключил Калипсу в тюрьму против его воли? Это не изменилось?

– Нет, – подтвердила Калипса.

– И каков план? Среди информации, которую я собирал о вас троих и о моих старых коллегах, я не нашел никакого плана.

– Плана нет, – твердо сказал я. – Мы собираем вас всех вместе. Мы отвозим вас к Баррику. Он освобождает Калипсу. Конец истории.

– Но... то есть вы собираетесь обменять лучшую силу, какую когда-либо знала вселенная, как будто мы собрание томов «Энциклопедии юного гнома»?

– Это меня не колышет, Буб. Я просто делаю то, что хочет эта юная леди.

Сапфировые глаза впились взглядом в Калипсу и снова в меня.

– Так посоветуй ей другое! Готовы ли вы к последствиям того, что произойдет, если мы попадем в руки тирана?

– О, как только сделка будет выполнена, он вылетит оттуда, как пушечное ядро, – сказала Асти. – Он не останется, чтобы увидеть результаты своих действий. Эта девушка *платит* ему, Пейдж. Вообще-то, это вина Эрзаца. Какой долг ты взял на себя?

– Сотня, чтобы освободить меня от торговца, который держал меня, – принялся перечислять Эрзац. – Затем возмещение затрат по изготовлению футляров...

Я устал вновь и вновь выслушивать эту литанию.

– Что плохого в обоюдовыгодной транзакции? – спросил я. – Ты для работы с нами пожелал модную суперобложку. Ты ее получил. Я жду ответную услугу. – Я повернулся к Фолианту: – Келса сказала, что ты знаешь все заклинания во вселенной.

– Если так написано, значит, знаю, – заявил Фолиант без тени скромности. – В настоящий момент ты мой хозяин, поскольку извлек меня из библиотеки. Какое заклинание ты желаешь знать?

Мне было неприятно повторять это вслух, но передо мной было одно из двух сокровищ, способных, как обещала Келса, мне помочь.

– Я потерял свои магические силы. Я хочу их вернуть. Какое заклинание их восстановит?

– Не так быстро, не так быстро! – Фолиант зашуршал страницами. – Все не так просто, как кажется! Мне потребуется знать все, что нужно знать об обстоятельствах, связанных с утратой

вами магических способностей. Затем мне придется просмотреть мои указатели, чтобы найти подходящее заклинание и списки ингредиентов для зелий и прочего, что произведет исцеляющий эффект. Вы можете рассказывать мне все, пока мы будем в дороге, потому что я вижу в своих анналах, что Келса готова указать нам направление, чтобы найти нашего следующего коллегу.

– Ты почти прозрел истину, дорогой! – воскликнула Келса. – И, конечно, ты прав. Я постоянно забываю, что глубина твоей учености простирается как в будущее, так и в прошлое. Конечно, это не так хорошо, как быть провидцем, но ты делаешь весьма обоснованные предположения.

– Разве в тебе не хранится вся история? – спросил я, прерывая неизбежный словесный понос Келсы. Дингбат Пейджа перевернулся вверх тормашками и превратился в некое подобие хмурых бровей.

– У меня есть краткий пересказ, но мне нужна каждая деталь, какую только вы сможете вспомнить – запахи, освещение, впечатления, – своими словами, конечно же.

– Давай, Ааз, – ободряюще сказала Тананда. – Разве тебя убудет, если ты расскажешь это еще раз? Вдруг он будет последним.

Я не горел желанием снова перечислять обстоятельства, лишившие меня магических сил, но, похоже, выбора у меня не было. Сердито посмотрев на Танду, я глубоко вздохнул и начал:

– До того дня Гаркин мне всегда нравился. У него было такое же чувство юмора, как и у меня...

Глава 18

– Подайте, мистер, подайте! – Еще одно тощее, коричневое, похожее на жабу существо схватило меня за лодыжку. На нем были только набедренная повязка и потрепанный тюрбан. Его выпученные глаза закатились в мольбе. Я зарычал на него.

– Просто дай ему ногой под зад, – посоветовала Келса. – Они именно этого и ожидают. Я уже это сделал.

– Могла бы мне и не говорить. – Я огляделся по сторонам. – Что за помойка!

Город Шри-Порт, крупнейший населенный пункт измерения Тоа, простирался во всех направлениях, но только не вверх. Большинство глинобитных построек, некогда окрашенных в яркие цвета, а ныне выцветших на солнце, были ниже трех этажей. И большая часть из них пребывала в таком плачевном состоянии, что жить там можно было лишь тому, кто абсолютно не имел выбора. Судя по виду местных жителей, выбора у них не было. Я затруднялся назвать их число, однако предположил, что это были миллионы или десятки миллионов голых, похожих на лягушек особей, деливших свои жилища с тощими жвачными животными, которые меланхолично мусолили росшие в грязи сорняки.

Шри-Порт выглядел словно летняя резиденция как минимум двух из Четырех Всадников Апокалипсиса. Солнце пробивалось сквозь влажную пелену тумана, такую густую, что в ней можно было плавать. Я оглянулся на Калипсу. Та изящно пробиралась среди куч мусора, навоза и битого кирпича, преграждавших узкую дорожку между зданиями. Позади нее Тананда следила за каждым, кто мог увязаться за нами, демонстративно лаская большим пальцем лезвие ножа. Стоявшие в дверных проемах или пробирающиеся по узким улочкам жабы, взглянув на нее, спешили отвернуться. Я усмехнулся. При желании она могла иметь довольно грозный вид.

Над нашей головой, хлопая на горячем ветру, раскачивались веревки с бельем. Шум молотом бил по барабанным перепонкам, запахи царапали ноздри, а на каждом повороте на нас натывались местные жители. Улицы и переулки были слишком узки для толп. Следуя указаниям Келсы, я шел впереди, плечом прокладывая нам дорогу среди местных жителей, которые

спорили друг с другом, торговались, целовались, хулиганили, воспитывали детей, молились, играли, сплетничали, попрошайничали, проповедовали и делали многое другое.

Если закрыть глаза на разницу в физической форме местных жителей, Шри-Порт выглядел в точности как Базар-на-Деве, если высосать из последнего все деньги.

– Пожертвование, добрый сэр, пожертвование бедному и слепому ребенку прокаженного пьяницы! – из вороха грязных тряпок ко мне протянулась тощая, пурпурная, похожая на когтистую лапу рука.

– Он лжет, – весело сказала Келса. – Он, конечно же, не слепой, и ни один из его родителей не болен проказой. Более того, его мать имеет степень в области стоматологической гигиены, полученную в Университете Шри-Порта, но у них проблемы с выплатой ипотечного кредита за крошечную квартиру. Никакого увеличения стоимости жизни в этом году, да и за последние три года, если на то пошло. Такое им просто не по карману. Кстати, у него проблемы с ЕГО собственной ипотекой. Шагуль здесь попрошайничает после занятий, хотя должен быть дома, сидеть за столом и корпеть над контрольной работой. Та должна быть готова к завтрашнему утру.

Из складок ткани на меня с ненавистью посмотрели выпученные глаза.

– Да постигнет тебя Проклятие Тысячи Богов!

– Иди, пацан, делай уроки, – прорычал я, бросаюсь к нему. Он попятился от меня, вскочил на ноги и убежал прочь.

– Вот эта точно бедна, – продолжала Келса, когда мы проходили мимо женщины, одетой в залатанную, но чистую ткань. – У тебя в сумочке есть мелкая серебряная монета. Брось ее в фургон продавца дынь, когда мы будем проходить мимо. Она ее заберет.

Мне не нравится, что кто-то диктует, что мне делать с деньгами, тем более что я и без того потратил уйму налички на нужды Золотого Клада. Кроме того, у меня в руке уже была монета, которую я собирался уронить на пути у голодранки. Я не законченный скупердяй, что бы вы ни слышали обо мне раньше. Я протянул руку через поручень тележки и оставил пожертвование на шершавой дощечке. Я не стал оглядываться, чтобы не смотреть Тананде в глаза. Я и так мог сказать, что она улыбается. Я проклял все волшебные сокровища и всех троллей впридачу.

– Это оно! – объявила Келса, когда мы протиснулись сквозь толпу местных жителей на очередную убогую городскую площадь. Здешние здания были такие же ветхие, как и везде, но люди на ней в целом улыбались. Многие из них сидели на корточках в грязи перед низкой, более или менее побеленной постройкой с большими дырами в стенах и дырявой розовой занавеской вместо двери. – Это то самое место.

– Ты мог бы купить весь этот дом за один девский пятак, – сказала Тананда, тихонько присвистнув.

– Неужели Кошелек здесь? – недоверчиво прошептала Калипса. – Источник неиссякаемого богатства, и в этой лачуге?

– Это мы и намерены выяснить, – ответил я. – Либо тот, у кого он есть, не знает, как им пользоваться, либо это подделка. Мы должны это проверить.

Тананда схватила меня за руку:

– Ааз, если это их единственный источник дохода, мы не можем просто войти туда и забрать его у них. Ты только посмотри, в каком состоянии этот город!

– Я приму решение, когда сам увижу его. Идем.

Мы уже начали переходить через площадь, когда из белоснежного здания выскочили жабы. Три самые крупные особи встали у нас на пути. Их макушки были примерно на уровне моей ключицы.

– Кто, по-твоему, ты такой? Мы были здесь первыми! Подожди своей очереди!

– Да кем ВЫ себя возомнили? – потребовал я. – Я миролюбивый чувак, так что убирайтесь с моего пути, пока я не втоптал вас в грязь!

– Пожалуйста, успокойтесь, – произнес из дверного проема тихий музыкальный голос. – Никаких драк! Это обитель мира. Ранити, как же ты груб! Разве не видишь, что это гости? Мы рады всем, кто сюда приходит.

Толпа, у которой явно чесались руки хорошенько подрались, вновь устроилась на корточках, ворча себе под нос. Обладательница голоса вышла вперед и взяла меня за руку. Невысокого роста, морщинистая старая жаба, замотанная в латаную-перелатаную ткань и с вуалью на лице. Красоты в ней не было никакой – донельзя широкий рот и плоский нос, но в ее выпученных глазах горел теплый огонек. Я был впечатлен, вопреки своим принципам наплевателства на всех и вся.

– Входите, входите, – сказала она. – Я сестра Хайлида, настоятельница миссии Тоа Ддхол. Добро пожаловать, добро пожаловать! – Она жестом предложила нам войти.

Внутри было не меньше всяческих руин, чем снаружи, но здесь они нашли себе лучшее применение. Два кирпича подпирали вазу со сломанной ножкой. Алтарь на одном конце был сложен из обломков резного мрамора, по-видимому, останков различных храмов, и каждый давал представление о декоративных деталях.

– Фу, ну и вонь! Не иначе как они жгут коровьи лепешки, – шепнула Калипса.

– Я думаю, это еда, – прошептала в ответ Тананда.

– Напоминает мне мою родную кухню, – сказал я. От этого запаха у меня заурчало в животе.

Пара тощих жаб в набедренных повязках поспешили расстелить на утрамбованном земляном полу несколько соломенных циновок, чтобы мы могли на них сесть.

– Могу я предложить вам прохладную воду и полотенце, чтобы вы могли вымыть руки? – спросила сестра Хайлида. К нам тотчас подбежали жабы с треснувшим кувшином и разномастными глиняными чашками. Я взял свою обеими руками, остро осознавая, что на коврике рядом со мной в сделанном на заказ футляре лежит магический кубок из чистого золота, инкрустированный драгоценными камнями.

Жабы сели на корточках у дальней стены, а сестра Хайлида присела вместе с нами. Я услышал любопытный шепот и хихиканье и понял, что в дверь и сквозь дыры в стене на нас смотрят зеваки.

– Это приватное дело, – сказал я.

– Вы обнаружите, что приватность здесь редкая вещь, – сказала Хайлида. – Но мы, возможно, попытаемся ее найти. – Она с легкой улыбкой взмахом руки отогнала подслушивающих. Зеваки за стеной отступили на несколько футов. Я надеялся, что у них не такой острый слух, как у извергов.

Она взглянула на меч, наполовину вытащенный из ножен, лежавший на коленях Калипсы.

– Здесь он тебе не понадобится. Но какое же красивое оружие!

Извергов обычно заботит такая вещь, как «смущение от богатства». Лично мне до фонаря, у кого что есть. Если я положил глаз на что-то, что принадлежит кому-то другому, рано или поздно я найду способ эту вещицу заполучить. Но весь этот город, судя по всему, был жутко бедным, и вот наша компания нагрянула сюда, имея достаточно средств, чтобы скупить на корню все это место, вместе с правом на добычу полезных ископаемых и все такое прочее, в поисках, вероятно, единственной оставшейся ценности. Чувствуя себя мерзкой крысой, я прочистил горло.

– Послушайте, мы не здешние, – начал я. – На нас возложена миссия...

– Вы? Да благословят вас Тысячи Богов! – настоятельница вскочила со своей циновки и бросилась к алтарю. Там в маленькой оловянной жаровне она зажгла палочку благовоний и, воткнув ее в тарелку с песком перед изодранным плакатом, в котором неким чудом поместились мириады изображений, не иначе как тысячи местных богов, провыла немелодичный гимн, то взлетающий, то скользивший вниз по нотам гаммы, словно песнь мартовского кота.

Вбежали двое послушников и принялись трясти систрамами и бить в бубны. Мои барабанные перепонки запросили пощады от такого грохота. Хайлида завершила свою молитву и снова села. – Я так рада это слышать. Большинство чужеземцев, которые попадают сюда, теряются. Чем я могу помочь вам в выполнении вашей миссии?

Это был безошибочный дебют, но я не мог его принять. Я открыл рот. И остался нем как рыба.

Но тут залопотал Эрзац:

– Мой хороший друг Ааз желает сказать вам, что он требует, чтобы вы отдали нам Кошелек Бесконечного Богатства, который, по нашему мнению, находится в вашем распоряжении. Такова задача нашего прибытия в это место.

– Как тебе удалось это выпалить? – спросила его Тананда. Серо-стальные глаза скользнули с нее на видимую часть клинка.

– Следующий шаг нашей миссии – спасение дедушки Калипсы, не так ли? – резонно спросил Эрзац. – Госпожа Хайлида спросила нас, и, поскольку друга Ааза, похоже, настиг приступ косноязычия, я взял на себя труд сказать слова за него. Ты ведь не против, не так ли?

– Не слишком тонко.

– Тонкости – напрасная трата времени, – невозмутимо заявил Эрзац и перевел взгляд на нашу хозяйку: – Итак, госпожа? Неужели мы тщетно ищем здесь Кошелек?

Хайлида хлопнула в ладоши.

– Сегодня я узрела чудо! Говорящий меч! Это действительно твоя просьба, зеленочешуйчатый?

Я почувствовал себя вдвойне глупым.

– Э-э-э... да. Моя.

– Тогда я рада сообщить, что вам улыбнулась удача! Дзынь-Хуа здесь.

– О да, Ааз, – пискнула Келса. – Я же говорила тебе, что видела ее. Разве бы я стала тебе лгать?

– Лгать нет, – раздраженно фыркнула Асти. – Но ошибаешься ты постоянно.

– Я всегда вижу правду! Гораздо лучше, чем та, что *случайно* отравляет людей!

– Если вы не возражаете, – сказал жаждущий внимания Фолиант, – то у меня есть записи всех ваших ошибок на протяжении веков...

– Еще одно чудо! – радостно воскликнула Хайлида. – Книга, которая говорит! Братья и сестры, мы должны это отпраздновать!

Жабы снова вскочили и затанцевали, еще более энергично, чем раньше. Зеваки снаружи встали и разразились криками. Они стучали кастрюлями и сковородками, трясли маракасами и кружились в танце по всей площади.

Бац! Бум! Зинг! Бом!

– Прекратите! – крикнул я, но на меня никто не обратил внимания.

– Эй, да тут весело! – воскликнул Буирни, повернувшись к маленькому оконцу. – Не возражаешь, если я присоединюсь? Зильди, сверху! И-раз, и-два, и-три...

Луч прожектора упал на его футляр. Ловким движением гнутой ножки барабан распахнул его, и Файф присоединился к пению. Люди пару мгновений ошарашенно смотрели на золотой Файф, но затем приняли его как очередное чудо, которое следовало отпраздновать. Он исполнил мелодию, а они пели рондо с задорным ритмом. Я сидел, скрестив руки, и ждал, когда все это закончится, но Калипса, похоже, начала входить во вкус. Она вскочила и пустилась в пляс, вовсю дрыгая ногами и вертясь. Местные жители схватили ее за руки и втянули в свой круг. Шум достиг эпического уровня.

– Довольно! – проревел я.

Буирни всхлипнул и затих. Все присутствующие тотчас устали на меня. Я сердито посмотрел на сестру Хайлиду.

– Если, по-вашему, это приватный разговор, хотелось бы увидеть, что вы называете открытым городским собранием!

– О, это еще более приятное событие, – ответила монахиня-жаба и знаком велела своим людям сесть. Они разочарованно застонали, однако сели. Буирни со злостью посмотрел на меня из-под прожектора. – Но вы спрашивали о Дзынь-Хуа. Она – мой верный спутник вот уже несколько лет и великая помощь мне в моей миссии. Мы помогаем бедным и кормим голодных. Видите?

Она помахала рукой в сторону другого рваного занавеса. За ним была комната побольше той, в которой сидели мы. Несколько жаб помешивали что-то над раскаленными углями в огромных помятых чайниках. Здесь же подогревались горшки, над которыми поднимался пар. Аромат, который мы уловили по пути сюда, исходил отсюда.

– Здесь мы делим как удачу, так и невезение, – спокойно сказала Хайлида. – Но вы не волнуйтесь. Никто даже слова не скажет о том, что они видят и слышат в этом месте.

Мне в это с трудом верилось, но времени на споры не было. Нам нужно было завершить дело и вновь отправиться в путь. Я откашлялся.

– Аббатисса, мы хотим быть справедливыми. Что ты возьмешь в обмен за кошелек?

В ответ на мой вопрос жабы, сидевшие на корточках в доме и за разрушенными стенами, громко запротестовали.

– Продать Дзынь-Хуа? Я никогда не смогу продать ее! – Сестра Хайлида встала и сняла пласт штукатурки со стены рядом с алтарем. Позади него находилась неглубокая ниша. Я одобрительно кивнул. Здесь кошелек был спрятан от потенциальных воров, – кто бы мог подумать, что в этих осыпающихся стенах скрыто самое большое состояние в любом измерении? – но его легко было бы схватить, если бы сестре пришлось в спешном порядке покинуть свою столовую. – Вы, конечно, должны ее увидеть. Вот она.

Я ожидал увидеть что-то вроде бесформенной сумки, но нет. «Бездонный кошелек с деньгами» являл собой кожаный восьмиугольник толщиной в дюйм и около шести дюймов в поперечнике, сшитый из полос очень гладкой кожи желто-коричневого цвета. Впрочем, значительную часть поверхности покрывала шелковая вышивка, настолько тонкая, что для того, чтобы всласть полюбоваться деталями, потребовалось бы увеличительное стекло. Не скажу, чтобы рисунок был красив, но однозначно причудлив. Я понял, что кошелек изучает меня столь же пристально, как и я его, то есть ее. Как и у других сокровищ, интеллект Дзынь-Хуа был там, где любой мог его увидеть. Пара вышитых горизонтальных овалов над тесемками вокруг рта сузились, а сами тесемки переместились.

– Клянусь всем, что звенит, извращенец! Держи свои чешуйчатые руки от меня подальше, зеленый урод!

Хайлида была явно потрясена услышанным.

– Думай, что говоришь, Дзынь-Хуа, он гость!

Вышитые глаза переместились.

– Я отлично вижу, кто он такой – представитель одной из самых жадных рас во всех измерениях, после деволов и ряда других прирожденных преступников. Узнай, что ему нужно, и быстро отошли прочь.

– Вы неверно его поняли, – сказала Калипса. – Ааз любезно помогает мне. У него нет ни единой мысли о личном обогащении.

– Ой, не слушай ее, – перебила Асти. – Он здесь исключительно ради денег.

– Чтобы получить то, что ему причитается по долгу чести, который я взял на себя, – сказал Эрзац. – Он действует от имени нашего работодателя, а это, как ты увидишь, весьма достойное существо.

– Большое спасибо, – буркнул я.

Вышитые глаза задвигались.

– Клянусь звоном и лязганьем, Эрзац! То-то мне показалось, будто мои внутренности скручиваются! Сколько вас здесь?

– Нас пятеро, – сказала Келса. – Почти все из нас, кто еще существует.

– Какое странное и нежелательное понятие! – воскликнула Дзынь-Хуа.

– Не слишком милосердное замечание, – укоризненно сказала сестра Хайлида, погрозив кошельку пальцем. Вышитые глаза обратились к ней.

– Ты не от мира его, Хайлида. Ты не знаешь, что представляют собой эти другие предметы, – сказала Дзынь-Хуа, поджав губы. – В годину кризиса они делают слишком много, хотя достаточно и малого.

– Сегодня они все еще наши гости, – сказала маленькая монахиня и повернулась ко мне: – Вы должны разделить с нами нашу трапезу.

– Если ты не против, – сказала Тананда, бросив взгляд на лицо Калипсы. Оно было почти таким же зеленым, как и у нее самой. Подозреваю, что запах еды дошел и до нее. – Может, мы просто возьмем кошелек и уйдем? Мы не хотим навязываться.

Доброе лицо монахини погрузнело.

– Боюсь, что я не могу позволить вам забрать ее прямо сейчас. Приближается день уплаты налогов. Придут сборщики Маджаранараны, чтобы оценить каждого из тех, кого вы видите там, и взять с них деньги в соответствии с каждой произведенной оценкой. Денег у них нет, так что Дзынь-Хуа должна им их дать. Пожалуйста, завтра или послезавтра.

Мы дружно посмотрели на Калипсу. Несмотря на тошноту, та была настроена сочувственно.

– Что скажешь, малышка? До крайнего срока осталось всего три дня.

– Конечно, мы должны позволить тебе помочь им, – ответила Калипса. – Не хочу, чтобы кто-то попадал в беду. Мы уже близко. И успеем вовремя найти кольцо!

Не скажу, что эта идея пришлась мне по душе, но я лишь пожал плечами:

– Это твое шоу. Кроме того, я бы не отказался от обеда.

– Отлично! – сказала Хайлида. – Тогда давайте обедать.

Она хлопнула в ладоши.

– Кто такой Маджаранарана? – спросил я.

– О, это абсолютный монарх нашей земли, – сказала Хайлида, пока жабы суетились вокруг, расставляя огромные миски и ложки. Это выглядело многообещающе, так как последние несколько дней мы почти не ели. – Наша земля дает обильный урожай, богата полезными ископаемыми, мы производим шелк, машины, но нам самим от этого мало пользы. Все наши доходы облагаются высокими налогами.

– Вы с кем-то воюете? – спросил Эрзац, глядя на нее глазом знатока.

– Нет! Но наши соседи посматривают на нас с жадностью. Маджаранарана истратил все средства на то, чтобы расплатиться с другими правителями, лишь бы они перестали зариться на нашу землю. – Она вздохнула. – Не лучше бы было собрать армию, когда он мог себе ее позволить? Теперь он выжимает из людей все, что может. Этак мы долго не протянем.

Тем временем один из официантов поставил рядом со мной большой котелок с тушеной. Я благодарно вдохнул аромат рагу. На вкус оно было похоже на оладьи *фаркашит*, блюдо, которое готовила моя бабушка, правда, ни один из компонентов не шевелился. Жаль. Впервые за время моих скитаний по целой сотне измерений я нашел нечто похожее на извскую кулинару. Зачерпнув содержимое горшка, я наполнил мою миску и с аппетитом набросился на еду.

– Итак, все, ужин подан! – сказала Хайлида.

Воцарилось звенящая тишина.

– Что такое? – спросил я, отрывая глаза от миски.

Тананда многозначительно кивнула на стоящую перед ней чашу. Другой официант плеснул в нее немного рагу, слоим примерно в мою ладонь. Я посмотрел на чашу Калипсы. На

ее дне также виднелась скудная порция, не более одной ложки. Если судить по пропорциям, то горшок, который я только что опорожнил, должен был накормить около сотни человек. Я чувствовал себя идиотом. Почему эти люди пользовались такой огромной посудой, если не собирались наполнять ее до краев?

– Э-э-э, извините.

– Какой аппетит! – воскликнула Хайлида. Она выглядела довольной.

– Летит, как в мусорный контейнер, – воскликнула Асти.

– В извращениях меня ничто не удивит, – согласилась Дзынь-Хуа.

– У меня есть записи о пирах, на которых съедали целые деревни! – сообщил Пейдж.

Он обратился ко мне испуганные голубые глаза-самоцветы. – Я имею в виду содержимое их кладовых и загонов для животных, а не людей. Я... пожалуйста, не вырывайте мои страницы.

– Забудь! – рявкнул я и повернулся к Хайлиде: – Извините за доставленные неудобства. Я попытаюсь это как-то компенсировать.

Монахиня улыбнулась:

– Я не в обиде. Вы так высоко оценили вкус нашей пищи. Такое бывает не часто. Обычно мои клиенты просто благодарны за еду, им все равно, какая она на вкус. Это благотворительность, но они все равно жалуются.

– Вот видите? Он даже не стал ждать, чтобы распробовать ее вкус, – фыркнула Асти.

– Ну ладно, – прорычал я, глядя на нее сверху вниз. – Прекрати! На этот раз я получил по заслугам, но мне надоело выслушивать твои придирки из-за любой оплошности, которую можно было предотвратить. Почему ты не предупредила меня?

– Это не моя работа, – с апломбом заявила Асти. – Почему эта Тупая Стекляшка этого не сделала? Она ведь якобы провидит будущее.

– Потому что так было предначертано, – сказала Келса. – Он был голоден! Тебе не мешает проявить большее сострадание. Разве можно ясно мыслить натошак?

– Огромное спасибо, Келса. – Если честно, я не испытывал особой благодарности. Я мучился унижением. Жабы в стене смотрели на меня, не скрывая своего восхищения.

– Он должен больше жить жизнью разума, – назидательно изрек Пейдж.

– Будь я сделан из бумаги, это было бы легко и просто, – буркнул я.

– Что мы можем сделать для людей, которые ждут, чтобы поесть? – вежливо спросила Калипса.

– Мы здесь не для того, чтобы решать их проблемы, – огрызнулся я.

– Но именно это мы и делаем, – парировала Келса.

– Не сегодня.

– Но, Ааз, мы должны! – взмолилась Калипса.

Я сдался.

– Можно раздобыть сырье где-нибудь еще? – спросил я Хайлиду.

Она печально развела руками:

– Боюсь, других запасов у нас нет. Выдался неурожайный год, и слишком мало фермеров привозят излишки в город.

Теперь мне стало совсем паршиво. Я встал и нащупал в кармане И-Скакуна.

– Я знаю. В Базаре есть хорошая пиццерия. С доставкой. Они будут здесь через полчаса. Я вернусь. Что ты скажешь насчет сотни пирогов?

– Боже мой, изверг, который видит дальше собственных нужд! – воскликнула Дзынь-Хуа. – Тебе действительно стыдно? Я сражена наповал!

– Заткнись, сестрица! – рявкнул я. – Может, мне и нужна твоя помощь, но это не дает тебе права переходить на личности.

– Ах, простите меня! Я никогда раньше не встречала изверга, у которого она была!

Я повернулся к ней спиной и настроил свой И-Скакун, чтобы перенестись на Деву.

– Не уходи, – сказала Асти прежде, чем я успел нажать кнопку. – Я их накормлю. Пусть они напьются из меня. Это даст им питание и силы на неделю вперед.

Хайлида низко поклонилась сияющему кубку:

– Это будет щедрая помощь. Обычно мы можем позволить себе лишь самые элементарные вещи.

– Но ведь это полная бессмыслица, – сказал я. – Если у вас есть Дзынь-Хуа и она способна раскошелиться на все, что вам нужно, тогда почему вы пребываете в таком плачевном положении?

Хайлида улыбнулась. Это была улыбка святой. Я понял, почему здешние жители боготворили ее.

– Мы нуждаемся не в деньгах, а в сердечной теплоте. Люди здесь бедные. Они не могут позволить себе ни новую одежду, ни товары для дома или даже парики.

– Парики?

– О да. В Тоа они – символ статуса. Мы не можем попросить у Дзынь-Хуа такие вещи. Внезапный приток слишком большого количества денег только вызовет путаницу в умах и нарушит узы, связывающие воедино нынешнее общество, заменить же их будет нечем. При определенных количествах денег они по-прежнему стремятся заботиться о себе сами. Это вопрос гордости.

Асти как будто расправила плечи.

– Давайте закончим с этим, – сказала она. – Мне не доводилось так напрягаться с тех пор, как у поваров подгорели блюда свадебного пира Великого Тромпьера во дворце Беладжа.

Но прежде чем раздача супа успела начаться, лязг металла и топот копыт заставили жаб испуганно вскочить.

– Бежим! – закричали они.

– Что случилось? – спросил я.

Хайлида выглядела серьезной.

– К нам явились сборщики налогов, – сказала она.

Глава 19

На внезапно опустевшую площадь галопом выехал отряд всадников. Застывшие в облаке пыли кони были похожи на гигантских синих тритонов, оседланных и взнузданных чешуйчатой кожей, отделанной золотом. Пластины, защищавшие их мягкое брюхо, были утыканы крючковатыми шипами. Верховые жабы в доспехах и шлемах потрясали копьями с крючьями на концах, похожими на крючковатые трости владельцев театров бурлеска, которыми те стаскивали со сцены исполнителей неудачных номеров. Один такой копьеносец поймал за шею маленькую женщину-жабку в розовом. Всадники потащили ее за собой.

– Время платить налоги! – злобно крикнул копьеносец.

– У меня нет денег! – возразила женщина. – Пожалуйста, отпустите меня!

Я вышел на улицу. Будучи вдвое крупнее любого из солдат, я мог бы в два счета освободить ее. Но Хайлида практически невесомой лапкой схватила меня за руку.

– Не вмешивайся, – сказала она. – Будет только хуже.

Стражники подтащили свою пленницу к разодетому в пух и прах всаднику. На его голове из-под шлема торчал огромный светлый парик, словно облако стальных стружек.

– Имя?

– Ранакс, сэр, – всхлипнула женщина.

Капитан достал из седельной сумки небольшой пластиковый планшет и ткнул стилем в экран. Планшет загудел и защелкал, из его верхней части вылезла пластиковая полоска.

– Ранакс. Твоя семья должна шесть серебряных монет! – Планшет зазвенел, и полоска выросла примерно до трех дюймов. Он оторвал ее и сунул женщине. Та взяла его дрожащими руками.

– Я... мне придется пойти домой за деньгами, сэр! – Капитан нацелил палец, и стражники сбросили ее с крючка. Женщина-жаба убежала с площади так быстро, насколько позволяли ее толстые ножки. Стражники-мытари погнались за каким-то пожилым мужчиной.

Я услышал позади себя негромкий шум. Ранакс пролезла в одну из больших дыр в стене и теперь стояла на коленях перед сестрой Хайлидой и Дзынь-Хуа. Не иначе как она завернула за угол и вернулась через лабиринт крысиных переулков.

– Итак, посмотрим, шесть серебряных монет при текущем обменном курсе... – сказала Дзынь-Хуа, словно на счетах щелкая бусинками на своих тесемках. – Оп! Держи. – Она открыла рот и выплюнула в протянутую руку Ранакс крошечную золотую монету. – Не урони!

– Нет, не уроню. Спасибо, сестра! – Ранакс ушла тем же путем, что и пришла. Не успела она выйти, как еще две жертвы сборщиков налогов пролезли внутрь. В течение следующих нескольких часов Дзынь-Хуа откашляла россыпь мелких монет, чтобы удовлетворить просьбы страждущих. Капитан зачитывал с маленького экрана свои требования в серебре, но Дзынь-Хуа выдавала только золотые монеты, иногда такие крошечные, что они могли легко потеряться у меня под ногтями. Жабки хватали их и бежали платить налог.

– Как долго это будет продолжаться? – спросил я.

– Пока они не отметят всех в списке, – ответила Хайлида и испуганно вытаращила глаза. – Прячьтесь! – внезапно сказала она. – Они идут сюда!

Те жабы, что еще были в комнате, бросились к одному из выходов. Тананда, Калипса и я схватили наши сокровища и последовали за ними. Увы, мы были недостаточно расторопны. Кони-тритоны заметили нас и злобно взревели. Их всадники повернулись, чтобы посмотреть, на что смотрят их скакуны.

– Чужаки!

– Взять их! – крикнул капитан.

Размахивая крючьями, пара самых больших жаб повернула своих тритонов ко мне. Я пригнулся, и они проскакали мимо. А когда снова вскочил, то увидел, что они зацепили друг друга. Я довольно ухмыльнулся, но, увы, моя радость длилась недолго. Другой солдат с грохотом уже несли мне навстречу с копьём наперевес.

– Масло, быстро, – приказал я Асти. – Сделай улицу скользкой.

– Что? Поняла. – Чаша наполнилась вязкой зеленой жидкостью. Я плеснул ее под ноги атакующей ящерицы. Ее злые глазенки полезли на лоб, но отступать было поздно. Ее передние лапы заскользили вперед, а задние взлетели в воздух. Мой противник сделал вполне приличное сальто-мортале, кувыркнувшись головой между ног. Я бы дал им шесть баллов, но всадник врезался в ближайшую палатку, и та рухнула на землю.

– В следующий раз не разжимай колени! – с издевкой крикнул я.

В следующий миг мне в спину уперлось что-то острое. Я обернулся и увидел еще дюжину солдат, все еще сидящих в седлах. Их копья были нацелены мне в спину. Я медленно поднял руки в знак капитуляции.

Они уже схватили Калипсу и Тананду. Я сжал Асти, в надежде, что у нее хватит ума держать рот на замке. Не хватало, чтобы эти земноводные конфисковали сокровища, когда мы были так близки к тому, чтобы собрать весь комплект.

– Как ты смел напасть на моих офицеров? – рявкнул капитан, глядя на меня сверху вниз. – Я капитан Хорункус из Королевского агентства по сбору налогов и податей!

– Что ж, Хорункус, если кто-то сказал тебе, что в этом парике ты выглядишь как Ширли Темпл, ты должен подать на клеветника в суд, – посоветовал я. – Я Ааз, Королевский маг из Дворца Водевиль!

– Королевский волшебник, – произнес капитан. Похоже, мои слова не произвели на него особого впечатления. Его глаза были прикованы к Асти и Пейджу. – Вы чужестранцы! Богатые чужестранцы.

– И что из того? – прорычал я, сгибая пару когтей. – Только попробуй взять их и будешь жалеть до конца своих дней. Или ты не видел, как мы всыпали полудюжине твоих лучших людей?

– Я заметил... Э-э-э, разве вы не в курсе, что для посещения славного города Шри-Порт необходимо уплатить туристический налог? А для пребывания в нашей стране у вас должна быть туристическая виза!

– Никто не продал нам у ворот никакой визы, – сказал я. Что, между прочим, было сущей правдой. Я также заметил, как он сделал мысленную отметку, что акцизные офицеры у ворот должны получить по хорошей порке, или какое еще иное наказание тут у них принято. Хорункус скривил верхнюю губу.

– Тогда я заберу его, и тебе не придется возвращаться к воротам, через которые ты вошел. – Он энергично застрочил на электронном планшете, который держал в руках. – Да. Итак, по половине золотого каждый, прошу.

Это «прошу» было подкреплено тычком копья мне в спину.

– Полегче, приятель! – прорычал я. – Я не могу достать бумажник, пока ты в меня тычешь этой штукой.

Я торопливо вернул Асти обратно в сумку и сунул Пейджа под мышку. Я старался не говорить о содержимом моего кошелька, но в этой жабе-капитане, похоже, текла кровь девола. При звоне монет он оживился еще больше.

– Вы также имеете при себе товар стоимостью более пяти золотых монет. Артефакты, которыми вы владеете, стоят больше, не так ли?

– И что из того? – спросил я.

– Пожалуйста, представьте оценку их текущей рыночной стоимости.

– Но они бесценны! – возразила Калипса. – Или вы не знаете, что этот великий меч...

– Тсс! – шикнул я на нее. – Фи-за-фи-крой-фи-рот!

Ее языковой талант, густо замешанный на зельях, какое-то время пытался врубиться в смысл сказанного, и наконец просветление озарило ее лицо.

– Извини, Ааз! – сказала она. – Я лишь хотела превознести его достоинства...

– Не превозноси. Молчи. Это просто позолоченные вещички, Хорунк, – сказал я. – Уличная стоимость около пяти золотых каждая. Меч – всего лишь ножик для открывания писем. Ничего особенного. На рынках Бупкиса такое барахло можно найти в каждом киоске.

– Твоя ложь лишь приведет к немедленной конфискации этих вещей! – загремел Хорункус, как может греметь лишь жаба-переросток.

– Тогда попробуй их взять, – сказал я, демонстрируя все свои зубы. Солдаты, державшие меня на острие своих копий, отступили на шаг.

– Вы же вооружены! – рявкнул на них капитан. – Держите его под охраной!

– Клянусь могилой матери, Хорунк, это хлам! – воскликнул я.

– Это кого ты называешь хламом? – прогремел Эрзац.

– Кто это сказал? – спросил капитан, оглядываясь.

– Она, – ответил я, указывая на Тананду. – Она чревовещатель. Она артистка и путешествует со мной, чтобы развлекать меня.

– Заберите товары на хранение, – приказал Хорункус. – Если они, как вы утверждаете, не имеют ценности, они не пройдут стандартный тест.

– Вы не можете их взять! – крикнула Калипса.

– Почему нет? – спросил Хорункус.

– Кажется, я сказал тебе, застегни свой рот! – прошептал я ей. – Послушай, капитан, – сказал я своим самым шелковистым, самым сладким голосом, – ты ведь не хочешь, чтобы пошли разговоры о том, что офицеры Шри-Порта грабят путешественников под видом определения стоимости товаров, которые те имеют при себе, не так ли? Это в считанные недели истощит поток вашего импорта.

Я не думал, что встретил единственного честного политика в моей жизни. Он почти наверняка был на грани того, чтобы сделать именно это. Я хотел, чтобы он узнал то, что знаю я, и, если только он не упечет меня и моих друзей в тюрьму, мы непременно распространим эту информацию. Если описание Хайлиды было точным, Хорункус явно не желал нести ответственность за потерю какой-либо части государственного дохода. Бородавчатый лоб Хорункуса сморщился под нелепым белокурым париком.

– Конечно, мы всегда честны с путешественниками! – запротестовал Хорункус, причем слишком охотно. – Тогда я сам прикину рыночную стоимость. По пять золотых каждая вещь, умноженные на пять. – Бумажная лента полезла вверх, закручиваясь поверх планшета. – И вы говорите, что они происходят из некоего Попкиса?

– Бупкиса, – поправил я его. – Но для вас пусть это будет Попкис.

Он не понял юмора и ничуть не обиделся.

– Тогда вы также облагаетесь налогом на импорт. Это еще семнадцать процентов. Выплачивается по требованию. – Он ввел еще несколько цифр в свой гаджет. – Плюс транспортный налог в размере четырех золотых монет каждая...

– Мы пришли пешком.

– Хм. Налог за пользование дорогами. Вы ведь пользовались дорогами? – Он посмотрел на меня поверх своего планшета.

– Мы волшебники! Мы пришли сюда с помощью магии!

– Прямо сюда? В это пространство?

– Я видел, как они прошли через рынок, – сказал маленький жабеныш, подбегая к стремени Хорункуса. Он состроил гримасу и показал мне язык. Это был Шагул, тот самый паренек, на которого мне указала Келса. Будь у меня в этот момент возможность дотянуться до этого поганца, я бы с удовольствием свернул ему шею, но двое солдат снова ткнули меня копьями в спину. – Одна из них прорицательница! Она велела мне пойти и делать уроки!

– Понятно, – процедил Хорункус и поджал губы. – В таком случае вам требуется разрешение на гадание.

– Но ведь мы не открываем здесь лавку!

– Но, похоже, что вы здесь уже сунули носы в чужие дела.

– Это было лишь мимолетное замечание.

– И наказание за униже... я имею в виду за нападение на стражника. Если только вы не предпочтете отбывать срок в Королевской тюрьме.

У парня напрочь отсутствовало чувство юмора.

– Ой, да ладно! Подумаешь, просто мелкое хулиганство!

– Нарушение общественного порядка и спокойствия, – заявил Хорункус, продолжая что-то строчить на своем планшете. Полоска, что вылезала из верхней части планшета, на глазах удлинялась, а с ней росло и мое раздражение.

– Итого тридцать золотых, восемь серебряных. Выплачивается по требованию. – Он оторвал корешок квитанции и протянул его мне.

– Да ты рехнулся, – сообщил я ему, пробежав глазами список обвинений.

– Оскорбление! Вы хотите, чтобы я добавил еще один штраф за оскорбление одного из офицеров Его Высочайшего Монаршества?

Тананда и Калипса укоризненно посмотрели на меня. Трудно было спорить с тем, что он застучал нас с поличным, а точнее, с наличными, поскольку мы стояли и держали в руках

сумму, эквивалентную годовому окладу императора. При желании мне ничего не стоило выбраться отсюда с помощью И-Скакуна, а у Тананды имелось достаточно магии, чтобы самой попрыгать по измерениям, но в таком случае нам пришлось бы бросить Калипсу одну на произвол судьбы. Я понимал, что не могу этого сделать. Я потянулся за бумажником. Подручный Хорункуса протянул ладонь.

Каждая монета, с которой я был вынужден расстаться, отдалась в моем сердце похоронным звоном. Каждый блестящий кружочек, казалось, умолял: «Не прогоняй меня прочь!» Я стиснул зубы, потому что мои колебания имели ощутимые последствия в виде уколов от мечей стражников. Я одну за другой отсчитал монеты. Некоторые из них имели элегантный рисунок и были красиво отчеканены; другие были истерты от времени, но ценны по причине своего опыта пребывания во вселенной. Расстаться с ними было больнее, чем я мог вынести.

– Это тридцать, – сказал капитан. – Еще восемь серебряных монет.

Я ощупал свою сумку. У меня было четыре серебряные монеты и несколько медяков. Я взвесил их в руке против оставшейся у меня одной-единственной золотой монеты.

– Не могли бы вы взять долговую расписку? – спросил я с надеждой.

– Я возьму наличные!

Я неохотно протянул 31-ю золотую монету. Капитан выхватил ее у меня и бросил все монеты в тяжелую кожаную сумку возле луки седла.

– Спасибо, чужеземец, – сказал Хорункус, жестом веля своим людям опустить копья. – Добро пожаловать в Шри-Порт. Надеюсь, вам здесь понравится.

– Эй, погоди, а где моя сдача?

Хорункус одарил меня взглядом типа: «Ты, брат, в своем уме?»

– Я мог бы добавить «Усомнился в обоснованности налога Маджаранараны», – самодовольно произнес он.

– Все ясно, – выдохнул я, чувствуя, как внутри поднимается волна ярости. Этот парень напрашивался на хорошую взбучку, и плевать, чего мне это может стоить позже.

– Да, все ясно, – сказала монахиня и, встав между нами, протянула крохотную пригоршню монет. – Это налоговая выплата миссии за неделю. Спасибо, высокие господа. – Она ласково, но твердо обняла меня за плечи, отвернув от солдат, и повела за собой внутрь.

– Он выжал из нас все, что у нас было, – хмуро сказал я.

– У меня еще осталась горсть серебра. Это поможет нам продержаться, – сказала Тананда.

– Не люблю выходить на улицу с пустыми карманами, – раздраженно возразил я.

– По крайней мере, Клад в безопасности, – сказала Калипса, обнимая Эрзаца.

– Ну, ты даешь, девушка, – смущенно отозвался Меч.

– На данный момент в безопасности, – уточнил я, оглядываясь через плечо на уходящих солдат. – Но я сомневаюсь, что это конец. Хорункус наверняка вернется и доложит о том, что видел. Готов поспорить на мои два передних зуба, что прежде, чем мы выберемся отсюда, на нас нападут уличные грабители, разумеется, никоим образом не связанные с местными властями. Чем дольше мы здесь задержимся, тем больше вероятность того, что Клад рано или поздно переключится в сокровищницу Маджаранараны.

– Тогда нам лучше смотаться отсюда поскорее, – сказала Тананда. – Это место невозможно защитить.

– Ах, – вздохнула сестра Хайлида. – Такого никогда не случалось, когда я жила в аббатстве Шаор Минь. Мы молились за всех, кто в нас нуждался, и с нас ни разу не просили налогов или других сборов.

– То есть никто не имеет права доить Шаор Минь? – спросил я.

– Да, – удивилась Хайлида. – Откуда ты знаешь?

– Удачная догадка, – сказал я и мрачно тряхнул бумажником. Было слишком светло. Я чувствовал себя так, будто только что потерял своих самых старых друзей, точнее тридцать одного друга.

– Что ж, по-моему, тебе пора спросить Дзынь-Хуа про гонорар, – ворвался в мои мысли голос Асти.

Ее насмешливый тон мгновенно довел мой гнев до кипения. Я повернулся к сокровищу, лежавшему на руках у настоятельницы. Все уставились на меня. Я набрал полную грудь воздуха, но он вылетел из меня, как воздух из проколотого шарика. Я просто не мог этого сделать перед лицом ужасающей бедности, окружавшей меня. К тому же я предпочитал вести переговоры наедине, без свидетелей.

– Гонорар? – Рот кошечки шевельнулся, реснички завилились, как жиденькие усы. – У меня нет возражений. Если мой друг Эрзац согласился выплатить гонорар, что ж, я заплачу его, но ни пылинкой больше. Сколько это было?

У меня в голове имелась цифра, но я не собирался ее объявлять, пока у меня не будет возможности посоветоваться с Мечом.

– Эта работа еще не закончена, – сказал я, уклоняясь от ответа. – Ты видела, что только что произошло. Неизвестно, сколько еще расходов я понесу.

Похоже, настоятельница прочла мои мысли.

– Понятно. Ты должен взять Дзынь-Хуа с собой. Ничего страшного. У меня есть все, что мне нужно. Бери ее. Сейчас. Все в порядке.

– Но ведь сборщик налогов забрал все, что у вас было, – сказал я. – Вы совершенно разорены.

Хайлида безмятежно улыбнулась мне:

– Мне удавалось сводить концы с концами до того, как она появилась здесь. Я буду делать то же самое после того, как она уйдет. Она чудесно мне помогала.

– Я была счастлива помогать той, кто является истинной святой своего времени, – сказала Дзынь-Хуа. – Ты такая бескорыстная женщина! Никогда ничего не просила для себя. Для меня было великой честью состоять у тебя на службе.

Хайлида, тронутая до глубины души, подошла и погладила Кошелек.

– Ты была хорошим другом мне и моей пастве, – сказала она. – Спасибо за то, что ты укрепила во мне веру, когда та пошла на убыль.

– Твоя вера подвигла меня внести свой вклад в ваше дело, – ответила Дзынь-Хуа. – Я бы хотела, чтобы как можно больше моих протеже были столь же щедры по отношению к себе и своим усилиям. Как часто люди забывают, что материальные вещи – отнюдь не самое главное в этом мире.

Это общество взаимного восхищения начинало действовать мне на нервы. Чем больше настоятельница и Кошелек превозносили друг друга за бескорыстие и самоотверженность, тем сильнее меня тревожило чувство, что, возможно, *только возможно*, что мои личные приоритеты нуждались в некотором пересмотре. Не то чтобы мне и вправду были нужны ее деньги. Тот факт, что у меня с собой ничего не было, не означал, что я окончательно сел на мель. С тех пор как сотня золотых монет изменила десятичный знак в моем банковском счете, я мог позволить себе не считать последние гроши. Работа со Скивом сделала меня и всех остальных членов корпорации М.И.Ф. очень богатыми. Нет не вопиюще богатыми. Не скажу, что золото фонтанами било у меня изо всех дыр, но при желании я легко мог купить отель, если официант вдруг отказался бы смешать мне коктейль по моему вкусу.

Хайлида обратила на меня свой светлый взор:

– Я уверена, ты будешь умерен в своих просьбах к моему дорогому другу. Ты производишь впечатление хорошего человека, несмотря на твое бахвальство. Позаботься о ней.

– Э-э-э... спасибо, – ответил я, беря Кошелек. Дзынь-Хуа скептически посмотрела на меня. – Мы найдем ей верное применение.

– Мы все будем стремиться соответствовать вашему примеру, – сказал Эрзац, опуская глаза. – Благородная леди, я бесконечно счастлив, что встретил вас.

– Ваше имя вписано золотом в мои анналы, – изрек Пейдж. – В будущем я буду советовать читателям, нуждающимся в моральном уроке, внимательно изучить вашу историю.

Буирни издал резкий звук, который привлек к нему внимание. Личный прожектор высветил его в самом выгодном свете.

– Я напишу о вас песню. Все гонорары пойдут на пользу вашей миссии.

– Спасибо, – сказала Хайлида. – Это весьма великодушно с вашей стороны.

Я по привычке открыл было рот, чтобы съязвить, но Тананда многозначительно покашляла.

– Теперь, если больше не будет помех, – сказал Асти, – мне нужно накормить нескольких человек. Вы не возражаете, чтобы они все выстроились в очередь?

Нам с Калипсой не терпелось выбраться отсюда, но всякий раз, когда я думал о том, чтобы прорваться сквозь очередь за супом Асти, я ловил себя на том, что просто не могу этого сделать. Голодные жабки приходили отовсюду, чтобы встать в очередь. Чем бы там ни кормила их Чаша, должно быть, это было очень вкусно. Никто из них не хотел отпускать ее, даже когда она пустела.

– Хорошо, – слабо произнесла Чаша, когда последний из жаб, шатаясь, вышел из двери в темную ночь, сытый до отвала. – Пойдемте.

– Верно, – сказал я и взглянул на Дзынь-Хуа: – У тебя есть какие-то специальные приспособления, приборы или контейнеры, которые тебе нужно упаковать?

– Нет, – весело ответила она. – Просто засунь меня куда угодно в свой рюкзак. Только не за пояс. Не хочу, чтобы меня видели местные. ЭТО может их соблазнить. До сих пор они не покушались на меня. Пока все они бедны, никто не может быть выше других.

Буирни протестующе свистнул:

– Ты чего-то да заслуживаешь, пусть даже сумку.

– Зачем? Я и сама сумка. Никто не кладет сумку в сумку. Мне ничего не нужно. Я тридцать лет прожила в стене за пластом штукатурки.

– Мы можем вдвоем поместиться в моем саквояже, – любезно предложил Фолиант.

Вышитые глаза сместились в его сторону.

– Весьма любезно с твоей стороны, но боюсь, там мало места.

– Да, слегка тесновато, – согласился Фолиант. – Но я счел бы за честь, если бы ты согласилась поселиться со мной.

– Или со мной! – пискнул Буирни. – У меня горы багажа. Можешь взять любой футляр, какой тебе приглянется!

– Нет, спасибо. Думаю, я помещусь в кошелек Ааза.

– Прекрасно, – сказал я. – Тогда уходим отсюда, согласны? – Я открыл свой бумажник и вытащил из него квиток сборщика налогов.

– Не вздумай трогать меня этим, – в ужасе пискнула Дзынь-Хуа. – У меня аллергия на пластик.

– У тебя аллергия? – недоверчиво спросил я.

– Когда меня создавали, никакого пластика еще не было. Как и некоторых других современных материалов. Вот почему мне было так хорошо здесь, в этой скромной обители.

– Как скажешь, – сказал я, бросая квиток в бочку для мусора рядом с зоной приготовления пищи. – Все готовы?

В здание миссии вбежал оборванный жабчик и рухнул к ногам Хайлиды:

– Люди Маджаранараны возвращаются!

Глава 20

Вооруженные тритоны галопом ворвались на неряшливую площадь.

– Сегодня их еще больше, – сказала Тананда, глядя через мое плечо. Она держала сумку Келсы и футляр с Буирни. – Нам нужно убираться отсюда, и как можно скорее. Калипса, поспеши!

– Эй, ты! – крикнул Хорункус, заметив меня в дверях. – Стой! Ни с места!

Я забежал обратно в здание миссии и оглянулся по сторонам в поисках Калипсы. Она была там, но уже обзавелась десятком новых друзей. Часть людей сборщика налогов проникли сквозь проломы в стене. Опустив копья, они окружили Калипсу. Другая компания окружила Хайлиду и ее прихожан. Парочка закованных в латы жаб подошла и схватила Тананду за локти.

Хорункус спрыгнул со своего коня и с важным видом подошел ко мне. Я сунул кошелек за пояс, чтобы замаскировать его.

– Молчите. Не открывайте рта, – предупредил я их, надеясь, что люди Маджаранараны не заметили говорящую барабанную установку или летающий свет. – Говорить буду я. – Я одарил капитана своей самой учтивой улыбкой. – Давненько не виделись! Чем мы можем быть вас полезны, джентльмены?

Блондинистый чиновник в парике надулся.

– Я пришел собрать налоги. Гости должны платить больше сборов. Гораздо больше.

Я почти достиг предела эмоционального диапазона, с которым мог совладать, почти стыдясь собственной жадности перед лицом бескорыстия местной Матери Терезы и того, как Золотой Клад вечно тыкал меня носом в мои недостатки, – и это в придачу к тому, что я уже почти опустошил карманы ради этого гада. Стиснув зубы, я наклонился к нему.

– Забудь, – процедил я. – Я уже заплатил тебе выше крыши.

– Тогда мы начинаем конфисковывать вещи, – он посмотрел на сокровища в наших руках. – Пожалуй, я начну с этой флейты.

– Вот как? – спросил я. – Конфискуй вот это!

Я отступил и врезал ему в челюсть. Хорункус отлетел, но привел с собой внушительное подкрепление. Я еще не успел опустить кулак, как мне на спину навалились пятеро дюжих жабов, не столько тяжелых, сколько громоздких. Я согнул колени и перебросил двоих через голову. Они со стуком приземлились на спины. Осталось трое. Два, а то и все три десятка членов паствы Хайлиды подскочили к ним и принялись лупасить упавших чашами, камнями, всем, что попадалось под руку.

– Пожалуйста! – закричала крошечная настоятельница, взятая в кольцо примерно полудюжиной тритонов, которых, в свою очередь, окружило еще большее количество прихожан, пытавшихся освободить Хайлиду. – Насилие ничего не решает!

– Какая удобная экономия времени, сестра! – крикнул я.

И тут же резко крутанулся. Два жаба в страхе отпрянули. Остальных троих я швырнул об стену. Половина штукатурки рухнула им на головы. Один из них попытался ударить меня по голове. Я схватил его за лапу и выкрутил ее. В следующий миг он уже взлетел в воздух.

ПЛЮХ!

Стражник приземлился в котелок с кипящим рагу.

– Ааа! – крикнул он, всплывая на поверхность. Затем выпрыгнул из котла и выбежал в дверь.

– Напрасная трата хорошей еды, – прокомментировал я. Тананда была вовлечена в перетягивание каната. Две кучки стражников-жаб пытались стянуть с ее плеч сумки. Тананда была растянута между ними, словно пленница, которую собираются разорвать пополам дикие

лошади. Барабанщик и осветитель Буирни всю брыкались и били солдат, пытавшихся украсть их босса. Сам Файф визжал от страха.

– Не позволяйте им трогать меня! Грабители! Помогите!

– Помогите! – крикнула Келса. – У этих зверей плохая карма!

Схватив миску, я швырнул ею и попал в лицо первому стражнику со стороны Буирни. Тот рухнул, как упавший на землю камень. С лицами, по которым я понял, что последующие их действия будут противоречить здравому смыслу, еще дюжина солдат опустила копья и ринулась на меня.

– Что у тебя есть такое, что им не нравится? – спросил я Асти.

– Я едва оправилась после кормежки пяти тысяч! – запротестовала Чаша.

– Можешь мне не рассказывать!

– Ладно, уговорил!

В ее чаше запузырилась, стекая на пол, какая-то синяя жидкость. Запахло карболовым мылом. Я плеснул ею в стражников. Шедшие впереди тотчас замерли на месте и напоролась на копья своих же товарищей. Я плеснул на них еще больше синей жидкости. Стражники с визгом драпанули в противоположном направлении.

– Спасибо! – сказала Тананда, потирая плечи. – Боже мой, давненько я не имела дело с таким количеством агрессивных мужчин, наверное, со времен Ночи братства в Империи.

– Опять собралась на прогулку по трущобам? – сухо спросил я. Она подмигнула. – Что это было? – спросил я у Асти.

– Коммерческий осушитель, – ответила та. И верно, жидкость моментально высохла на полу, образовав корку. – Этим существам нужно, чтобы их кожа оставалась влажной, иначе она потрескается.

Я усмехнулся:

– Не удивительно, что они не ценят красоту чешуи вроде моей.

– НИКТО не ценит красоту вроде твоей, кроме совершенно слепых!

Танда внезапно насторожилась.

– Эй, поберегись!

В предупреждении не было необходимости. Я знал, что в нескольких футах от меня было, по крайней мере, восемь стражников. Я повернулся, размахнувшись чашей.

– Ребята, вам срочно нужно смазать ваши доспехи, если вы хотите подкрасться к кому-то, – предложил я, плеснув на них содержимым Асти. Сначала они зашлепали по жидкости обеими руками, затем в ужасе посмотрели на свои ладони. Кожные перепонки между их пальцами заметно скукожились.

– Брр, сухая кожа! Сухая кожа!

Они в ужасе попятнулись от меня. Продолжая плескать в них осушителем, я ринулся следом. Взывая о помощи, они бросились в бегство. Я расхохотался и плечом отодвинул ведущую во двор занавеску.

И тотчас оторопел. Площадь наводнили солдаты. За их спинами двигался гигантский экипаж, запряженный четырьмя одинаковыми тритонами. В нем сидел тощий человечек в ржаво-рыжем парике размером больше, чем все его тело.

– Что с вами не так? – крикнул солдатам этот сморщенный человечек. – Хватайте их! Несите мне сокровища!

Хайлида упала на колени. Большинство ее паствы последовали его примеру.

– Это Маджаранарана!

– Покоритесь мне! – завопил сморщенный, нахлестывая тритонов, пока те не набросились на нас. – Я хочу золота!

– За Маджаранарану! – закричали солдаты.

Буирни заглушил их, издав оглушительную трель, от которой мои уши вывернулись наизнанку. От резкого звука тритоны встали на дыбы и замотали головами. Всадники полетели с их спин на землю, в том числе и Маджаранарана, чья карета перевернулась, когда четыре зверя попытались одновременно разбежаться в разных направлениях. Всадники попытались поймать своих скакунов, но перепуганные ящерицы с быстротой молнии улизнули с площади.

Клик, прожектор, взлетел в воздух, оставаясь вне досягаемости врагов, и направил на своего босса ослепляющий луч света, а Зильди начал отбивать боевой ритм. Буирни заиграл военный марш.

Я продолжал поливать солдат специальным отваром Асти. Тананда увернулась от стражи и теперь ловко выхватывала копья из их рук или сбивала их с ног, размахивая котелком на цепи, который она подобрала на кухне Хайлиды.

Наш отказ выполнить требования налоговой инспекции что-то пробудил в жабах-послушниках. Внезапно они начали сопротивляться, к великому удивлению солдат, которые, очевидно, привыкли запугивать их всякий раз, когда им этого хотелось. Мужчины в доспехах защищались или прятались, прикрывая руками голову, а отряды местных бедняков швыряли в них горшками, сковородками, камнями, незрелыми фруктами, протухшей едой и мусором. Хотя солдаты и были лучше вооружены, численное превосходство было не на их стороне. Это было похоже на нечто среднее между бунтом футбольных фанатов и сражением пирогами. Бедная Хайлида стояла, прижавшись к передней стене, и кричала людям, чтобы те успокоились и прекратили сражаться. Увы, бесполезно. Сытые по горло притеснениями, ее последователи решили воспользоваться своей первой и, наверно, единственной в жизни возможностью дать солдатам отпор. Я попытался добраться до нее, но заметил Калипсу внутри кольца солдат, что все еще пытались выполнить приказы своего хозяина и захватить Клад. Она выглядела напуганной. Расшвыривая стражников с дороги, я двинулся к ней.

– Вытащи меня! – заорал на нее Эрзац. – Давай, девочка! Защищайся! Обнажи меня!

Калипса вскинула клинок над головой.

– Что теперь?

– Замахнись мною, девочка! – крикнул Меч. – Я поведу тебя! Твои движения танцовщицы лучше, чем у обученного фехтовальщика. Вперед правой ногой! Опиши мною круг, колющее движение вверх! Режущее движение вправо! Молодец, девочка! – крикнул он, когда голова первого стражника запрыгала по полу. – Быстро, два шага вправо, заведи меня за спину! Нет, сначала нацелься. Вот так!

– Ой!

Калипса изящно описала на мыске пируэт и обнаружила перед собой самого здоровенного из головорезов. Он стоял, зажимая рукам рану на животе. Как было видно невооруженным глазом, та была смертельной.

– Ты ей не нужен, – сказала Асти.

Эрзац выкрикивал приказы, и Калипса им следовала. Она раскачивалась и танцевала, и длинный, вороненой стали клинок вспыхивал на солнце, как вертушка. К моему удивлению, стражники начали отступать.

– Ты права, – сказал я. – Провалиться мне...

– Помощь, содействие, подмога! – неожиданно воскликнул мягкий голос Пейджа с другого моего бока.

Я почувствовал, как что-то тянет за лямки моей сумки. Я потянул их назад и обнаружил, что смотрю в глаза-бусинки Маджаранараны.

– Отдай это мне или умри, – сказал он, показывая ряды мелких зазубренных зубов. За его спиной стояло три десятка солдат. Впрочем, большинство из них выглядели изрядно потрепанными. И все же я не мог в одиночку противостоять трем десяткам врагов. Очень медленно я протянул ему сумку с книгой.

– Так-то лучше, – сказал тощий правитель, открывая верх и ласково поглаживая Фолиант по корешку. Мне показалось или тот и вправду вздрогнул?

– Хорункус, вручи ему требование.

Капитан с важным видом прочистил горло и поднял свой электронный планшет.

– Вы занизили стоимость товаров, которые ввезли в Имперский город Шри-Порт, и должны заплатить за каждую вещь, которую вы недооценили, пять тысяч золотых монет.

– Пять тыс... Да ни за какие коврижки! – прорычал я.

Хорункус злобно ухмыльнулся.

– Далее, за ложь должностным лицам на вас наложен штраф в размере семисот золотых монет за каждую. Или же, если вы не в состоянии предъявить наличные, – он мерзко осклабился, глядя на меня поверх клавиатуры, – вы можете передать указанные товары в руки налогового органа Маджаранарана Таричо. Немедленно. – Он оторвал кусок пластиковой ленты и протянул мне. Солдаты в предвкушении шагнули ближе.

– Вам нужно золото? – спросил я. – Я дам вам золота.

Я с ухмылкой посмотрел на жабу, вынул из-за пояса Кошелек и нарочито медленно засунул квиток, который он мне дал, в рот Дзынь-Хуа. Та в ужасе сморщилась.

– Нет, не смей, извра... – БЛААААААААА!

Из мешочка на моей ладони вверх забил фонтан монет. Маджаранарана вытаращил глаза и бросился к растущей реке золота. Хорункус, не такой тупой, как его хозяин, попытался вырвать у меня Кошелек. Я врезал ему кулаком по почкам. Он обернулся, разрываясь между жадой мести и жадностью. Жадность победила. Он принялся ловить падающие с неба монеты. Струя сверкающего золота забила выше. Солдаты бросили оружие и присоединились к ловле монет. Я повернулся и прикрыл голову, чтобы маленькие жесткие диски не набили мне шишек. Рев золотого фонтана становился все громче и громче.

По прошествии примерно часа оглушительный дождь монет прекратился.

– Мне дурно, – слабо объявила Дзынь-Хуа.

Я огляделся по сторонам. На площади царила тишина. Я нигде не увидел ни Маджаранарана, ни кого-либо из его людей. Зажав в обеих руках меч, Калипса стояла над парой залитых кровью тел. Я схватил ее за локоть и потащил к дверям миссии. Судя по всему, она с трудом понимала, что происходит.

– Я победила двух стражников! – повторяла Калипса снова и снова. Тананда спрыгнула с крыши и бросилась следом за нами.

– Прекрасная работа! – сказала она, вытирая какой-то тряпицей лицо Калипсы. – Эта кровь на тебе – не твоя. Ты была потрясающа! И это при том, что ты никогда раньше не держала в руках Меч.

– Я не знаю поражений, – заявил Эрзац без капли скромности. Тананда протерла болтуна и вернула в ножны на спине Калипсы. Та молчала, оглушенная собственной победой.

– Но у этой девушки врожденный талант! Если бы ее обучали с рождения, ни одна армия не могла бы противостоять ей, будь то при численном превосходстве или без оногo. Ах, милая, как только мы сможем начать твое обучение, ты станешь легендой. А пока давайте продолжим борьбу с врагом! Им не взять нас силой!

– Забудьте, – прервал я их и, отойдя в сторону, приоткрыл занавеску, чтобы они могли увидеть. – Все кончено.

Золотое извержение Дзынь-Хуа похоронило половину площади. Прихожане Хайлиды испуганно жались к рушащимся стенам ближних зданий. Не считая нашего дыхания, на всей площади было тихо, как в могиле. Я уставился на грудy высотой выше моей головы. Ни разу в жизни я не видел столько денег. Такой казны не было ни у одного царя. Это было потрясающе. Это было... нереально.

– Ух ты! – хрипло воскликнул я. – Ничего прекрасней я не видел за всю мою жизнь!

Все устали на груди золота. Плечи вздымались, глаза сияли.

– Друзья мои, давайте проявим благоразумие, – воздев руки, сказала Хайлида, обращаясь к своей пастве. – Прошу вас, проявите сдержанность...

Горожане таращились на грудь золота секунды три. Затем, словно по команде, ринулись к ней и принялись выхватывать из нее монеты. Распихав добычу по карманам, кошелькам, бюстгальтерам, шляпам и тому подобному, они убегали прочь, и их никто не останавливал. Не скажу, что в данный момент их было кому остановить. Все стражники разбежались.

Настоятельница печально покачала головой:

– После всех моих трудов... Маджаранарана разгневется!

– Не бойтесь, – сказал я и указал на золотые извержения Кошелька. Тающая на глазах груды монет в центре площади скукожилась до такой степени, что стали видны погребенные под нею тела.

– Маджаранарана! Мы... мы убили его!

Пара жабок устали на нее.

– Это она! Она виновата!

Размахивая руками, толпа окружила Хайлиду. Несколько стражников, которые прокрались обратно на площадь, чтобы собрать немного золота, были потрясены, увидев, что их монарх распластался на земле. Они тотчас обнажили мечи и устремились к маленькой аббатисе.

– Спаси ее, – взмолилась Калипса, когда я отступил к стенам обители.

– Все будет хорошо, – сказала Дзынь-Хуа. – Это зрело уже давно. Город может погрузиться в анархию, но к этому все шло не один день. Возможно, кое-кого терзают угрызения совести, но Хайлида невиновна. Они не должны причинять ей вред. Я в этом *почти* уверена. – По голосу Кошелька в это верилось с трудом.

– Хммм. – Я протиснулся в середину толпы и поднял руку Хайлиды над ее головой, как руку боксера-победителя на чемпионате.

– Это она! Она сотворила чудо! Она принесла золотой дождь, чтобы наказать жадного деспота!

– Что?

Я подобрал шиньон, упавший с головы покойного монарха, и набросил его на голову растерянной сестры Хайлиды.

– Если вам что-то и нужно, так это волосы лягушки, тем более они вам идут, – сказал я и повернулся к толпе: – Она освободила вас от тирана!

Жабы ринулись вперед, ликуя, скандируя. При виде парика на ее голове возликовали даже стражники.

– Хайлида спасла нас от тирана! Хи-ли-да! Хи-ли-да! Она спасла нас от бедности. Хи-ли-да! Хи-ли-да!

Маленькая настоятельница громко запротестовала, но толпа уже взяла нас в кольцо. Они подняли Хайлиду на плечи и, продолжая скандировать, вышли с площади. Я посмотрел им вслед.

– Пойдемте отсюда, – сказал я остальным.

– Куда? – спросила Тананда.

– Куда угодно, лишь бы поскорее уйти прочь. Мне нужно хорошенько выспаться, а это вряд ли произойдет, если кому-то из них взбрет в голову, что мы должны присутствовать на церемонии коронации, или что они там устроят, когда доберутся до дворца.

– А как же бедная Хайлида! – спросила Калипса. – Они разорвут ее на части.

– Нет, дружок, – сказал я. – Она только что стала легендарным героем. Если только тебе тоже не терпится стать героиней, за минусом одного дедушки, то нам нужно двигаться дальше. Похоже, толпа готова к празднованию, которое продлится как минимум неделю.

– Ты уверен?

– Я да, – одновременно сказали Келса и Фолиант.

– Ты только взгляни, – сказали опять одновременно Келса и Фолиант и сердито посмотрели друг на друга.

– Они несут ее... а толпа! Толпа такая огромная, даже не верится, что...

– Предначертанный судьбой день настал!..

– Только не трещите все разом, – сказал я. – Пейдж, говори ты.

– Я не говорю, я повествую, – обиженно возразил Пейдж. – Перейди на страницу и увидишь. Я только что почувствовал росток новой иллюстрации. Думаю, он расскажет все, что вам нужно знать.

Я открыл тяжелую обложку и пролистал богато иллюстрированные страницы, пока не нашел указанное место. На странице, которая начиналась с причудливо украшенной заглавной буквы В, я прочел: «В ранее нищем и пребывавшем в упадке городе Шри-Порт, в священных стенах миссии бананового бога Фроджти, правлению тирана Маджаранараны Таричо настал конец, а с ним и великим страданиям народа Тоа, облегчить кои смогла лишь Высокая Леди Лида, чья доброта благоухала, подобно цветам».

– Тебе нужен редактор, – простонал я.

– Попрошу без комментариев, пожалуйста, – огрызнулся Пейдж. – Я фиксирую местное наречие.

Я продолжил читать. «Маджаранарана пригрозил Высокой Леди Лиде тюремным заключением и семилетними пытками, если она не отдаст ему сокровище. Но ей на помощь явились три чужеземца. Между двумя сторонами произошла великая битва. В конце этой битвы Маджаранарана был погребен под золотым ливнем. Святая мать, настоятельница, Высокая Леди Лида, взлетела, чтобы заверить массы, что все будет хорошо. Она была мудрой правительницей страны и правила в течение сорока лет в мире со своим народом и своими соседями».

– И жила долго и счастливо, – завершила Калипса со вздохом умиления. – Я так рада за нее!

– Вот они! – крикнул чей-то голос. – Святые, что помогли нашей Хайлиде победить тирана!

На площадь, сияя улыбками, высыпала толпа жаб. Они держали в руках десятки цветочных гирлянд. Похоже, они намеревались обмотать нас ими с головы до ног. Тананда торопливо обхватила меня за талию. Я схватил Калипсу за плечо и нажал кнопку на И-Скакуне.

Глава 21

– Где мы? – спросила Калипса, оглядывая зловонную комнату. – Кто они? – добавила она, указывая на бесчувственных рептилий на полу. – С ними все в порядке? Что они здесь делают?

– Мы в Бономе, – коротко ответил я. – А это его обитатели, бономы. Да. Пьянство – это их... естественное состояние. Они дружелюбны. ЭТО безопасное место, тут можно немного отдохнуть и решить, что нам делать дальше. Есть еще вопросы?

Она слегка отпрянула, но затем гордо вскинула подбородок.

– Это все, что мне нужно знать на данный момент, спасибо.

– Отлично, – сказал я.

– У меня к тебе вопрос на засыпку, извращенец, – сказала Дзынь-Хуа. – Что подвигло тебя на мысль запихнуть мне в глотку кусок пластика?

– Я много путешествую, – скромно ответил я. – И потому знаю, что во многих измерениях используется новая штукавина, созданная в Зоорике. Вставляешь пластиковую карточку в отверстие в стене, и та выплевывает наличные. Так что все логично.

– То есть это вполне современно? – спросила Дзынь-Хуа.

– Еще как современно!

– Хмм. Значит, кто-то в прошлом видел, как я страдала от своего нездоровья. Пообещай мне больше этого не делать!

– Если ты отхаркнешь – извини за выражение – то, что мне задолжал Клад, мне не придется этого делать.

– Я уже сказала, что погашу долг моего товарища по Кладу, – сказала Дзынь-Хуа, ее вышитое гладью лицо приняло кислое выражение.

– Этого гнусного жаба можно было свергнуть еще много лет назад, если бы ты действовала более напористо, – критически заявил Эрзац. – Почему ты этого не сделала?

– Ты спрашиваешь меня? – уточнила Дзынь-Хуа, обиженно прищурившись. Однако ответила вежливо: – Хайлида не хотела, чтобы я этого делала. Я годами пыталась убедить ее, что она может взять верх и править как добрая королева. Но тут опрометчиво прибыли вы, и это ваше отвратительное поведение.

– Я не заставлял тебя заглатывать пластик, – возразил Эрзац.

– Ты сообщил ему о моей слабости!

– Ты сама мне сказала, – огрызнулся я. – Если вы еще не в курсе, некоторые из нас, простых смертных, способны сложить два и два.

– Я постоянно от них это слышу, – устало вздохнула Дзынь-Хуа. – Суммы – это лишь одна из множества вещей, в которых вы то и дело ошибаетесь.

– В этом месте около трех десятков комнат. Найди пустую, и немного вздремни. Пища – в основном переработанные углеводы, зато ее достаточно, и никто слова не скажет, если ты решишь немного подкрепиться. Выпивка – в общественной собственности, но я щедро заплатил за нее, когда был здесь последний раз.

– Но, Ааз, мы не можем позволить себе отдых! – возразила Калипса. – Мы нашли Дзынь-Хуа и теперь нам не хватает лишь одного из великих сокровищ.

– Разве ты не устала? – ласково спросила ее Тананда и обняла девушку за плечи. – Скажи ей, Эрзац. Воин хорош лишь настолько, насколько хороша его подготовка.

– Верно, девушка, – ответил Меч. – Давай найдем местечко, где ты сможешь устроиться и почистить мой клинок, а я расскажу тебе историю про битву при Корепосе.

– А я сварю для тебя отвар на случай, если эта скучная старая сага не усыпит тебя, – пообещала Асти.

– Но ведь здесь идет отличная вечеринка! – воскликнул Буирни.

– Вырубись! – рявкнул я. – Лично я иду спать.

* * *

Чье-то теплое присутствие окутало меня и вторглось в мои сны.

– Ааз, – прошептал нежный голос.

– Мммм.

– Ааз. Вставай. Тебе будет интересно поучаствовать в этом.

– Я слишком устал, – буркнул я. – Может, позже, дорогая. – Чьи-то пальцы играли с моим левым ухом. Я улыбнулся. Пальцы крепче сжали мне ухо, а затем резко крутанули его. Пылая возмущением, я подскочил и выпрямился. – Что тут происходит?

Тананда с довольным видом села.

– Вот, я же сказала, что ты не слишком пьян, чтобы пускать носом пузыри.

– Кто что сказал?

– Ладно. По-моему, Калипса совершенно сбита с толку.

– И что теперь?

Я пожирал глазами изгибы тела Тананды, когда они волнообразно пробирались сквозь копошащиеся переплетения аборигенов, моргавших от вторжения дневного света. Не успело солнце подняться над вывеской бара свою мутную красную рожицу, как пьянка возобновилась.

– Который час?

– За полдень, – ответила Тананда. – Поторопись. Я не очень продвинулась с ними.

– С кем?

В крошечной комнатухе позади студенческого бара, которую Калипса выбрала для ночлега, происходило некое собрание. Члены Золотого Клада расположились кружком. Клик пролил на них яркий свет, отчего они сияли, как самые смелые мечты изверга об алчности. Калипса сидела позади Эрзаца, на почтительном удалении в тени.

– Что происходит?

– Военный совет, – ответила Дзынь-Хуа.

– Это еще зачем?

– Нам не интересна твоя стратегия, мы обсуждаем нашу собственную.

– ЧТО?

– Лапусик, – вкрадчиво пропел Буирни, – нам просто не нравится твоя идея. Дело не в нас, если ты понимаешь, о чем я, Ааз! Ты не можешь просто взять и передать нас злому волшебнику, как коллекцию...

– Артефактов, – подсказал Пейдж мягким голосом.

– Почему нет, черт возьми? – вспылал я. – Назови мне хоть одну вескую причину, почему?

– До казни Калипсо осталось всего два дня, и нам непозволительно терять время, – сказала Асти. – По-моему, даже смертный с таким дурным характером, как у тебя, наверняка это поймет. А теперь, пожалуйста, присядь, чтобы мы могли продолжить выработку нашей стратегии.

– Мы еще не полностью укомплектованы, – напомнила им Дзынь-Хуа.

– Кого еще нет? – спросил Буирни.

– Кольца, – мгновенно ответил Эрзац. – Кольцо – единственный член нашего кружка, чье местонахождение мы до сих пор не обнаружили.

– Но я должна найти его, иначе мой дедушка никогда не выйдет на свободу! – воскликнула Калипса, заламывая руки. – Пожалуйста, давайте не будем терять время зря. Терпение Баррика может лопнуть!

– Так в чем дело? – сердито спросил я Келсу. – Где кольцо?

Келса смутилась.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Я раз за разом пыталась найти его, но, похоже, он пребывал в эпицентре некой очень сильной магии. Я слышала лишь одни и те же звуки, и ничего более. Вот, я дам тебе их послушать. Возможно, они что-то подскажут тебе?

Хрустальный шар полностью почернел. Было слышно, как кто-то что-то напевает, но голос заглушал шум, похожий на бурление быстрой реки. Я также различил лязг металла о металл. И все.

Мы одновременно впились глазами в изображение.

– Похоже на черного кота, спящего в угольном ящике, – сказал я. – Так дело не пойдет, Келса. Ты не могла бы сделать картинку четче?

– Я не телевизор! Это лучшее, на что я способна!

– Ну а ты что скажешь? – спросил я у Пейджа.

– Увы, нет. Во мне еще ничего не написано о находке Бозебоса. Но вы можете просмотреть возможные сценарии.

– Сколько их?

– Пять тысяч.

– Ладно, забудь. От вас, братцы, никакого толку. Не лучше ли снова поработать детективами? Предлагаю отправиться на Базар и в еще несколько мест, где народ знает, где в разных измерениях продаются отборные драгоценности и магические предметы. Мне потребуется подробное описание. Как выглядит Кольцо?

Лицо под тюрбаном снова принялось выпучивать глаза и исчезло. Вместо него внутри хрустального шара начала возникать картинка.

– Вот кольцо Бозебос, великий круг вечности. Его золотая лента добыта из той же рудной жилы, что и все мы. Мы братья и сестры в металле. Волшебник Прумдар изготовил его в своей мастерской в течение года Полных лун. Украшающие его драгоценные камни все равного качества и все в равной мере бесценны. Узрите же Алмаз Справедливости! Сапфир чистоты! Шпинель любопытства. Кубический цирконий экономности...

– Безвкусица, – заметил я.

– Вряд ли это то самое Кольцо, – сказала Калипса, глядя на нас.

– Почему нет? – спросил я. – По-моему, оно похоже на мать всех магических колец. Более того, оно выглядит как несколько вместе взятых. Либераче пришел бы в телячий восторг.

– Кто такой Либераче? – спросила Калипса. На мгновение я подумал про Скива. Тот тоже никогда не понимал моих культурных отсылок.

– Не важно, – сказал я. – ПОЧЕМУ оно не может быть нашим Кольцом?

– Оно не может быть великим Бозебосом, потому что это старая побрякушка, которую мой дед получил от своей матери, которая в свою очередь получила его от матери своего отца. Он надевает его, когда исполняет Танец Света.

Мы с Танандой переглянулись. Я приподнял бровь.

– Баррик не мог этого не знать, – сказала она. – Готова поспорить на последнюю пару трусиков в моем ящике с нижним бельем.

– Если раньше мы не догадывались, что все это ловушка, то теперь я в этом уверен, – сказал я.

– Малышка, Баррик не собирается освобождать твоего деда, как только ты принесешь ему Золотой Клад. Вообще-то, если ты это сделаешь, тебе крупно повезет, если ты сбежишь оттуда целой и невредимой.

– Именно в этом я пытался ее убедить, – сказал Эрзац. – Нам нужен подход, который нарушит планы Чародея.

– Последнее сокровище у бабушки! – воскликнула Калипса, наконец поняв то, что мы несколько минут пытались ей втолковать. – Тогда мы должны немедленно доставить остальное Баррику.

– Ни за что.

– Но, Ааз! Ты все время говорил...

– Я передумал, – перебил я ее. – Мы не можем этого сделать.

– Тананда! – взмолилась Калипса. – Нам пора идти.

Тананда покачала головой:

– Я согласна с Аазом. Это ловушка. Ты не можешь пойти туда и ожидать, что Баррик сдержит свое слово. Ты передашь ему клад, и он велит своим прихвостням унести их, чтобы не выполнять свою часть соглашения. Он хочет запереть старика в неволе навсегда, вероятно, чтобы отбить у других уолтов желание показывать ему нос, э-э-э, то есть клюв.

– Тогда что мне делать? – жалобно спросила Калипса.

– У тебя есть мы. А у нас – сила, способная сломать любую цитадель, – заверил ее Эрзац. – И если добавить к этому твой талант меченосицы и меня в твоей руке, никто не тронет тебя даже пальцем.

– Ты думаешь выставить ее, неопытную девушку, в одиночку против банды головорезов? – недоверчиво спросил я.

– Полагаю, она не будет ОДНА, как ты оскорбительно намекаешь, друг Ааз. С ней будем мы. Мы возьмем на себя спасение ее деда. Прости мне мою откровенность, Калипса, но ты неопытна в этих вопросах. Если ты не против, то инициативу мы возьмем на себя.

– Спасибо, – сказала она, с восхищением и доверием глядя на Меч.

– У нас с Танандой большой опыт по части спасения, и я имел дело с вражескими волшебниками, – сказал я.

– Возможно, – уклончиво сказал Пейдж. – Вы не возражаете, если я попрошу вас немного помолчать? Мы с коллегами совещаемся. Итак, остряк, что, по-вашему, нам следует делать?

– Эй! – возмутился я. – Кто я, по-вашему, рубленая печень?

– Молчи, изверг, – шикнула на меня Асти. – Это тебя не касается.

Я недоуменно вытаращился на нее. Глаза Эрзаца сделались задумчивыми.

– Лучший способ – прямая атака, – сказал Меч, игнорируя оскорбление Фолианта. – Сжатый в ее руке, я поведу девушку к победе над войсками цитадели. Она сумеет пробиться в святилище тирана. Баррик не сможет противостоять нам! Он сдастся, опасаясь за свою жизнь.

– Сдастся армии из одного человека? – с сарказмом спросил Буирни и подмигнул Калипсе. – Не лучше было бы, если бы ты и я вошли туда вместе, дорогая! С твоими танцами и моим пением мы могли бы провальсировать туда и, исполнив наш номер, покинуть сцену прежде, чем он поймет, что мы делаем. Мы вытащим твоего дедушку из тюремной камеры, и все дела!

Калипса издала скорбный вопль:

– Мой бедный дедушка! За что такие страдания дому Калипсо?!

– Не плачь, дитя мое, – сказал Эрзац. – Обещаю, что помогу тебе освободить его.

– Мы все поможем, – заверила ее Асти.

– И как, по-вашему, вы собираетесь это сделать? – спросил я.

Сокровища Золотого Клада проигнорировали меня.

Пейдж важно зашелестел страницами.

– Сам факт заточения старого уолта может означать, что Бозебос больше не в его владении.

– Он у Баррика! – воскликнул Буирни. – Вот почему этот злодей потребовал всех нас. Он решил, что ему нужен весь комплект! Впрочем, чему тут удивляться? Такое случилось в прошлом с владыками Валхала, которые первыми собрали нас в одном месте.

– Я предсказывала, что это случится снова до конца света, – заявила Келса. – И не раз. Это один из подобных случаев. Фактически это может стать причиной конца света. Но, опять же, может и не стать.

– Это так легкомысленно с твоей стороны, – сказал Пейдж. – Калипса, если Бозебос находится во владении твоего деда, значит, тот вовсе не нуждается в спасении, дитя. Бозебос – самое мощное магическое кольцо, самое умелое из всех когда-либо сделанных колец. Я удивлен, что ты никогда не видела демонстрации его талантов, поскольку он так долго принадлежал твоему деду. Бозебос не стесняется своего дара. Будь он там, он бы защитил твоего деда. С помощью Кольца Калипсо мог легко разрушить весь замок, не говоря уже о том, чтобы выйти на свободу. Ты уверена, что он в темнице?

Калипса недоуменно посмотрела на него:

– Зачем Баррику было лгать мне?

– Да, он был брошен в темницу, Пейдж, – заверила Фолиант Келса. В ее глубинах возникла фигура уолта, который выглядел как старая мужская версия Калипсы. Запястья и лодыжки старика были скованы цепями. На наших глазах стоя длиннорылых рептилий в черных плащах бесцеремонно затолкала его в массивные ворота черного замка. – Дальше я ничего не могу сказать. Чары блокируют меня.

– Я могу противостоять чарам, если проведу небольшое исследование, – заявил Пейдж. – Я тот, кого тебе нужно взять с собой, Калипса из Уолта. Со мной в твоей руке ты будешь такой же великой волшебницей, как и любой, кто путешествует по измерениям. Баррик не сможет долго держать твоего дедушку в заточении.

– Я видел этих тварей раньше. Это дайлы, – сказал Буирни, разглядывая рептилий, стоящих по бокам Калипсо. – Они из Диландо. У дайлов очень чувствительный слух. Я могу одолеть их с помощью музыки. Они не смогут противиться моей Принудительной Танцевальной Музыке. Если же смешать ее с небольшим количеством их собственных военных песен, они даже не поймут, что их поразило. Зильди, раз, два, три!

Он заиграл музыку казу. Мои ноги сами пустились в пляс. Мы с Танандой вскочили и начали отплясывать буги-вуги. Калипса поднялась на ноги и беспомощно закружилась.

– Прекрати! – потребовал я. Буирни не обратил на меня ни малейшего внимания, зато заорал Эрзац:

– Ты заставляешь мою протезе скакать козой! Это очень сбивает с толку.

– Скулеж, скулеж, скулеж, – огрызнулся Буирни, однако музыка стихла. – Это отличная идея, говорю тебе. Калипса, отнеси меня к воротам замка. Обещаю, они будут беспомощны перед нами.

– Этим ты не откроешь тюремную камеру, свистулька, – резонно возразила Асти. – Нам нужно завладеть их разумом, и тогда их тела последуют за ним. У меня есть одно зелье, и, если его вылить в колодец, из которого берут воду для обитателей замка, оно превратит их в ваших добровольных рабов. Все они, включая своего хозяина, будут беспрекословно подчиняться любым вашим командам.

– А если он не пьет воду? – сказал Эрзац. – Нет, ты должна сразиться с ним, Калипса. Со мной в руке ты не можешь проиграть. Убей его, и свобода твоего деда обеспечена.

– Взятка сработает лучше, – сказала Дзынь-Хуа. – Я выясню, можно ли подкупить его приспешников. Золоту легче подорвать любые верноподданнические клятвы. Уж поверьте, я редко встречала кого бы то ни было, кто, действуя по доброй воле, не взял бы деньги, если точно знал, что его не поймают.

– Чушь, – отрезала Келса. – Я знаю, куда выходят сточные трубы. Калипса, милая, я могу провести тебя в подземелье. Это проще простого.

– Мне помнится, ты сказала, что не видишь сквозь стены, – напомнил ей Пейдж. – У меня есть подходящее заклинание, чтобы избавиться от наведенных Барриком чар. Нужно лишь немного времени, чтобы поискать его в моей памяти. Я способен противостоять любым его чарам. Калипса, я переведу заклинания на ваш язык, и вы их произнесете. Вы когда-нибудь раньше занимались магией?

– Нет...

– Держись крепче, друг! – сказал Эрзац. – Она не может унести нас всех!

– Верно, боюсь, что не может. Следовательно, она должна взять с собой того из нас, кто будет максимально полезен. Например, меня.

– Это как понимать? Ты попытаешься подкупить МОЮ ученицу?

Я сунул пальцы в рот и свистнул.

– Довольно! Довольно!

Сокровища Клада мгновенно обернулись ко мне. Эрзац впился в меня взглядом. Таким же острым, как и его клинок.

– Что там у тебя, друг Ааз? Видишь ли, мы очень заняты.

– Заняты? Да вы просто точите ляды! Это не похоже на внятную стратегию. Идея состоит в том, чтобы вывести Калипсо из темницы, верно? У каждого из вас есть свой план! И никакого сотрудничества, никакой координации действий. Вы все говорите, но никто не слушает. Поймите, если бы вы пытались...

– Хватит! – огрызнулся Эрзац. – Это тебя не касается, друг Ааз. Пожалуйста, не мешай нам продолжать нашу дискуссию.

И они снова заспорили.

– Я предсказываю победу, – изрекла Келса. – Но только если ты воспользуешься моим дарованием, Калипса, дорогая. Не обращай внимания на других. Я смогу предвидеть движения твоего врага...

– Ты даже не можешь заглянуть в замок! – крикнул Эрзац. – Я буду твоим ключом и проводником, Калипса. Следуй моим указаниям. У нас все получится!

– Было бы лучше, – сказала Асти, – если бы помимо тебя у нее было что-то, что могло бы защитить ее слабую сторону.

– Если бы только Щит все еще был жив, – вздохнула Келса.

– А что, его уже нет? – спросил Буирни, округлив рот. – Я не знал. Какой ужас!

– Он храбро погиб, защищая деву-воительницу, – ответил Пейдж. – У меня есть вся эта печальная история в разделе...

– Не важно, – перебила его Асти. – Я могу сварить тебе зелье, девочка. От него твоя кожа затвердеет. Правда, это может помешать твоей гибкости, но ведь не все же сразу, верно?

– Никто не посмеет покуситься на естественные способности МОЕЙ ПРОТЕЖЕ! – воскликнул Эрзац.

Мое терпение грозило вот-вот лопнуть.

– Не иначе как вы решили заточить этого ребенка в темницу или погубить! И вы называете себя величайшими магическими предметами из всех когда-либо созданных? Почему-то я не впечатлен.

Асти посмотрела на меня, затем повернулась к Калипсе.

– Возможно, тебе стоит сказать твоему наемному работнику, что мы не нуждаемся в его помощи, чтобы завоевать один крошечный замок и победить одного заурядного смертного чародея, – сказала она, ее голос так и хрустел тонкими иглами льда.

– Ты на что намекаешь? – прорычал я.

– На то, что просто сядь и не мешай нам решать, что делать. Калипса примет окончательное решение, а затем сообщит тебе, какие задачи ты возьмешь на себя. Под нашим руководством, разумеется.

– У вас коллективное помутнение разума!

– Дай им шанс разработать план, – взмолилась Калипса. – У них ведь такой большой опыт.

– Но только не по части совместной работы, – парировала Тананда. – По крайней мере, не в последние века, если история, которую они нам рассказали, верна. Мы же привыкли работать сообща. Мы объединили наши таланты. В результате мы достигли поистине удивительных результатов. Почему бы не послушать нас хотя бы мгновение?

– Надеюсь, ты не станешь снова пытаться убедить меня в том, что у вас, смертных, была компания более великая, чем НАША? – заявила Асти. – Мы же легенды!

Я нагнулся над ними:

– Вы когда-нибудь задумывались хоть на минуту, что мы тоже легенды иного рода? Спросите кого угодно! Корпорация М.И.Ф. решила несколько довольно запутанных проблем, и мы сделали это, работая вместе. Каждый из вас пытается убедить Калипсу в том, что она должна взять именно его или ее, а остальные будут лишь массовой подтанцовкой. Это не способ справиться с такой ситуацией. Смотрю, вы все тут вице-президенты без менеджеров среднего звена.

– Если вы боитесь, что не получите награду, изверг, – напыщенно произнес Пейдж, – не волнуйтесь, мы выплатим наши долги. Как только этот вопрос будет улажен, мы найдем способ выплатить вам то, что было обещано. А теперь, прошу, тсс!

– НЕ ЗАТЫКАЙ МНЕ РОТ!

– А что касается штурма замка? – подал голос Эрзац.

– Глупая идея, извини за мою резкость, – заявил Буирни. – Теперь мой план...

– Я могу показать вам прецеденты, когда заклинания, прочитанные любителем, оказались действенными... – вставил Пейдж.

– Зелья, – сказала Асти. – Зелья – единственный реальный ответ.

Келса закатила глаза:

– О боже, нет! Предзнаменование. Вот что здесь нужно.

– Взывайте к их низменной натуре, – сказала Дзынь-Хуа. – Вы все глупы, думая о чем-то еще...

Тананда сделала жест, будто перерезает себе горло. В комнате накапливалось напряжение. Даже я почувствовал, как пол начинает дрожать. Назревали две катастрофы, одна настоящая и одна будущая, и Клад не обращал внимания ни на одну из них.

– ДОВОЛЬНО! – проревел я. Глаза всех присутствующих повернулись ко мне.

– Я не возьму награды, – заявил я. – С этой минуты я отказываюсь от всех претензий.

– Ты это серьезно, Ааз? – спросила Тананда.

– Еще как серьезно, – прорычал я ей, резче, чем предполагал. – Только не усложняй мне жизнь. Мне и без того паршиво.

Тананда была моим старым другом. Ей не потребовалось долгое болезненное объяснение. Она сразу все поняла.

– Тебе не нужно отказываться от вознаграждения, мой товарищ изверг, – ласково сказал Эрзац. – Ты более чем достоин его. Когда мы найдем Бозебоса, он наверняка сумеет восстановить твои силы.

– Я не хочу, чтобы они вернулись ко мне таким образом, – заявил я. – Вы тут все эксперты, каждый в своей области, но у вас нет последовательной стратегии. Пока я привязан к вам за то, что мне обещано, вы на меня – ноль внимания. Если честно, я сыт по горло! Мне надоело, как вы постоянно препираетесь между собой. Это ни на дюйм не приблизит нас к нашей цели. Вы даже не знаете, когда вы вызовете очередной серьезный катаклизм. Я устал от того, что в ваших глазах мы с Танандой лишь жалкие миньоны. Мы профессионалы, причем с большим опытом. Калипса же – наивный ребенок. Вы пудрите ей мозги. Она не знает, что делать, и ее ждут неприятности, потому что она доверяет вам. У нее почти не осталось времени. Кто-то должен взять на себя лидерство, и этот кто-то – я.

– Что ты такое говоришь, друг? – спросил Эрзац.

Я глубоко вздохнул.

– Мне ничего не нужно. Я отказываюсь от всего – от денег, силы, чего угодно. Мы все сейчас сражаемся ради одной-единственной цели – нам нужно освободить дедушку Калипсы и отнять у Баррика кольцо. Я не хочу, чтобы в этом замке оставались легендарные сокровища. Более того, я хочу, чтобы это место было полностью освобождено. Пусть этот Баррик поищет себе таймшер где-нибудь еще.

– Ого! – Асти впервые посмотрел на меня с толикой уважения. – Такое бескорыстие не в твоём духе, Ааз.

– Это точно, – поддакнула Тананда. Я одарил ее сердитым взглядом. Она скрестила руки на груди и с вызовом посмотрела мне в глаза.

Эрзац кашлянул. Не то чтобы он прочищал горло, ведь такового у него не было, но это привлекло наше внимание. Мы посмотрели на него.

– Прошу прощения, что прервал этот праздник скромности, – сказал он, – но это делает нас равными в интересах. У нас есть дедушка, которого нужно спасти, и Кольцо, которое нужно забрать. Будь добр, Ааз, посвети нас в свой план.

Глава 22

Разведка была задачей номер один, и поэтому мы перенеслись в Уолт, чтобы изучить ситуацию. Небо над живописным холмистым пейзажем имело слабый пурпурный оттенок, а вдалеке мое ухо различило звуки музыки. Вернувшись в свой родной мир, Калипса закружилась от радости.

– Пойдемте скорее к моим родителям! Я знаю, они страшно волновались. О, они будут в восторге от наших приключений! Я хочу, чтобы они познакомились со всеми вами, увидели Эрзаца, Буирни и Асти...

– Люди Баррика наверняка будут следить за тем, не вернулась ли ты, – сказал я. – Лично я так бы и сделал, и пока что этот парень был довольно смекалист. Мы не станем вот так сразу передавать ему сокровища.

Калипса мгновенно погрузилась.

– Но они будут волноваться.

Уолтовское лицо Келсы исчезло, и на его месте возникла пара местных жителей: мужчина с темным оперением и женщина, которая была чуть более зрелой версией Калипсы.

– Да, дорогая. Они беспокоятся о тебе и твоём дедушке. И твоём младшем брате. Ты знала, что он прятался в пещерах у реки?

Я махнул рукой, привлекая внимание хрустального шара:

– Ты можешь заглянуть внутрь замка Баррика?

Два лица тотчас исчезли в облаке. Сначала их сменили помехи, затем тестовая сетка.

– Он блокирует меня, – сказала она. – Боже мой, какие сильные чары помех! Здесь они даже сильнее, чем я думала.

– Ты хочешь сказать, что нам придется идти вслепую? – спросила Тананда. – Я уже это пробовала и должна сказать вам, что это невозможно.

– Нет, – сказала Келса. – Посмотрите сюда! – Мы посмотрели в ее глубины на картинку стен замка. Внизу, у основания, вокруг силуэта башни скользили три фигуры.

– Это доказывает, что мы скоро получим нужную информацию. Мне просто нужно придумать, как нам преодолеть его чары.

– В этом нет необходимости, – возразил Пейдж. – У меня есть план этажа.

* * *

Окруженные иллюзией ореховой рощи с видом на черный замок, мы в течение нескольких часов наблюдали, как стражники входят и выходят из крепостных ворот, и изучали иллюстрацию возвышенности на странице 846 раздела «Знаменитые здания злых владык и волшебников». Мы подложили под сокровища Золотого Клада разные вещи, чтобы те могли его осмотреть вместе с нами.

– Довольно традиционная компоновка с хорошо продуманными оборонительными позициями, – заметил Эрзац.

Я перешел к рисунку 3b, на котором было показано множество цветных стрелок, зависших над замком.

Тананда присвистнула:

– Неудивительно, что у Баррика такая мощная магическая защита. Над и под замком пересекаются четыре основные силовые линии, не говоря уже о шести меньших. Это их главный узел.

– Итак, друг Ааз, каков наш план? – спросил Эрзац.

– План? – переспросил я, поворачиваясь к нему лицом. – Никакого плана нет. Калипса попросила нас помочь ей собрать вместе Золотой Клад, чтобы волшебник Баррик отпустил ее деда. Это то, что мы собираемся сделать.

– Что? – возмутился Меч. – Я слышал, как ты говорил это в течение многих дней, но до сих пор не могу поверить, что это твой единственный план. Собрав всех нас вместе, ты не намерен использовать наши таланты?

– Почему нет? – спокойно спросил я. – Вы же дружно решили, что можете игнорировать мои таланты, причем, на мой взгляд, из самых мелочных соображений. Если хотите знать мое мнение, вы просто кучка дорогих цапок.

– Твой гнев справедлив, друг Ааз, – согласился Эрзац, немного поразмыслив. – Именно наше высокомерие привело к падению Валхала. Мы не пойдем по его стопам. Мы созданы, чтобы служить смертным в их целях. Но может показаться, будто мы действуем в собственных интересах ради нашего собственного эго или по другим причинам. Это непростительно. Ты не раз доказывал свое достоинство. Со стороны Асти было некрасиво пенять тебе на твое желание получить вознаграждение, ибо именно я убедил тебя взять на себя долг. В противном случае я, возможно, все еще не обрел бы свободу и такого достойного ученика для обучения моему искусству. – Его глаза повернулись в сторону Калипсы. Та смотрела на него с нескрываемым обожанием.

– Ты прав, Эрзац, – сказал я с ухмылкой. – Он не может рассчитывать на твои таланты. Как ты думаешь, как проникнуть в замок?

Он слегка прищурился, но в его глазах я заметил искорку юмора.

– Вообще-то, Калипсу там ждут, но и ты должен там быть. Если же все пойдет вкривь и вкось, тебе также потребуются отвлекающий маневр, чтобы выбраться оттуда.

– Он у нас есть. – Я повернулся к Келсе: – По словам Буирни, из тебя такая же предсказательница будущего, как из комка снега...

– Что? – возмутилась Келса и повернулась к Файфу. Тот разинул рот. – Ты это сказал? Теперь я это вижу! Да как ты посмел!

– Я сказал тебе это по секрету, – пояснил он мне.

– Знаете, не такой уж он и оригинальный автор песен, – вмешался Пейдж. – Я могу показать вам, по крайней мере, дюжину упоминаний о том, что Буирни исполнял музыку, которую якобы написал сам, хотя та была написана сотни лет назад. Откройте страницу 1047, если вы мне не верите!

– Ты, книжужка дурацких комиксов! – взорвался Буирни, и его свист пронзил оба моих уха до центра черепа. – Как ты смеешь претендовать на звание величайшего исторического архива всех времен! Эрзац говорит, что ты полностью обошел молчанием дюжину его сражений. По его словам, ты опустил их из зависти!

– Неправда, – возразил Эрзац. – Я лишь сказал, что, возможно, он преуменьшил мою роль в войнах из уважения к смертным. Но меня следовало упомянуть там, где я принимал участие!

– Твое эго – не главное для моих документов, – сказал Пейдж. – Это на века.

Тананда схватила меня за руку:

– Это начинается снова. – Земля задрожала у нас под ногами.

– Заставь их остановиться, Ааз! – взмолилась Калипса.

– Нет, – с удовлетворением сказал я. – Это как раз то, что нам нужно.

– Ха! – воскликнула Асти. – Ты нарочно это спровоцировал!

– Конечно, – довольно сказал я. – Вы все взлетите, как воздушные шары, точно по команде. Думаю, сработает неплохо.

Темно-синие глаза Эрзаца были полны обожания.

– Друг Ааз, ты не только отличный знаток характеров, но и умный капитан необходимых ресурсов.

Я расплылся в ухмылке.

– Держу пари, ты говоришь это всем извергам. Вот что я задумал. Мы дадим Баррику то, что он хочет. Калипса поедет домой и навестит своих родителей.

– Что? – ужаснулась Калипса, закончив спонтанный танец радости. – Мне казалось, ты сказал, что это было бы слишком опасно для меня и моих родных...

– Очень просто, – сказал я. – Мы хотим, чтобы Баррик думал, что мы ни о чем не подозреваем. Не успеет ее мать раскрыть объятия, как Баррик уже узнает, что Калипса дома. Ничто не разлетается быстрее в маленьком городке, чем слухи. Все только и будут трепать языками про сказочные сокровища, которые она принесла с собой. Чего они не смогут сказать ему, так это настоящие они или нет.

– Но ведь мы настоящие, дорогой Ааз, – терпеливо заметила Келса.

– Разумеется, – сказал я, – в отличие от барахла, которое Калипса принесет Баррику.

– Разве он не должен встретить нас? – спросил Эрзац. – Разве мы не обрушим всю нашу силу на этого гнусного мерзавца? Он оскорбил ее семью и бросил ее благородного предка в холодную темницу.

– Конечно же, он тебя встретит, – сказал я, не в силах удержаться от улыбки. – Только не так, как он того ожидает.

Мы сбились в кучу.

Стоя с сумкой, полной псевдосокровищ, в ожидании, когда решетка черного замка поднимется, Калипса напомнила мне цыпленка, которого мамаша-наседка бросила на пороге. Мне не понравилось ликование приспешников Дайла, когда те вышли и окружили ее. Они довольно грубо втоптали ее внутрь. Ее родители остались по ту сторону рва вместе с остальными горожанами и в страхе жались друг к другу. Калипса держала спину прямо.

– Молодчина, – тихо сказал я. Пока с ней был Эрзац, я чувствовал себя вполне уверенно.

Даже если у нее не будет возможности вытащить его, он может поднять ей настроение. Другим настоящим сокровищем, которое она захватила с собой, была Дзынь-Хуа. Меня отнюдь не вдохновляла перспектива того, что Кошелек попадет в лапы волшебника Дайла, но она была по-своему права: бесконечные потоки золота наверняка удержат любопытные глаза от слишком пристального взгляда на фальшивые сокровища.

Тананда оказала нам бесценную услугу. Она отправилась на Деву, чтобы купить подделки. На мой взгляд, самой удачной из них была копия-двойник Асти – щедро усыпанная стекляшками десакрализованная чаша некоего культа, конфискованная властями Комо в качестве штрафа за налоговое мошенничество. Остальные тоже были довольно хороши, хотя я надеялся, что Баррик освободит Калипсо прежде, чем откроет фальшивого Пейджа. Ибо тот представлял собой полную коллекцию комиксов «Опасный Вельф» за последние пятьдесят лет в тисненых обложках из настоящего железного пирита.

– Я не могу следовать за ней сейчас, когда ворота закрыты, – вздохнула Келса. – Боже мой, я не привыкла чувствовать себя такой беспомощной!

– Прочтите мой раздел «Последние обновления», – посоветовал нам Пейдж.

Вняв его совету, я обратился к заголовку. Под ним была серия иллюстраций, или скорее набросков, вроде тех, которые делают судебные репортеры. Первый изображал Калипсу с трагическим выражением лица посреди стражи. Второй являл собой панораму внутреннего двора, огромного, но каждая его деталь была намечена быстрым росчерком пера.

– Хорошая работа, – прокомментировал я.

– Спасибо, – сказал Пейдж.

– Это Баррик? – спросила Тананда, указывая на тощую фигуру в плаще.

– Не слишком впечатляет, – согласился я. Злой волшебник, захвативший город, похитивший, по крайней мере, одного из его самых знаменитых жителей и окруживший себя кольцом чар, перед которым были бессильны даже самые мощные магические предметы, с которыми я когда-либо сталкивался, оказался тощим чуваком с зеленой чешуей, неправильным прикусом и отсутствием всякого вкуса в выборе головных уборов.

– Такие «федоры» не в моде даже на Импере, – сказала Тананда.

– Подождите, – сказал Пейдж и даже простонал от напряжения. – А вот и подписи.

Удивленный Баррик встретил Калипсу на ступенях сияющего черного каменного возвышения.

– Не ожидал, что ты придешь сюда... так скоро.

– Я хочу, чтобы мой дедушка вернулся ко мне, – ответила девушка, гордо вскинув подбородок.

– Всему свое время. – Баррик потер руки. – Дайте мне взглянуть на них! Я хочу мой Клад!

Два его приспешника выбежали вперед с сумкой, которую принесла Калипса.

В новом кадре было написано просто: БАГАЖ!

В следующем была пара рептильных глаз, алчно прищуренных.

– Изумительно. Прелестно. Хочу увидеть демонстрацию их сил.

– Когда я увижу своего дедушку? – спросила Калипса.

И снова глаза, но только встревоженные.

– Когда я буду удовлетворен. А теперь покажи мне!

Я услышал топот копыт и поднял глаза.

Вверх по холму, скрипя, взбиралась запряженная жвачными животными телега, полная овощей. Какой-то уолтский горожанин держал поводья. Я бы никогда не сказал, что туника с причудливыми пышными рукавами с оборками или узорчатый шелковый платок, плотно завязанный на голове, – подходящая одежда для поездки на рынок, но Калипса заверила меня, что уолты обожают наряжаться вне зависимости от случая.

– Наша телега прибыла. Давайте вторгнемся в замок.

Мы с Танандой улеглись на дно телеги, и возница навалил на нас мешки с картофелем и несколько здоровенных шматков сырого мяса.

– Если хочешь, я могу вести устное повествование, – предложил Пейдж. – Я делаю очень хорошие описания.

– Только диалог, – сказал я. – И, пожалуйста, потише.

– Тем временем, – произнес Пейдж, – товарищи храброй Калипсы спрятались в телеге, полной продуктов, которые доставлялись в замок.

– Не говори о нас! – прошипел я. – Мы знаем, что здесь происходит. Скажи мне, что делает Калипса.

– Прости меня. Она храбро стоит перед алчущим Дайлом и тянется за первым из сокровищ. «Что это такое? – спрашивает Баррик. – Замша? Не припомню, чтобы губка входила в Золотой Клад».

«О Баррик, – говорит Калипса. – Это Дзынь-Хуа, Бездонный Кошелек Денег. По запросу она выдает золотые монеты».

Баррик жадно пускает слюни: «Дай мне золото! Дай мне побольше золота!»

Дзынь-Хуа нахмурилась: «Ах ты, чешуйчатый гадё...» Э-э-э... Ааз, должна ли я повторить инвективу моих товарищей по Золотому Кладу?

– Нет, если это не имеет отношения к действию, – сказал я. – Что она делает?

– Э-э-э... она выплевывает в воздух золотую монету, мерингианский солид. Баррик прыгает, чтобы поймать его. Похоже, он разочарован. Он хочет большего, ему нужен поток золота. Калипса просит Дзынь-Хуа дать ему еще монет. Та выплевывает их, но только по одной за раз. Сейчас вылетел деванский спайт. Если не ошибаюсь, их не чеканили уже лет шестьсот.

– Прекрасно, – сказал я. – Она будет отвлекать его внимание, и он не заметит нас.

– Между тем, – сказала Келса, – мы здесь, и охранники намерены обыскать телегу. Наш возница успешно их обманет, но только если мы не привлечем внимания.

– Стражник достает копьё, – прошептал Пейдж. – Он протыкает товары.

– Тсс! – прошипел я.

– Он помял одну из моих страниц!

– Замолчи! – сдавленно рявкнул я.

– Что там такое? – потребовал грубый голос.

– Сырный творог, – ответил любезный голос фермера. – Такой свежий, что аж пищит!

– Давай-ка взглянем поближе, – сказал охранник.

– Я не могу его разворачивать, иначе он утратить свежесть!

– Вынимай его из телеги!

– Ну, если ты настаиваешь, – неохотно отозвался возница.

Мы услышали, как над нами все задвигалось. Надо мной было всего два слоя мешков. Если вдруг охранники решат помочь, нас тотчас обнаружат.

Глаза Тананды были почти рядом со мной, и я заметил в них тревогу.

– Сделайте же хоть что-нибудь! – прошептала она.

И кто-то что-то сделал. В нос ударил ужасный запах и окружил нас всех миазмами.

– Ааз!

– Это не я. Это Асти.

– Что это, черт побери, за вонь? – спросил один из охранников.

– Я ЖЕ СКАЗАЛ, это творог!

– Фу! Давай, проезжай скорее и прямо на кухню, приятель. Повар порежет тебя на куски и подаст на десерт, когда почувствует это!

И снова ворчание. Мешки с корнеплодами, которые были убраны с телеги, вновь шмякнулись на меня. Я подождал, когда голоса стражников стихнут, и почувствовал, что тяжелая повозка вновь неуклюже загромыхла дальше.

– Пронесло, – шепнул возчик.

– Я больше не могу этого терпеть, – заявил я. – Сделайте что-нибудь с этой вонью!

– Это не я, Ааз, – запротестовала Чаша.

Я напряг мышцы, и мешки соскользнули с моей спины. Я помог Тананде вылезти наружу. Она смахнула со своей одежды пыль. Я оглянулся. Оказалось, что мы стоим за кучей мусора.

– Теперь вижу, – сказал я. Затем мы втроем откопали Клад. Все сокровища маскировки ради ехали в потертых мешках. Буирни и его дублер ехали в одном и том же.

– О, вот так лучше! – пропела Келса, когда я вытащил ее. – Теперь я все вижу!

Я вывалил Золотой Клад из мешков. Зильди вскочил на ноги и тряхнул своей барабанной головкой, пока та не загремела.

Лицо Келсы в восторге закружилось внутри хрустального шара.

– Баррик очень умен, коль он воспользовался чарами щита. Весьма экономично, теперь, будучи внутри заграждения, я это отлично вижу. Он возвел чары стен... В смысле, стену чар...

– Связывающие чары, смотри страницу 10 582, – нараспев произнес Пейдж.

– Да! Я ничего не видела, пока мы не оказались внутри, но теперь я все вижу!

– Успокойся, – рыкнул я, пока Тананда привязывала Буирни к Зильди. – Не будем привлекать внимание...

– Стой, кто идет? – потребовал голос. – Руки вверх!

Я повернулся с широкой улыбкой на лице. К нам, направив в нашу сторону копья, подошли трое длиннорылых стражников.

– Эй, привет! – воскликнул я. – Мы тут заблудились на экскурсии. Не подскажете, где ближайший сувенирный магазин?

– Эй, стража! У нас тут какой-то огромный урод! – крикнул первый охранник.

– Это кого ты называешь уродом? – рявкнул я в ответ. – Ты лучше на себя посмотри! Можно подумать, твоя мамаша засунула твой нос в тиски!

Капитан стражи ткнул меня копьём в ребра.

– Ой!

– Молчать!

В мгновение ока нас окружили не менее двадцати солдат. Их головы были закутаны в кольчужные капюшоны, их длинные заостренные рыла зубасто улыбались.

– Я могу оторвать им уши, – заявил Буирни.

– У меня есть только заклинание, – сказал Пейдж. – Если вы будете повторять за мной...

– Зелья, может, кому-нибудь зелья? – спросила Асти.

– На каком сокровище сейчас Калипса? – спросил я.

– Все еще на Дзынь-Хуа, – весело отозвалась Келса. – Боже мой, этот Баррик аж танцует от нетерпения. Кстати, почти изящно для такого мерзкого существа, как он. Не думала, что у крокодилов есть чувство ритма.

– Кому сказано, молчать! – рявкнул стражник, вновь ткнув меня копьём.

– Нам хватит времени, чтобы попасть в подземелья и снова выйти?

– О да, вы попадете в подземелья, это я вам гарантирую, – прошипел главный стражник, когда прибежало еще больше солдат, взявших нас в кольцо. – А вот выберетесь ли назад – этого не обещаю.

– Какая избитая фраза, – вздохнул Пейдж.

– Все в порядке, – сказал я. – Мы сами хотим пойти в темницы.

– Это так удобно, – добавила Тананда, заигрывая с ним и трепеща ресницами. – Это избавляет нас от необходимости спрашивать дорогу.

– Я могла бы указать ее и сама, – обиженно сказала Келса.

– Да вы совсем сбрендили, – сказал капитан охраны, покачивая рылом, и свободной рукой указал на сокровища Клада. – Конфискуйте эти... вещи!

– Мы не «вещи», – тут же обиделась Асти.

Капитан повернулся ко мне:

– Скажи им, чтобы заткнулись.

– Приятель, – вздохнул я, – если ты заставишь их заткнуться, я сниму перед тобой шляпу.

– А теперь топайте вперед! Шагом марш!

– Могу я сообщить вам обновленную информацию о ситуации в зале для аудиенций? – спросил Пейдж.

– Только диалог, хорошо?

– Безусловно. «Дзынь-Хуа издала звук, похожий на «пту». «Прелестно, красиво», похвалил Баррик, черодей и завоеватель Уолта».

– Только без примечаний редактора, – рыкнул я.

– Но так записано в архивах, – обиделся Фолиант.

– Ладно, я понял. – Я повернулся к стражникам: – Нельзя ли поживее? У нас плотный график!

– Они точно чокнутые, – прокомментировал один из охранников. – Его Магичество захочет узнать о них как можно скорее.

– Иди, доложи, – велел капитан.

– Оставайся здесь! – приказал я. – Мы слишком опасны для малочисленного отряда.

– Что?

Тананда обвинилась вокруг охранника и игриво погладила его зубастую челюсть пальцем.

– Смотри, я убегаю.

– Вернись в строй, чужестранка! – скомандовал капитан.

– Так с дамой не разговаривают, – сказала она и, врезав стражнику кулаком в длинное рыло, сбила его с ног. Тот упал навзничь.

Нас тотчас окружил весь отряд, тыкая в нас остриями копий.

Тананда подняла руки, сдаваясь.

– Полегче, полегче! Я вовсе не против грубых игр, но давайте сначала договоримся про стоп-слово.

Умей стражники-дайлы краснеть, они бы точно покраснели до ушей.

– Марш! – рявкнул капитан охраны более хрипло, чем раньше.

– Калипсе лучше придерживаться графика, – сказал я.

Глава 23

Подземелье было примерно таким, какое я ожидал от человека, прочитавшего «Руководство тирана по притеснению, или Деспотизм для чайников». Тяжелая железная дверь с решеткой размером с мою руку со скрипом открылась. За ней вниз вела винтовая лестница, настолько узкая, что мы могли спуститься только гуськом. Стражники спереди и сзади зажгли факелы, которые дымили, как наркоманы, курящие по пять пачек сигарет в день, и излучали ровно столько света, что невозможно было отличить тени от твердых предметов. Стены пропахли кровью, страхом, невымытыми телами узников, тухлой едой и крысиным пометом. Учитывая, что мы находились довольно далеко от измерения, откуда произошли крысы, я на мгновение поразился вездесущести этого вида паразитов.

Мои мысли на мгновение отвлекли меня от комментария Пейджа, который ни на минуту не прерывал своего репортажа.

– Его попытки побудить Дзынь-Хуа ускорить выдачу денег не увенчались успехом. Он угрожал жизни Калипсы, но Кошелек делал вид, будто его не слышит. Он велел лакею ловить монеты, когда она их выплевывает.

– Дай мне знать, когда у него закончится терпение, идет? – спросил я.

– Разговоры в строю! – донесся до нас окрик капитана.

Внизу лестницы стражники прижали меня и Тананду к стене. Тюремщик ухмыльнулся нам, демонстрируя щербин в рядах сотен стесанных желтых зубов.

– Полагаю, что отсутствие гигиены полости рта среди тюремщиков – универсальное явление для всех измерений, – прокомментировал я.

– Тишина!

Тишину нарушил Пейдж:

– «Чародей смотрит на Меч. Он делает знак девушке-уолту, чтобы она передала его ему. Она отказалась. «Если ты не отдашь его мне, твой дед умрет долгой, медленной, мучительной смертью», – говорит он».

– Ты будешь когда-нибудь уделять внимание грамматике? – раздраженно бросила Келса. – Ты то и дело прыгаешь между настоящим и прошедшим временем.

– Прости. Я не привык сообщать о том, что недавно записано в архивы. Времена то и дело меняются.

– Что нам делать с золотом? – спросил капитана один из стражников.

– А ты как думаешь? Мы спасаем их для Его Магичества! Он знает все, что здесь происходит.

– Не все, – возразила Келса. – Он ведь не знает, что ты сочинил о нем песенку. В ней поется: «Баррик – косоглазый гад, на носу колючек ряд...»

– Скажи, это круто! – воскликнул Буирни. – Задай мне ритм, Зильди!

ПАТА-ТАТА! ПАТА-ТАТА!

– Тишина!

Ба-дум. Барабан разочарованно кивнул.

– Тебе лишь бы унижить артиста, – пожаловался Буирни.

– Хватит ныть, – рявкнул я на него. – Через минуту у тебя будет масса преотличных возможностей.

– Может, мне усыпить их прямо сейчас? – спросила Асти. – Они действуют мне на нервы почти так же, как и ты.

– Пока не надо, – ответил я.

– «Против ее воли, – продолжил Пейдж, – девушка-уолт протягивает Меч. Чародей Баррик выхватывает его у нее. «Ты будешь служить мне?» – спрашивает он у Меча. Эрзац смотрит на него. «У тебя дрянная хватка. Ты выронишь меня сразу же, как только замахнешься». Чародей приходит в ярость. «Пту!» – говорит Дзынь-Хуа. Баррик отвлекается, так как его слуга прыгает, чтобы поймать монету...»

– Этих надо приковать к стене в камере 47, – приказал капитан.

– Я еще не успел там убраться. В ней все еще лежит другой парень, ну, тот, который умер.

– Плевать, – сказал капитан, злорадно поглядев на меня. – Извращенцы ведь не против дохлятинки, а?

– Ну что, пора, Ааз? – спросила Асти.

– Еще нет, – прорычал я. Стражники между тем подогнали нас, угрожая остриями пик, к низкой, потемневшей от копоти двери. Я разглядел, что защелка замка находится в нижней трети двери, далеко от глазка. Даже Тананда вряд ли смогла бы дотянуться до нее, даже при условии, что мы сумеем разорвать обещанные стражником цепи.

– Ааз, – сказала она.

– Я знаю, знаю! Келса, что происходит?

– Он просто отбросил Эрзаца в сторону. Калипса чуть не грохнулась в обморок, когда тот упал на землю. Он начал подбирать Фолиант.

– Фолиант – это я, – оскорбился Пейдж.

– Да, я знаю, дорогой, что ты не тот томик, который Калипса пытается выдать за тебя. Ты понял?

– Что происходит? – перебил ее я.

– Итак, Дзынь-Хуа подождала, пока он начал ее поднимать, а затем выплюнула еще одну монету. Она так красиво раз за разом заставляет его нагибаться, что можно подумать, что она уже делала это раньше!

– Она делала это раньше, – подтвердил Пейдж.

– Баррик нахмурился, – сказала Келса, широко распахнув глаза в образе извергини. – Он считает. Ой, да он расстроен! Послушайте!

Из Хрустального шара громко и отчетливо раздался гундосый голос. По всей видимости, это был Баррик.

– Но здесь только шесть вещей из Клада. Где великое Кольцо, Бозебос?

– Это голос Его Магического, – в ужасе вскрикнул капитан. – Как ты это делаешь? Он нас слышит?

– О боже, нет, – ответила Келса. – Я лишь приемник, а не телестудия. Для этого я советую вам поговорить с...

– Заткнись! – сказал я. – Не мешай слушать.

Затем раздался голос Калипсы. В нем как будто слышался вызов, но я-то знал: она напугана до полусмерти.

– Я отдам Кольцо, когда вы приведете сюда моего деда и дадите мне убедиться, что с ним все в порядке.

– С чего ты взяла, что можешь со мной торговаться? Он останется в темнице, и, если только ты не желаешь составить ему компанию, немедленно отдашь мне свои сокровища!

– Тогда я найду его.

– Этого нет в сценарии, – простонал я. Затем я услышал звуки потасовки.

– Убери от меня свои мерзкие чешуйчатые лапы!

Должен сказать, что Калипса была великолепна в своем негодовании, хотя мне и не понравился ее выбор оскорблений. За воплем последовала пощечина, которую слышали все, кто был в темнице.

– Как ты посмел прикоснуться ко мне! Ты за это заплатишь! Я исполню Танец Смерти! Мы с Танандой переглянулись.

– Этого точно нет в сценарии, – сказал я.

Голос Баррика сделался выше обычного:

– Стража! Стража! ВСЕ мои стражники, немедленно схватите эту девку!

– Нам надо идти, – сказал капитан, делая знак тюремщику. – Запри этих двоих. Всем готовиться к выходу!

Стражники подтолкнули нас к зияющей черной дыре за низкой дверью. Я уперся ногами в пол, пытаясь их задержать. Тананда схватилась за скобу настенного факела. Дайлы один за другим оторвали ее пальцы и дюйм за дюймом затащили ее в камеру.

– СЕЙЧАС, Ааз?

– Будь моим гостем, – сказал я, держа Асти прямо перед лицом капитана. – Эй, приятель, взгляни, какая симпатичная чашечка!

Через край Асти полилось – нет, не золотое молоко доброты, а зеленовато-бурая маслянистая жидкость. Капитан схватился за меня, но устоять на ногах не смог.

БАЦ!

Он сбил с ног соседнего стражника, тот в свою очередь – третьего, и так далее. Они падали, как костяшки домино.

– Омани балундари стратеруми бригундери...

Пейдж начал громко читать заклинания. Стража, державшая его, окаменела. К нему потянулась еще пара дайлов.

– ...вискери спосори топпири зинк!

Они тотчас завертелись на месте волчком.

– Доволлллльно! – застонали стражники.

Фолиант захлопал обложками и, словно гигантская золотая бабочка, взлетел к лестнице.

– Увидимся в зале для аудиенций, – раздался сверху его мягкий голос.

– О, это тоже моя реплика, – сказал Буирни.

– Давай, Зильди, Клик! В такт. Раз, два...

В сопровождении своего верного барабанщика Зильди Буирни обрушил на уши дайлов оглушительный шквал боевой музыки казу. Стража наверняка рухнула бы на колени, заткнув пальцами уши, не кружись она в безумной пляске. Те, что были на сухой земле, приседали и извивались, иногда сбиваясь на тустеп. Остальные дергали ногами и подпрыгивали. Один стражник покачнулся и, полетев навзничь, рухнул на своих товарищей. Все тотчас начали падать... да-да, в точности как костяшки домино. В конце концов весь отряд вяло елозил спинами посреди огромного маслянистого пятна. Их ноги продолжали подергиваться. Когда я проходил мимо, они в один голос запросили пощады. Мои собственные ноги были защищены противоскользящим лосьоном, который Асти приготовила заранее, что также защитило нас от танцевальных чар Буирни.

– Мы с отцом спустились в лагерь вместе с верховным генералом Миквуком Трибули. Там мы увидели бесов и свинок, красных, как паста фаджиоли! – пел Буирни под носовое гудение. Стражники дергались и били конечностями по земле в такт барабанной дробы. – Пойдемте, мальчики.

Освещенный лучом Клика, малый барабан с Буирни на борту перебежал нефтяное пятно. Поверженные дайлы продолжили свой танец.

– Отпусти нас, извращенец, – взмолился капитан, раскачиваясь взад и вперед.

– Изверг, – поправил я его, после чего нашел тюремщика – тот все еще дергался в напольной джиге, – и избавил его от связки ключей. – Сердечное спасибо, приятель.

– Я должна подняться туда как можно скорее, – сказала Тананда. Я протянул ей Асти. Та продолжала извергать масло, хотя и старательно избегала ног Тананды.

– Давай. Я поднимусь туда, как только смогу.

Она кивнула и убежала на цыпочках.

– Посвети мне, – сказал я Келсе.

– Посвети? Впереди! – сказала Келса и истерически хихикнула. – Ой, я сказала в рифму!

Ее шар начал ярко светиться, и вскоре нас окружил золотой нимб. Держа ее перед собой, я начал осматривать камеры.

Я не увидел какой-либо значимой причины того, почему Баррик держал здесь своих пленников. Я открывал все двери, мимо которых проходил. Похоже, уолты обладали естественным иммунитетом к музыке Буирни. Они степенно, не теряя достоинства, вышли из камер. Некоторые из них даже поклонились в знак благодарности, проходя мимо меня к выходу из подземелья.

– Осторожнее, там масло... – крикнул я, хотя, похоже, в этом не было необходимости. Ступив в пятно, они легко скользили по нему. Я вернулся к моим поискам.

Коридор оказался длинным проходом, устроенным в естественной расселине скалы. Он тянулся неравномерными блоками. Я был впечатлен тем, что Баррику за то короткое время, которое он провел на Уолте, удалось построить такое огромное подземелье. Чем дальше мы продвигались в глубь горы, тем все ниже и ниже становился потолок. К тому времени, как мы добрались до последней камеры, я уже шел пригнувшись. Я вытащил последний ключ, огромный железный стержень с дюжиной сложных головок на конце. Я заглянул в крошечное оконце. Согбенная фигура, не вставая, подняла глаза. Покрытые перьями руки безвольно лежали на коленях.

– Калипсо? – спросил я.

Пленник резко вскинул голову и выпрямил спину, насколько то было возможно в камере половинного роста.

– Кто желает это знать? – царственно спросил он.

– Мое имя Ааз, – сказал я. – Твоя внучка прислала меня за тобой.

Старик вытаращил глаза:

– Калипса! Где она?

– Наверху, – сказал я. – Исполняет нечто под названием Танец Смерти.

Старик вскочил и в ужасе замахал руками:

– Что? Это крайне серьезно! Если она действительно его танцует, то либо она сама, либо ее противник умрет, прежде чем танец закончится. Мы должны прийти ей на помощь!

– погоди, – сказал я. – Во-первых, где кольцо, которое ты всегда носил с собой?

Старик прижал руку к своему тощему животу.

– Я его проглотил, – признался он. – Этот ужасный Баррик не должен обладать сокровищами рода Калипсо!

– Ой! – воскликнула Келса. – Это объясняет те шумы, которые я слышала. В твоем возрасте очень вредно иметь в пищевом рационе столько тяжелого металла, дорогой.

– Мы можем его как-то достать?

– Асти может приготовить рвотное средство, – сказала Келса.

Внезапно к золотистому свету добавились разноцветные блески. На уровне лица засверкала кучка драгоценных камней. Это было кольцо в видении Келсы. Мое сердце тотчас заби-

лось от жадности, хотя, если честно, вещица была продуктом Школы Дизайна Полной Безвкусицы. На верхнем камне, бриллианте размером с мое глазное яблоко, появилось маленькое личико, похожее на рожицу раздраженного лепрекона.

– Бозебос не нуждается в помощи, чтобы выбраться из труднодоступных мест, – заявило Кольцо.

– Оно умеет говорить! – воскликнул Калипсо. – Сокровище рода Калипсо умеет говорить!

– Что в этом необычного? – спросила Келса. – Во вселенной тысячи магических колец. Большинство из них говорящие.

– Келса? Это ты? – спросило Кольцо, поворачивая к ней крошечное личико. – Что ты здесь делаешь?

– Мы все здесь, дорогой.

– Эти жуткие звуки... это что, Буирни?

В сияющей сфере появилось лицо Келсы. Она улыбнулась Кольцу.

– Да! Временами это было сущей пыткой, когда в течение последних нескольких дней он постоянно находился рядом, но должна сказать, что это было и САМОЕ интересное, знаешь ли. Я не видела никого из вас, боже мой, многие столетия! То есть воочию. Разумеется, я видела всех вас в своих видениях...

– Но почему именно сейчас?

– Мы были вынуждены, дорогуша. Нам пришлось собраться вместе, чтобы спасти жизнь вот этому уолту.

В воздухе Кольцо, похоже, задрожало от ярости.

– Вы должны немедленно уйти! Это МОЕ измерение! Я здесь Единственное Кольцо.

Старый уолт в изумлении посмотрел на них:

– Я думал, это бижутерия. Почему оно не говорило раньше?

– Ваша семья настолько талантлива, что вы никогда не нуждались в моей помощи, – ответил Бозебос. – Но с вами было приятно пожить какое-то время. Увы, скоро я буду вынужден уехать. Я нужен другим. – Он с отвращением посмотрел на Келсу: – Я ни в коем случае не останусь, если остальная часть Клада будет здесь. Тут уже и без того слишком тесно.

– Боже мой, только не строй из себя примадонну! – сказала Келса. – Кстати, коль уж речь зашла о таких вещах, ты бы видел пируэт, который только что исполнила Калипса! Она взлетела в воздух на восемь футов и опустилась на землю с мечом, целясь Баррику чуть не в самое горло! Это его взбесило. Он не слишком хорошо владеет мечом, она же брала уроки всего несколько...

– Сколько можно без умолку трещать о пустяках? – взорвался Бозебос. – С меня довольно того, что ты здесь, что ты вторглась в мое личное пространство.

– Эй! – проревел я и, взяв Кольцо в одну руку, сердито посмотрел на него. – Калипсе мы нужны немедленно! Пойдем.

Глава 24

Следуя указаниям Келсы, я провел старого Калипсо к другой крутой каменной лестнице. Посмотрев на спираль, ведущую вверх за лучом света Хрустального шара, старик нервно сглотнул, однако храбро поставил ногу на ступеньку и начал подниматься вверх. Увы, уже через пару шагов я понял, что ему не преодолеть всех ступеней.

– погоди, – сказал я. Мои слова были адресованы Кольцу. – Ты же такой сильный магический предмет! Помоги ему подняться по лестнице.

Маленькое личико надменно передернулось.

– Я могу сделать кое-что получше, извращенец!

Не успел я договорить слово «из-ВЕРГ», как меня ослепил яркий синий свет. Когда он рассеялся, я увидел, что стою в огромной комнате с высоким потолком, расписанным фресками, напротив двойных дверей. Издалека доносились резкие звуки казу, но магия Буирни была достаточно мощной, чтобы челядь Баррика, все его придворные, слуги, рабочие, прыгали, крутились и раскачивались под пронзительные звуки дудки. Стражники, которым полагалось стоять лицом к нам, чтобы защищать двери, держась за руки, дружной шеренгой вышагивали вперед и назад, изгибаясь, словно виноградная лоза.

– Стой! – потребовал стражник на самом ее конце, выделявая ногами причудливые коленца. – Кто идет?

– Забудь о них, – сказала Тананда, выходя из-за колонны. – Они не в состоянии остановиться даже на миг, чтобы схватить тебя.

– Почему ты не там, не присматриваешь за Калипсой?

– Не могу попасть внутрь, – сказала она. – Я говорила тебе, что это место защищено от воров.

Я дернул за ручку двери, железное кольцо размером с мою голову.

Напрасная попытка.

– Потребуется усилие, но я могу его взорвать, – сказал Бозебос. – Отойдите.

– Знаете, что интересно, – сказала Келса, – двери почему-то всегда заколдованы, а вот *замочные скважины* никого не интересуют.

– Ха! – воскликнул Бозебос, направляя малиновый луч в продолговатую дыру. – Ты права! Ну-ка все вместе, дружно!

Золото и блеск слились в одном луче. Дыра становилась все больше и больше. Мне даже не пришлось нагибаться, чтобы пройти через нее.

Внутри подручные Дайла стояли рядами. Взгляды всех до единого были прикованы к чему-то происходящему за их головами.

– Они не танцуют, – сказал я. – Как он это делает?

– Баррик – могущественный чародей, дорогой, – сказала Келса. – Эта девушка откусила больше, чем может прожевать. Не то чтобы уолты действительно умели кусать или жевать, так сказать...

– Моя болтливая партнерша имеет в виду, что Баррик контролирует все, что происходит в той комнате, – пояснил Бозебос. – Чтобы полностью его победить, сил одного из нас явно недостаточно.

– Хорошо, что вас больше, чем один, – сказал я.

– Поспешим! – воскликнул Калипсо. – Я нужен моей внучке!

Стражники, которые по идее должны были преградить нам путь, стояли как истуканы, глядя на то, что происходило в центре. Мы с трудом пробивались сквозь плотную толпу.

В центре широкого круга, оставленного солдатами, Калипса и похожий на рептилию Баррик старательно нарезали круги друг вокруг друга. Он, в плаще и небольшой шляпе с перьями, двигался низко пригнувшись. Она – в туго зашнурованных туфлях для танцев – сновала вокруг него, с высоко поднятыми руками. Это напоминало некий дикий брачный ритуал со стражиц «Нэшнл Джоигрэфик». Единственная разница между поединком и пасадоблем заключалась в том, что Калипса размахивала огромным мечом. Дайл-чародей старался держаться от нее подальше. На полу высилась груда золота, брошенные фальшивые сокровища, а поверх последних – Дзынь-Хуа. Время от времени она выплевывала вверх золотые монеты. Поскольку взгляды присутствующих были прикованы к «дуэли», те грустно падали на пол, никем не замеченные.

В сторонке, прислонившись к колонне, стояла Тананда.

– Вы, должно быть, Калипсо, – сказала она, тепло взяв старика за крыло. – Я так рада, что вас вызволили из застенка. Я – Тананда.

– Почему ты ничего не делаешь, чтобы помочь моей внучке? – потребовал ответа Калипсо.

– Я ей не нужна, – сказала Тананда. – С ней все в порядке. Смотрите.

Юная девушка-уолт величественно обошла зеленого чешуйчатого Дайла. Казалось, тот был в невыгодном положении. Он явно не привык к угрозам со стороны танцорши-подростка, и это сбивало его с толку. Вместо того чтобы взять инициативу в свои руки, он лишь вяло реагировал на ее выпады. Калипса взмахнула свободной рукой, топнула ногой и закружилась. Вороненая сталь Эрзаца засвистела, рассекая воздух.

– Внучка, стой! – крикнул Калипсо. – Только не вздумай исполнять Танец Смерти! У тебя вся жизнь впереди.

Двое противников обернулись, чтобы увидеть, кто это кричит. И оба тотчас разинули рты.

– Кто выпустил этого старого дурака? – прорычал Баррик.

– Калипса! Осторожнее!

– Дедушка! – взвизгнула от радости Калипса. Впрочем, она тотчас овладела собой и с усмешкой повернулась к Баррику: – Ты негодяй! Ты тот, кто бросил великого Калипсо в темницу! Ты пытался опозорить нашу семью! Ты пытался обмануть меня! Ты умрешь!

– Я убью тебя, девка! – воскликнул Баррик.

– Один останется жить, а другой умрет, – мелодраматично возразила Калипса. Они продолжали ходить кругами, ища удобный момент, чтобы нанести удар.

– В чем смысл Танца Смерти? – спросил я у старика. – Разве это не просто танец, как и все остальные?

Калипсо гордо приосанился, его тощая спина напоминала доску.

– Сэр! Все наши танцы имеют смысл! Танец Смерти – это вызов и азарт. Как только он начался, его можно прервать лишь на короткое время, но он никогда не закончится, пока один из участников не умрет!

– Аййй! – взвизгнула Калипса. Держа Эрзац горизонтально над головой, она нацелила его острие в Баррика. – Это дело чести!

Она сделала выпад. Чародей отскочил. Он ощупал карманы мантии, и его руки на миг запутались в толстом бархате.

Калипса двинулась на него. Но не успела она замахнуться Мечом, как он выхватил из кармана волшебную палочку и нацелил на нее.

– Контрзащита на четыре! – крикнул Эрзац. Калипса в мгновение ока опустила Меч и повернула лезвие вверх и влево.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.